

Герард Реве

ВОЛФ

*Перевод
Ольги Гришиной*

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 Нид

Gerard Reve
Wolf

Редактор: Дмитрий Волчек
Обложка: Алексей Кропин
Верстка: Сергей Фёдоров
Корректор: Кирилл Путресцинов
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

*В оформлении обложки использована
иллюстрация Вильгельма фон Каульбаха
к «Рейнеке-Лису» (1846)*

© Manteau, 1983
© Kolonna Publications, 2020

ISBN 978-5-98144-271-1

*Посвящается Марии, Матери Создателя
нашего, и Матросу Лису*

Глава 1

Когда Волф был еще мальчиком, дома у него нередко случались разлады, и не проходило дня, чтобы он не ссорился с родителями. Они у него, правду сказать, были несколько жесткими и старомодными, но Волф рос весьма жизнерадостным и шумным ребенком, не мог долго сидеть на месте и охотно совался всюду, где «что-нибудь этакое приключалось», как он это сам называл. Там, где он жил, было мало развлечений или удовольствий: в его деревеньке ничего никогда не происходило. Даже в выходные дни люди по большей части сидели дома. В воскресенье они вообще ничего не делали, ибо в день Господень ничем заниматься нельзя. Волф любил жизнь и движение, а пуще всего музыку и танцы: это он умел очень хорошо. Музыкае он никогда не учился, но мог сыграть любую мелодию на банджо, на гитаре, на окарине или на тамбурине и при этом великолепно пел. Частенько в компании сверстников его просили что-нибудь сыграть и спеть. Это он делал с удовольствием, но исподволь, после пары песен, наступало желание и сплясать. Плясал он

совершенно один, подыгрывая себе на тамбурине.

В его деревне считалось, что танцы – нечто безнравственное, а уж мальчик, пляшущий в одиночестве – это они находили совершенно безумным.

8 Волфу очень хотелось, чтобы у него был дружок, с которым можно было бы исполнять самые разные танцы, но ни один мальчик на это не решался, потому что все до одного считали, что это ненормально.

– Чем бы ты хотел заниматься? – спросил отец Волфа, когда тот подрос.

– Я хочу плясать и петь, – искренне ответил Волф.

– Здесь такое нельзя, – ответил отец. – Придется тебе поискать что-нибудь еще. – Он сказал это с грустью, потому что знал, что Волф не останется в деревне, а отправится в привольный мир. Эта мысль печалила его, ибо он крепко любил сына.

Волф очень мало знал о мире за пределами своей деревни. Она была весьма уединенной, и люди из других мест заходили туда крайне редко. Однажды к ним заехал мальчик на велосипеде; у него была с собой палатка, которую он установил неподалеку от деревни, на лесной опушке. В деревне это сочли весьма необычным, и однажды Волф пошел взглянуть на палатку. Сперва он не решался подойти поближе, но мальчик увидел его издали и поманил. Волфу показалось странным, что его

поманил незнакомый мальчик. Он подошел поближе, и мальчик, сидевший на траве перед палаткой, пригласил его присесть рядом. Ему было примерно столько же лет, сколько и Волфу. Сначала Волф не решался ничего сказать и просто молча сидел на траве. Но мальчик заговорил сам и сказал, что его зовут Андре. Он хотел знать, чем Волф занимается и что любит.

– Петь и плясать, – сказал Волф. – И играть музыку. – Он был очень застенчив и при этих словах покраснел, хотя и сам не знал, отчего. 9

– Так ты, стало быть, сам музыку сочиняешь? – спросил мальчик. У него был приветливый голос.

– Да, на разных инструментах, – отвечал Волф. После этого он долго не решался ничего говорить. Был полдень, стояла прекрасная погода. Солнечные лучи наколдовывали глубокий золотой глянец на листьях деревьев и кустов, и, если заглянуть в палатку, было видно, что тонкая парусина просвечивает мягким зеленым светом. Волфу очень хотелось что-то сказать, но он и сам не знал, что именно. Мальчик снова весело заговорил.

– Может, ты сыграешь что-нибудь для меня? – спросил он Волфа.

– Да, конечно, – отвечал Волф. – Я сейчас вернусь.

Он поспешил домой за своими музыкальными инструментами.

– Возьми мой велосипед, – крикнул мальчик вдогонку, но Волф уже не слышал его, так

быстро он бежал. Дома он не позволил себе ни малейшей передышки, а сразу же помчался назад, с гитарой под мышкой и с тамбурином под другой. Лицо у него было залито потом, он задыхался, когда подбежал к Андре и его палатке. Ему нужно было перевести дух, и он не мог вымолвить ни слова. Андре следил за тем, как он приближается, и долго глядел на него, когда Волф уселся рядом с ним на траву. Он глядел на него очень дружелюбно, но было в его взгляде что-то, смутившее Волфа. Отчего этот чужой мальчик, который совершенно не знал его, столь приветливо на него смотрит?

– Как тебя зовут? – спросил Андре.

– Волф, меня зовут Волф, – быстро ответил Волф. Как глупо, что он сразу не назвал Андре своего имени! Он подыскивал слова, чтобы объяснить Андре, например, как это прекрасно, что ему можно сидеть рядом с ним возле палатки и быть близко к нему, но не сказал, ибо опасался насмешек Андре. Потом ему пришлось что-то сказать: не мог же он сидеть, не раскрывая рта.

– Чем ты занимаешься, Андре? Что любишь? – спросил Волф. Глупый вопрос, счел он, поскольку Андре спросил его в точности о том же.

– Я еще учусь, – отвечал Андре. – Изучаю биологию.

– Что это такое? – спросил Волф. Вот теперь Андре подумает, что я совсем глупый, подумал он.

– Это о растениях и животных, – отвечал Андре. – Я изучаю животных.

– А животным это нравится? – хотел спросить Волф, но не был уверен, дельный ли это вопрос, и спрашивать не стал. Теперь он вовсе не знал, что ему делать, что говорить, и потому потянулся за гитарой, настроил ее, взял несколько аккордов и завел песню. Это была песня о неприкаянной жизни, полной дождя и ветра. Волф играл и пел с опущенными глазами, поскольку не знал, понравится ли песня Андре. Когда с последней строчкой он осмелился взглянуть на Андре, то увидел, что тот растроган и покорен, и что его ярко блестящие темные глаза устремлены на него, Волфа.

II

– Тебе понравилось? – спросил Волф.

– Да, очень красиво, – тихо ответил Андре, по-прежнему не отводя глаз от Волфа. – Спой еще? Споешь?

У Волфа было ощущение, что для Андре он пел и играл бы целую вечность. И еще он думал о песне, которую хотел бы написать специально для Андре, чтобы петь и играть ее, когда они уединятся в палатке. Он с удовольствием сыграл бы ее еще раз, когда Андре уляжется спать в сером спальном мешке, который Волф заметил на полу палатки.

Солнце заходило, и золотистый свет на деревьях и кустах становился глубже, наливаясь алым. Волф играл и пел одну песню за другой. Постепенно он перестал опускать глаза, но осмеливался время от времени поглядыва-

вать на Андре. Тогда тот ободряюще кивал ему, и улыбался, и не сводил с него глубоких темных юношеских глаз. Ах, если бы я мог всегда петь для Андре возле его палатки, думал Волф. Но время шло, и скоро наступит вечер, и Волфу нужно будет домой, а Андре, когда стемнеет, заберется в спальный мешок и закроет палатку.

12 – Ты ведь и плясать умеешь, нет? – спросил Андре. Волф отложил гитару, встал и взял в руки тамбурин. Низкое солнце отбрасывало великолепные тени на его юное, блестящее от напряжения, сияющее лицо. Он начал плясать и петь песню, заканчивая каждую строчку и каждый куплет сильным ударом в тамбурин.

Андре следил за движениями Волфа. Он глядел не только на его лицо и поющий рот, но, казалось, ощупывал взглядом всю пляшущую фигуру. Волф это отлично видел и чувствовал, как горит его тело: возможно, от гордости. Но в то же время он был немного опечален, ибо становилось совсем поздно, и в конце концов ему придется проститься с Андре.

– Я оставлю тебе адрес, – сказал тот, пока Волф делал передышку между двумя танцами. Он дал ему клочок бумаги.

Быстро похолодало, и солнце готово было закатиться за деревья. У Волфа дома собирались ужинать, и он понял, что наступила пора уходить. Некоторое время он колебался, не оставить ли ему свой адрес Андре, но ему не ве-

рилось, что тот когда-нибудь захочет прийти к нему и справиться о нем.

– Ты дашь знать о себе? – спросил Андре, увидев, что Волф убирает в чехлы гитару и тамбурин.

– Да, хорошо, – отвечал Волф. Он сказал это очень тихо, ибо вновь сделался печален. Должен ли он сейчас протянуть Андре руку? Он не знал. Поэтому просто махнул ему и сделал несколько веселых танцевальных па, хотя ему вовсе не было весело.

13

– Пока, Андре, – сказал он и отправился домой.

Весь вечер он был очень тих, потому что думал об Андре. Ночью ему не спалось, а когда он уснул, ему снилось, что Андре зовет его, но он не может придти к нему.

На следующий день ему очень хотелось пойти к Андре и его палатке, но нельзя же так быстро, ведь он был там лишь вчера. Он решил подождать еще денек и на следующий день, прихватив гитару и тамбурин, отправился в путь. Погода по-прежнему стояла отличная, но палатка исчезла, и Андре тоже. Волф уселся на квадрат, оставшийся от палатки: трава в том месте была еще примята подстилкой и тем, что на ней лежало. Должен ли он теперь плясать и петь? Но для кого? Он чувствовал себя очень одиноким на опушке леса, где никого не было после исчезновения Андре и его палатки. Но внезапно ему подумалось, что он

может написать Андре письмо, спросить его, например, когда тот снова раскинет палатку на окраине деревни. Волф порылся в карманах, но листочка, на котором Андре записал свой адрес, не нашел. Дома он тоже искал повсюду, но листка не было. Неужели кто-то убрал его или по случайности выбросил? Что там было написано, Волф уже не помнил.

Глава 2

Волф рос, и вместе с ним росло желание стать самостоятельным и исполнить заветное желание: всю жизнь петь и плясать. Но как он мог его исполнить? Некоторые люди в деревне в глубине души находили пляски Волфа и его пение очень красивым, но не могли ему посоветовать, что делать. И всё же один человек всегда поощрял его, ибо сам любил песни и танцы. Дядюшка Волфа в юности лелеял такие же мечты, но так и не сумел воплотить их в жизнь. Ему пришлось заняться торговлей, чтобы поддерживать свое существование, и теперь он держал лавку хозяйственных товаров. «Ты – вылитый я», нередко говаривал он Волфу. Сперва Волф не понимал этих слов, но дядюшка Виктор (ибо его звали Виктором) поведал Волфу, как он сам в юности больше всего на свете любил петь и плясать, но, когда стал взрослым, ничего из этого не вышло, и он так и не решился выйти в привольный мир. «Возможно, и был у меня талант, когда я был таким молодым, как ты, – сказал он Волфу, – но у тебя, Волф, куда больше таланта, чем у меня. Не повторяй моей ошибки. Слушай голос сердца. –

15

И еще он сказал Волфу: – Если понадобится моя помощь, приходи ко мне. И я дам тебе всё, что нужно».

16 Волфу было непросто уйти из деревни, ибо что было ему делать на белом свете без денег? И он не пошел к дядюшке Виктору с просьбой, поскольку был слишком застенчив и робок. Однако дядюшка внезапно умер и, когда прочли его завещание, оказалось, что он оставил Волфу значительную сумму. К завещанию прилагалось письмо для Волфа, которое надлежало вскрыть только после смерти дядюшки. «Меня больше нет, милый Волф, – говорилось в письме. – Но могу дать тебе последний совет». Дядюшка Виктор писал, что Волфу надлежит приобрести доказательство навыков вождения, дабы управлять автомобилем. «И когда ты его получишь, должен будешь купить большой автомобиль, в котором можно будет жить и путешествовать. У меня есть трейлер, и он твой. Тебе нужно будет только купить машину, чтобы тянуть его».

Трейлер стоял в саду: дядюшка Виктор купил его когда-то в шутку, использовал как садовый и гостевой домик и содержал в полнейшем порядке.

Волф был очень благодарен дядюшке и немедленно взялся за уроки вождения. С первой попытки он сдал экзамен. После этого он принялся подыскивать автомобиль, который смог бы тянуть трейлер, и ему удалось

найти за приемлемую цену мощную машину, не совсем новую, но в отличном состоянии.

После того как Волф обустроил трейлер, наступил день отъезда, когда ему пришлось проститься с родителями и сестренками. Братьев у Волфа не было, ни одного. Нередко он думал: «Был бы у меня братишка, с которым я мог бы петь и играть музыку и танцевать, я, наверно, никогда бы не уехал».

17

Расставание его опечалило. Все были очень молчаливы. С его сестрой Виолой у него сложились самые сердечные отношения. «Ты не должен стыдиться, если придется вернуться, Волф, – торопливо сказала она ему, когда они ненадолго остались наедине. – И непременно дай знать, если будешь нуждаться».

После этого Волф привел в движение автомобиль и трейлер. Оба транспортных средства медленно выехали с узкой деревенской улицы на большую дорогу, которая вела в привольный мир. Достигнув ее, Волф прибавил скорости, и вскоре деревня пропала из виду.

Так Волф ехал несколько дней. Нигде у него не хватало терпения задержаться, и всё же он понимал, что придется останавливать трейлер на площади в городе или деревне и петь и плясать для людей, если они соберутся. У него еще оставались деньги, но надолго их не хватило бы.

В конце концов он смог заставить себя сделать остановку на деревенской площади и со-

брался было начать плясать и петь. Но что подумают люди? Деревня была куда больше его родной, но все же вполне то, что надо.

18 Сперва Волф уселся на лесенке своего трейлера и принялся тихонько наигрывать на гитаре. Вскоре стали останавливаться послушать прохожие, и постепенно собралась толпа. Теперь Волф был менее застенчив и более уверен в себе. Мало-помалу он заиграл громче и заметил, что многие из тех, кто останавливались только из любопытства, теперь слушают с увлечением и волнением. Он встал и начал петь и играть, прохаживаясь перед слушателями. После второй или третьей песни он спел об одиноком скитальце, который странствовал в поисках счастья. Когда толпа вознаградила его громкими аплодисментами, он осмелился соединить пение с искусством танца. Распевая, он выделял изящные танцевальные па перед слушателями и среди них, чтобы в конце концов, танцуя, распевая и размахивая тамбурином, описать широкий круг в толпе. После этого он снова очутился перед трейлером и поклонился. Что теперь? Он не знал, просить ли ему денег и как это следует делать.

К нему подошел господин в большой элегантной шляпе с широкими полями и протянул банковский билет. Это была крупная сумма, и Волф смутился.

– Слишком много, сударь, – сказал он.

– Вовсе нет, – возразил тот. – Ты очень красиво пел и плясал. Я в молодых людях разбираюсь.

При этих словах Волф растерянно застыл на месте.

– Ты же должен пойти собрать деньги? У тебя нет шляпы? Быстренько возьми мою. – И он немедленно снял шляпу и протянул ее Волфу. Тот теперь решился обходить людей и ловить в шляпу деньги, которые бросали ему зрители.

19

Когда Волф, пройдя со шляпой по кругу, заглянул в нее, в ней лежала довольно значительная сумма. Он вытряхнул деньги и хотел было вернуть шляпу владельцу, но тот сказал, что Волф может оставить ее себе.

– Как знать, может, она принесет тебе счастье, – с улыбкой сказал он. – Когда я был так же молод, я хотел выйти в привольный мир и петь, прямо как ты, но жизнь частенько поворачивается иначе.

– Но ведь теперь у вас нет шляпы, – возразил Волф, ибо ввиду своего доброго характера не хотел отнимать что-то, чего будет не хватать владельцу.

– Ах, шляпой больше, шляпой меньше, какая разница, – успокоил его владелец. – Посмотри-ка, подходит ли она тебе.

Об этом Волф не подумал, но, примерив шляпу, увидел, что она сидит превосходно.

– Ну, удачи, – сказал на прощание господин. – Это волшебная шляпа. Если «да», то она

смирно лежит, но если «нет», начинает подпрыгивать.

Волф понял, что господин шутит, но сердечно пожал ему руку. Потом они расстались, и господин махал Волфу вслед, когда тот на своем автомобиле с трейлером выезжал из деревни.

Глава 3

И снова вперед, по полям и проселочным дорогам! За рулем Волф напевал и насвистывал себе под нос, поскольку был доволен. Как же он был рад, что спустя дни и дни сомнений и нерешительности наконец осмелился взять и выйти на площадь, и плясать и петь перед совершенно незнакомыми людьми! Его страх и неуверенность были абсолютно беспочвенны, ибо люди сразу же сочли выступление великолепным. И среди зрителей было немало тех, что с благоговением глядели на пляшущую юношескую фигуру и поющий рот Волфа. Он не сразу это заметил, поскольку сам не знал, что теперь, когда он повзрослел, его стан стал изящным, а лицо тонким и милым: он сделался весьма привлекательным молодым человеком. 21

В каждой деревне и в каждом городе, где можно было найти подходящее место, чтобы поставить трейлер, Волф задерживался и выступал. И о да, всякий раз все было отлично, и снова и снова он знал успех, и люди щедрой рукой бросали всяческое добро в большую шляпу, которую просто так отдал Волфу дружелюбный господин.

«Ну что же, дела идут неплохо», – сказал себе Волф. Потихоньку он стал прикидывать, что да как. Ему нужно жить, а жизнь, разумеется, стоит денег. И придется откладывать на ремонт автомобиля или трейлера, если что случится. Посему он жил весьма скромно и не слишком много тратил на собственные нужды. В основном он сам готовил себе еду в трейлере, но изредка перехватывал что-нибудь в простом трактире, если еда была недорогой. Довольно часто, когда он заказывал маленькую порцию скромного блюда, тот, кто обслуживал его, потихоньку накладывал в тарелку побольше вкусенького. Это было оттого, что Волф всегда был очень застенчив, и потому что почти все находили его таким милым, когда слышали его речь: всякий, кто встречал Волфа, немедленно проникался к нему теплым чувством.

Однажды, когда он в таком вот трактире сидел за незатейливым обедом, с ним заговорила молодая женщина, которая управляла своей едальней совершенно одна. В трактире было очень тихо, и она спросила, нельзя ли ей присесть к нему за столик. Волф не возражал. Он был здесь уже пару раз, и молодая женщина всякий раз посматривала на него и время от времени ему улыбалась.

– Отчего бы тебе не остаться со мной? – спросила она. – Ты и я – люди одинокие. Но вместе мы больше одиноки не будем. Тебе не придется ездить с места на место, и если

ты время от времени станешь здесь, в трактире, плясать и петь, сам увидишь, сколько посетителей набежит. И ты, и я, оба про заботы позабудем.

– Вы хотите сказать: пожениться? – спросил, покраснев, Волф.

Теперь женщина засмеялась.

– Ну да, вроде того. Почему бы и нет? – отвечала она.

23

Это была очень милая, приятная на вид молодая женщина, но Волф понятия не имел, что ему обо всем этом думать. Он совершенно не знал женщин в том смысле, что имела в виду трактирщица. Он никогда не целовал и не ласкал ни одной женщины или девушки и не ведал, хочется ли ему этого. Нет, желание его было совсем иным: найти юношу, который захотел бы сделаться его братишкой, чтобы всегда петь и плясать вместе с ним. Он очень мало думал о женщинах или девушках и даже не представлял, как они выглядят без одежды. Конечно, на улице он слышал, как пьяные мужчины говорят о женщинах, причем такие вещи, которые его шокировали и выбивали из колеи. Он тогда торопливо уходил, и ему хотелось поскорее забыть услышанное.

Нет, Волф не думал, что ему нужно остаться в трактире с этой женщиной.

– Ну, что скажешь? – спросила она.

– Я... я не знаю, – отвечал Волф. Большого он произнести не осмелился.

– Человек сам всего знать не может, – убежденно сказала женщина. – Но у меня есть знакомая, она знает очень много и может заглядывать в будущее. Это одна моя подруга. Она умеет лечить, если кто заболит. И больных зверей тоже. Вот она точно сумеет дать тебе добрый совет. Чем плохо, ежели ты к ней сходишь?

24 Волф прислушался, ибо очень мало знал о жизни.

Молодая трактирщица дала ему письмо, которое он должен был вручить этой подруге, умевшей видеть будущее. На письме стоял адрес, но само письмо было заклеено, так что прочесть его Волф не мог.

Женщина, к которой направлялся Волф, владела подземным духом и была очень мудрой, но Волф не знал, чего от нее ожидать, и поэтому сильно нервничал. Она жила в темном домике в очень глухом лесу. Но женщина оказалась весьма приветливой, и Волф сразу почувствовал себя непринужденно. Сперва она прочла письмо, которое дала Волфу молодая трактирщица, и быстро припрятала его. Волфу она не рассказала, что было в письме, так что Волф не узнал, что молодая трактирщица просила опить его любовным зельем, чтобы он вернулся к ней в трактир, остался с нею жить и женился. Еще трактирщица писала, что заплатит очень много денег, если благодаря волшебному зелью Волф навсегда станет принадлежать ей.

Волф видел, как мудрая провидица, читая письмо, несколько раз покачала головой.

– Каких только нет желаний у людей, – сказала она, – но это не мое дело. Давай-ка, молодой человек, сперва расскажи малость о себе.

Тогда Волф рассказал этой мудрой женщине, которая владела подземным духом и звалась госпожой Сивиллой, все как есть. Он поведал ей, что не знал, насколько хорош план остаться жить с молодой трактирщицей.

25

– Верно, верно, – приговаривала госпожа Сивилла, слушая его. Затем спросила: – А сам ты чего бы хотел?

Тогда Волф рассказал ей, что жаждет найти юношу, который захочет сделаться его братишкой, разъезжать и жить с ним в трейлере, и всегда петь и плясать вместе с ним.

– Так, так, – с улыбкой поддакнула госпожа Сивилла, но не сказала Волфу ничего неприятного. – Нет, ты знаешь, – посоветовала она Волфу, – не нужно тебе возвращаться в этот трактир, к этой женщине.

Тут Волфу подумалось, что молодая трактирщица и госпожа Сивилла вовсе не были подругами. Для чего же тогда его сюда послали?

– Будь осторожен, молодой человек, – сказала госпожа Сивилла, – и не доверяй всем и каждому. Это первое, что я тебе скажу. А теперь я позову духа и спрошу его, даст ли он нам добрый совет. – Она приложила к уху большую морскую раковину и знаком велела Волфу за-таить дыхание.

– Молви, о дух, – произнесла она торжественным, заклинающим тоном, – и ниспошли этому юноше совет.

Было очень тихо в комнате, где стояли хрустальные шары, странные фигурки у стен и мертвые головы. И все же Волфу не было страшно, ибо он чувствовал, что женщина в самом деле хочет ему помочь.

26 Внезапно Волф, хотя и сидел в отдалении, услышал бормотание, раздающееся из глубины раковины.

– Я не понимаю тебя, о Дух, – проговорила госпожа Сивилла. – Пожалуйста, говори громче. – Взяв листок бумаги, она записала на нем что-то, другой рукой продолжая прижимать к уху раковину. После этого из раковины не раздалось ни звука, и госпожа Сивилла опустила ее. Она показала Волфу исписанный листок.

Эти двое не родня, прочел Волф. Что это могло значить?

– Я не могу сказать тебе с уверенностью, – заключила госпожа Сивилла. – Порой я понимаю сообщение духа сразу же, но иногда смысл его остается скрытым для меня. Но слова имеют смысл, будь уверен. А какой, иногда становится ясно гораздо позже. Хорошенько запомни их.

Она отдала ему исписанный листок, и Волф припрятал его. Нет, слова на бумаге он мог истолковать еще меньше, чем госпожа Сивилла. *Эти двое не родня*: какая странная, загадочная фраза! Но Волф был рад, что госпо-

жа Сивилла отсоветовала ему возвращаться к трактирщице, ибо, вообще говоря, у него во- все не было такого желания.

Он спросил, какое вознаграждение хоте- ла бы получить госпожа Сивилла, но та со- вершенно ничего не хотела от него: ни денег, ни награды.

– Единственное мое желание: чтобы ты хо- рошенько заботился о себе, – сказала она.

И это Волф ей обещал.

Глава 4

28 Снова ехал Волф вперед и мало-помалу стал привыкать к бродячей жизни. Сама по себе она, что касалось работы, была не слишком трудной или тяжелой, но иногда Волф чувствовал себя очень одиноким. Он ехал в автомобиле один, и в трейлере спал и жил в одиночку. Во время выступлений он, разумеется, видел множество людей, но не познакомился ни с кем из них и, когда заканчивались его песни и пляски, вновь уезжал.

Порой он уносился мыслями к дому и думал о родной деревне. Не написать ли письмо родным? «Нет, – счел он. – Если я начну писать, меня, возможно, потянет назад, и я стану думать о возвращении, а этого я не хочу. Я ведь теперь могу петь и плясать сколько душе угодно?» Да, это было так, но заветное желание Волфа при этом еще не исполнилось. Он по-прежнему надеялся встретить мальчика, который захотел бы сделаться его братишкой, чтобы петь и плясать и всегда быть с ним, и разъезжать и жить с ним в трейлере. Иногда во время выступлений он замечал среди зрителей подходящего мальчика: тот двигался в унисон

с мелодией, которую играл Волф, и невольно настолько очаровывался танцем, что повторял все па и взмахивал руками. И вот совпадение, это всегда был очень красивый и милый мальчик, и всякий раз Волф думал о том, что после выступления подойдет к нему и заведет беседу. Но всякий раз он слишком стеснялся. И к тому же он думал, что такой мальчик, разумеется, все еще ходит в школу или где-нибудь работает, и если он – хотя вряд ли это возможно – и захочет отправиться вместе с Волфом, родители его, вероятно, этого не позволят.

29

Но страстное желание Волфа найти такого юношу становилось все сильнее и в конце концов сделалось настолько неистовым, что он из-за этого нередко грустил и чувствовал себя растерянным и подавленным.

Порой случалось так, что Волф, заметив среди зрителей юношу, показавшегося ему очень милым, так часто взглядывал на него, что тот краснел и опускал глаза. Волф не знал, что бы это могло означать. Должен ли он подойти к юноше и завязать с ним разговор, или, напротив, именно этого делать не стоит? И происходило всегда одно и то же: Волф после выступления как можно скорее уходил и при этом не осмеливался больше смотреть на юношу. Но тот не выходил у него из головы и ночью снился ему. В снах Волфа юноша полностью обнажался и позволял Волфу мыть свое юношеское тело под душем. При этом Волф очень долго, в сущности, гораздо дольше, чем нуж-

но, задерживал руку с мочалкой в нижней части тела юноши: почти ласкающими движениями он скользил вспененной губкой вниз и вверх по частям тела, которые делают юношу юношей, и по задним частям, и между ними. Юноше это нравилось, и он даже говорил, что это доставляет ему удовольствие. «Да, продолжай как можно дольше мыть там, – говорил он во сне Волфу. – Это так приятно, когда ты водишь там губкой».

В этот момент сон всегда обрывался, и Волф просыпался и замечал, что его собственная юношеская штукovina, и без того сама по себе весьма крепкая, во время сна сделалась гораздо крупнее и тверже и из нее излилась на Волфа и постель уйма белого юношеского сока. Было ли это неправильно? Он не знал, но ведь во сне тот юноша радовался, что Волф так долго тер его в этих местах? И во сне Волф нашел юношу таким же милым, как тогда, когда заметил его в толпе среди зрителей во время представления, и он ведь мыл юношу так, как тому нравилось, не для того, чтобы поиздеваться? Волф продолжал размышлять, является ли такой сон ужасно неправильным, или, напротив, это очень хороший сон, доказывающий, что юноша ему в самом деле сильно понравился.

Но сны обманчивы, говорят в народе. Так ли это? Если всякий раз снится одно и то же, размышлял Волф, то такой сон должен что-то означать? Но что? Порой Волф думал, что, мо-

жет быть, во сне таится некий совет, и он должен этому совету следовать. Возможно, думал Волф, ему нужно преодолеть свою застенчивость, заметив среди зрителей очень милого юношу, и по окончании выступления просто к нему подойти. Он же ведь не хочет причинить этому юноше никакого зла? Последняя мысль даже внушила Волфу некоторую отвагу. Это ведь вполне может оказаться юноша, который хотел бы сделаться его братишкой и пожелал бы развезжать с ним, чтобы вместе с ним плясать и петь? И если это так, то, быть может, юноша охотно позволит себя раздеть, чтобы Волф в трейлере его вымыл? Волф решил, что с этих пор будет пытаться при подобной возможности действовать расторопнее и попросту слушаться голоса своего сердца.

31

В следующий раз, когда Волф где-то выступал, в одном из городков он заметил среди зрителей юношу, чей вид на несколько мгновений привел его в совершенное замешательство. Волф не мог отвести от него глаз, а юноша в свою очередь всюду следовал взглядом за пляшущей фигурой Волфа. Их взгляды постоянно встречались, но юноша не вспыхивал румянцем и не опускал глаза, а дружески улыбался Волфу. Это был высокий, худощавый парень одного с Волфом возраста, возможно, немного старше, с темными, страстными глазами, изящным и привлекательным лицом. И до чего же красиво одет! На нем была отлично об-

легающая фигуру вышитая куртка из тонкой, определенно весьма дорогой кожи.

32 В этот раз Волф точно знал, что вскоре, то есть после выступления, он просто подойдет к юноше и заговорит с ним. Но когда Волф спел и сплясал, тот сам подошел к нему. Это была совершенная неожиданность для Волфа. Да, он пообещал себе преодолеть застенчивость, но теперь, когда юноша стоял перед ним, сердце у него колотилось, и несколько секунд он не мог сообразить, что ему делать и что сказать. Но юноша сам сразу заговорил с ним. У него был красивый голос, и говорил он очень дружелюбно.

– Ты так здорово пляшешь и поешь, – сказал он. – Где ты этому учился?

Волф не смог сразу сообразить, что ответить. Хотел ли юноша знать, брал ли Волф где-нибудь уроки танцев, пения и музыки? Волф все постиг сам, никогда ни у кого не брал уроков и не ходил ни на какие курсы. Должен ли он этим гордиться, или это означает, что пляшет и поет он не слишком хорошо, и что могло бы быть куда лучше, если бы он обучался этому в школе?

– Я сам понемногу начал. А потом стал делать это чаще, – отвечал Волф. Теперь он подумал, что юноша, возможно, очень хотел бы сам плясать и петь. Сможет ли Волф обучить его, или нужно все постигать самому, не прибегая к посторонней помощи? «У него наверняка есть способности к танцам», – подумал

Волф, ибо заметил, что у юноши очень гибкое, эластичное тело.

– Не хочешь ко мне в трейлер зайти? – предложил Волф. Он сам был поражен откровенностью, с которой осмелился пригласить юношу. Тот ответил не сразу, он несколько мгновений глядел в сторону. Все это время рядом с ним стояла девушка примерно того же возраста и роста, что и он. Его подружка, думал Волф, или просто случайно оказалась рядом и заслушалась?

33

– Меня зовут Волф, – сказал Волф, поскольку юноша на его вопрос еще ничего не ответил. Он надеялся, что юноша, в свою очередь, назовет ему свое имя, и тогда они познакомятся и смогут подружиться. Волфу казалось, что имя должно быть очень красивым, хотя и не мог объяснить, отчего так думает.

– Ах, не имеет значения как кого зовут. Меня всегда кличут Братцем. Раньше – Братишкой, но теперь мы для этого малость подросли.

Волфа словно током пронзило. Он искал юношу, который захотел бы сделаться его братишкой и разъезжать вместе с ним, а этого юношу звали Братцем, поскольку так его называли. Не тот ли это юноша, о котором он всегда мечтал? И если он не умеет плясать, то несомненно этому выучится, думал Волф.

– А это моя сестра, – продолжал юноша, указывая на девушку, стоявшую рядом. – Раньше ее звали Сестренкой. Но теперь она стала Сестрицей. – Он рассмеялся, и Волф попытался

смеяться вместе с ним, но у него ничего не вышло. Братец, – так, стало быть, звали юношу, – смеялся слишком уж громко, и Волфу отчего-то сделалось не по себе.

Глава 5

Юноша, которого звали Братцем, и его сестра, которую звали Сестрицей, отправились вместе с Волфом в трейлер. Ведь Волф пригласил Братца, и то, что его сестра пошла с ним, было само собой разумеющимся. 35

В трейлере Волфа всегда царил образцовый порядок, и он знал, что и сейчас там все аккуратно и достойно для приема гостей. Но по пути к трейлеру он чувствовал себя весьма неуверенно. Этого юношу по имени Братец он находил очень милым, и даже в мыслях произносимое имя – Братец – вызывало у Волфа странный жар во всем теле, и в течение нескольких секунд у него кружилась голова. Он никогда не осмеливался заговаривать со всеми этими юношами, которых видел среди зрителей во время выступлений, и которые казались ему такими милыми, а вот теперь, наконец, он мог говорить с этим юношей, и тот даже сам подошел к нему, Волфу, а не наоборот. Отчего же тогда он чувствовал себя так неуверенно? Волф и сам толком не понимал: оттого ли это, что Братец слишком мил и слишком отраден взгляду и очень уж самоуверен, что-

бы счесть интересным трейлер и образ жизни Волфа, не говоря уж о том, чтобы захотеть сделаться его братишкой и разъезжать вместе с ним. О, конечно, Братец сможет очень быстро научиться плясать, если сам того пожелает, но постоянно жить в трейлере – это вряд ли, думал Волф. И даже если Братец подумает об этом, все равно не решится, потому что, скорее всего, не захочет оставить свою сестренку – Сестрицу. Неужто они оба до сих пор еще живут с родителями?

Шагая вместе с ними к трейлеру, Волф время от времени поглядывал на девушку. У нее было приятное лицо, но Волф счел, что она не слишком походит на брата.

Наконец они подошли к трейлеру, и Волф первым ступил на деревянную лесенку, ведущую к задней двери.

В трейлере были две комнаты. В передней его части находилось небольшое пространство, служившее кухней и столовой, и еще там располагались туалет и душ. Здесь Волф жил и спал на той же раскладушке, на которой сидел за столом. Эта кухня-столовая имела собственный вход с передней части трейлера, с такой же лесенкой и такой же дверью, как и в задней части. Волф пользовался только передним входом, потому что в задней части трейлера была комната, занимавшая добрых две трети всего пространства, куда он почти никогда не заходил. Эта задняя большая комната называлась «красивой комнатой»: там сто-

яла изящная мебель, на полу лежал цветистый ковер и находились две кровати, выдвигавшиеся одна из-под другой. Вообще говоря, странно, что Волф не использовал эту большую красивую комнату под жилье. Как правило, он говорил себе: «Если я там не живу, то и порядок не обязательно поддерживать, и ничего не изнашивается и не ломается». Но Волф не знал, или, может быть, не хотел себе признаваться, что дело было совсем в другом: по правде говоря, он не пользовался этой большой, шикарной комнатой потому, что в глубине души отвел ее юноше, который захочет сделаться его братишкой и разъезжать вместе с ним. Нередко Волф, стоя в проходе между двумя помещениями, задумчиво обводил взглядом большую красивую комнату и вызывал в воображении образ юноши, сидящего на краю постели с гитарой в руках, еще полуодетого и полусонного. «Ты можешь всю эту комнату себе взять», – тихонько шептал тогда Волф.

Но теперь они стояли втроем наверху лестницы, ведущей к задней двери трейлера: Волф, юноша, которого звали Братец, и девушка, которую звали Сестрица. Волф открыл замок, и они вошли в красивую комнату, которая никогда не использовалась.

– Да это просто настоящий дом, – сказала девушка по имени Сестрица, войдя внутрь и оглядевшись. Братец тоже внимательно осматривался, но поначалу ничего не сказал. Он

тщательно разглядывал мебель, ощупывал сиденья стульев.

– Кто здесь живет? – поинтересовался он.

38 – Весь трейлер мой, – отвечал Волф, – но эту комнату я почти не использую. Я в основном в передней части живу, в кухне. – Он ощущал странную неуверенность, словно существовало нечто недосказанное. Что Братец хотел сказать своим вопросом? Отчего он желал в точности знать, кто живет в трейлере, и отчего так пристально рассматривал и даже щупал мебель? Волфу ужасно понравилось, что Братец после выступления столь непринужденно подошел к нему и даже отправился с ним в трейлер. Разве это не прекрасно? Он еще никогда не был так близко к юноше, который, как он надеялся, пожелает сделаться его братишкой, но было странно, что теперь Волф ощущал непонятную подавленность, словно впереди его ждала некая угроза. Но ведь для этого не было никаких оснований? Он очень хотел, чтобы Братец сделался его братишкой и разъезжал вместе с ним, чтобы петь и плясать, ибо уже по-настоящему любил этого юношу. А если я этого хочу, сказал себе Волф, то в определенный момент я должен быть весьма расторопен и открыто спросить об этом Братца.

Чтобы перебить свои сомнения и нерешительное молчание, Волф показал им остальное пространство трейлера и провел из большой красивой комнаты в кухню-столовую. Когда он открыл дверь в душевую кабину, Братец подо-

шел к нему и, осматривая весьма незамысловатое, но чистое оборудование, на несколько мгновений прильнул к Волфу плечом и бедром. Совпадение? У Волфа закружилась голова, ибо он вспомнил о своих снах, в которых ему было позволено мыть под душем юношу, который захотел бы навсегда остаться с ним. Означали ли эти несколько мгновений, в течение которых Братец прижимался к нему, что тот, совершенно раздевшись, с удовольствием позволил бы вымыть себя?

39

Волф слышал собственный голос, говорящий что-то, но мысли его были не о том, что он говорил, хотя, казалось, ни Братец, ни Сестрица этого не замечают. Они вдруг все втроем очутились за обеденным столом, и Волф обнаружил, что выставил три стакана и сейчас откупоривает бутылку вина. Сам он употреблял алкогольные напитки очень редко, ибо они вызывали печаль и уныние вместо того, чтобы веселить, но сейчас счел, что в насущных обстоятельствах должен что-нибудь налить. Между ними по-прежнему висела недосказанность, и, возможно, вино поможет избавиться от скованности.

– Ты любишь плясать и петь? – спросил Волф Братца, когда все трое по первому разу подняли бокалы и приложились к ним.

– Да, но мы пляшем совсем не так, как ты, – отвечал Братец. Его слова удивили Волфа. Была ли это шутка, которой Братец хотел сказать, что он и Сестрица сожалеют, что знают толь-

ко мещанский парный танец, вроде тех, каким обучаются в танцклассах и исполняют на домашних праздниках? Или же Братец втайне мечтал, чтобы Волф научил его плясать, и неловко попытался сообщить об этом?

Братец налил себе следующий стакан.

40 – Сыграй что-нибудь на гитаре, Волф, – предложил он. Волф отправился за инструментом, который вместе с тамбурином положил на буфет в красивой комнате. Он был сбит с толку. То, что Братец сам себе налил второй стакан вина, могло означать, что он освоился в трейлере, но Волфу скорее хотелось, чтобы Братец был очень застенчив, так же застенчив, как и он сам, ибо тогда, предложив ему еще вина, он помог бы ему почувствовать себя свободно... Когда Волф вернулся в кухню, Братец уже наполнил стакан для Сестрицы и намеревался подлить и Волфу.

– Нет, мне не надо, – торопливо проговорил тот, ибо опасался, что, если станет пить слишком быстро и слишком много, сделается печален.

– Да ладно, чепуха, – сказал Братец, до краев наливая стакан Волфа. – Хорошо ведь сидим?

Волф подсел к столу и с отсутствующим видом принялся настраивать гитару.

Тогда Братец встал, приблизился к красивой комнате, дверь в которую Волф закрыл за собой, вновь распахнул ее и вошел внутрь.

– Ты ужасно симпатичный парень, Волф, – внезапно сказала Сестрица, чуть скользнув го-

ловой по его плечу. Волф мучительно покраснел, не найдя что ответить. Если Сестрица находит его симпатичным, то уж Братец точно с ней согласится. Они, казалось, чувствовали себя здесь совершенно в своей тарелке – но не Волф. Отчего Братец распахнул дверь в красивую комнату и что намеревался там делать? С гитарой в руке Волф поднялся, чтобы пойти взглянуть.

41

Братец был занят: всю мебель, стоявшую в центре, он сдвигал по углам и к стенам. Прежде чем Волф успел ему что-то сказать, тот уже управился.

– Да, если ты там постоишь, – сказал Братец Волфу, застывшему в проходе между кухней и красивой комнатой, – и что-нибудь сбацишь, мы немножко спляшем.

– Что ты хочешь, чтобы я сыграл? – растерянно спросил Волф. Ему очень хотелось посмотреть, как пляшет Братец, но все было так необычно и происходило столь стремительно, а Братец ворочал мебель так необузданно, не отрывая ее от пола, что ножки там и сям оставили полосы на ковре.

– Самбу! Или комбо! – воскликнул Братец. Эти ритмы Волф знал и мог их сыграть, но они ему не нравились. Он припомнил одну быструю мелодию песенки комбо, которую часто передавали по радио, и стал ее наигрывать. Теперь и Сестрица прошла мимо Волфа в красивую комнату и торжественно подала руку Братцу. Когда Волф начал следующую

музыкальную строку, они пустились в быстрый пляс, то отдаляясь друг от друга, то снова сближаясь, описывая круги один около другого и одновременно кружась, или, взявшись за перекрещенные руки, откидывались назад и принимались вертеться на месте, как сумасшедшие. То, что они вытворяли, было очень привлекательно, вроде того, что Волф видел в фильмах, кинообозрениях или шоу, но нечто совершенно отличное от того, что исполнял Волф на улицах и площадях. Было ли выступление Братца и Сестрицы красивее? «Твои танцы естественные, они из сердца», – нередко говорили люди Волфу и добавляли, что это не коммерция, а «спонтанное выражение души». Но то, что сейчас выделявали Братец и Сестрица, было так отработано, что Волф сомневался, сможет ли он когда-либо повторить за ними. Где они этому обучились?

– А теперь хоп-воп! – воскликнул Братец, когда Волф замолк, доиграв мелодию и рефрен. Волф видел, как исполняют хоп-воп, который незадолго до того вошел в моду, но никогда он ему не нравился: перекошенные лица танцоров внушали ему отвращение. Но поскольку Братец попросил его, он отыскал на гитаре нужные аккорды и заиграл в необходимом для танца быстром ритме. Братец и Сестрица теперь плясали с дикой скоростью и огромной силой, так что пол трейлера дребезжал. Оба явно получали от танца огромное удовольствие, но Волф чувствовал себя подавленным.

Он играл механически и старался изо всех сил и поддерживал темп Братца и Сестрицы, но видел, как ожесточились их лица. Казалось, что покрытые потом черты привлекательно-юношеского лица Братца излучали почти агрессивную жестокость, а на лице Сестрицы теперь лежало неприятное выражение жадности. Волф был рад, когда танец закончился.

– Bravo! Bravo! – одобрительно крикнул Волфу Братец. После чего все втроем снова уселись за стол, и Братец, не спрашивая Волфа, вновь наполнил стаканы. Вообще говоря, Волф больше не хотел пить, но что-то заставило его бездумно осушить и этот стакан и откупорить вторую бутылку. Да, возможно, теперь он чувствовал себя лучше. Он услышал собственный голос, спрашивающий у Братца, где он и Сестрица выучились плясать.

И Братец принялся рассказывать, очень громко, и сильно жестикулируя. Он и Сестрица тайком брали уроки профессионального танца, поведал он, ибо их родители танцев не одобряли. Их отец был в городе известным деспотом и даже состоял в приятельских отношениях с бургомистром. И у Братца, и у Сестрицы была одна и та же врожденная, страстная любовь к музыке и танцу, но отец наметил для Братца место в своем крупном торговом предприятии, а Сестрицу хотел выдать замуж за наследника большой конкурирующей фирмы; наследник был из благородных, и она испытывала к нему уважение, это да, но ни кап-

ли любви. И что им оставалось делать со своей юной жизнью?

Волф в свою очередь поведал им, сколь тяжелой была его юность, и сколько сил и скандалов стоило ему добиться свободы.

– Как здорово, что мы встретили друг друга! – воскликнул Братец. Обхватив Волфа за плечи, он с силой притянул его к себе.

44 – Это все не просто так, – сказала Сестрица. – Просто так это не может быть.

Прикосновение великолепного, разгоряченного танцем юношеского тела Братца заставило сердце Волфа необузданно биться, и он даже прикрыл глаза, опасаясь, что на них навернутся слезы. Более чем прежде хотел он найти юношу, который пожелает сделаться его братишкой и навсегда остаться с ним. И он уже любил Братца, который – вот ведь совпадение – умел потрясающе плясать. А Братец, ему ведь тоже нравился Волф?

Захочет ли Братец навсегда остаться с ним, если Волф его об этом попросит? В сущности, это было очень просто, спросить Братца, сказал себе Волф, одновременно страшась этого. Почему, он сам не знал. Или все-таки знал?.. Братец мог сказать «да» и мог сказать «нет», но была еще и третья возможность: Братец мог предложить кое-что, о чем Волф старался не думать.

Волф продолжал пить вино и вновь стал чувствовать себя не так скованно и не столь неуверенно. И все же было неразумно со сторо-

ны Волфа постоянно позволять Братцу наполнять его стакан и откупорить третью бутылку.

Он чувствовал, что сейчас, в этом трейлере, за этим столом, будет принято решение; и он не был уверен, окажется ли это решение верным.

Глава 6

46 Что и как происходило дальше, Волф потом мог вспомнить лишь частично. Он помнил только, что там, за столом в кухне трейлера, разговор становился все громче и все веселее. И Братец, и Сестрица говорили Волфу всякие дружеские слова и давали понять, что трейлер им очень по душе.

После того как была откупорена третья бутылка, у Волфа внезапно возникло ощущение, что ему грозит какая-то опасность, и внутренний голос сказал, что ему нельзя больше пить. Но оттого, что благодаря вину он так хорошо себя чувствовал и осмеливался говорить Братцу все больше откровенных вещей, Волф продолжал пить с ними.

Разве он не поведал всяких личных сведений о себе и своих самых сокровенных чувствах, которых до того никогда ни с кем не обсуждал? Он точно знал, что рассказывал о своем страстном желании найти юношу, который пожелал бы сделаться его братишкой и навсегда остаться с ним. В какой-то момент, как слабо припомнилось ему, Братец и он даже обнялись, но могло быть и так, что это только он,

Волф, заключил Братца в объятия. Не пытался ли он поцеловать Братца и не хохотал ли потом изо всех сил? Волфу казалось, что это произошло, и смеялись они взахлеб, хотя в то же время Волфу стало грустно.

Ни в чем из того, что вроде бы осталось в памяти Волфа, он полностью уверен не был, кроме одного: они о чем-то договаривались, а именно: что Братец и Сестрица на следующий день придут в трейлер со всеми своими пожитками, чтобы отправиться в путь вместе с Волфом. Навсегда? Этого Волф не помнил, но теперь спрашивал себя, действительно ли он доволен таким решением.

47

Точно было одно: сейчас Волф сидел за рулем, Сестрица рядом с ним на пассажирском сиденье, и он вел по дорогам автомобиль с трейлером в следующий город. Братец остался в трейлере. Перед отъездом Волф попросил его сесть рядом с ним в кабину, однако Братец счел, что «Сестрице это будет приятнее», если она сможет ехать вместе с ним. В грузовике было всего два места: остальное пространство занимал открытый кузов; и Волф перестал настаивать.

Ему было трудно завязать разговор с Сестрицей, ибо мысли его, пока они ехали, кроме дороги и движения, постоянно занимал Братец. Что он там делает, в трейлере? Может быть, моется в душе, раздумывал Волф.

– Ты такой тихий, Волф, – заметила Сестрица. – О чем ты думаешь?

Волф заметил, что вопрос его испугал. Что ответить? Мог ли он рассказать Сестрице, что любит Братца больше, чем кого-либо когда-либо? Что он очень хотел бы остаться наедине с ним и глядеть, как тот раздевается, не стыдясь Волфа? И что он мечтает долго, очень долго мыть под душем обнаженное, величественное и все же застенчивое юношеское тело Братца? Волф думал даже и о другом: что он мог бы спать только с Братцем в большой красивой комнате трейлера, и перед сном они могли бы немного полежать вместе, чтобы согреться, а по утрам, перед тем как встать, снова, как истинные братишки, залезать друг к другу в постель; а ночью, когда Братец уснет в кровати рядом с ним, Волф гладил бы Братца по волосам. Только по волосам?.. Волф знал, что будет непрерывно гладить его, потому что, вообще говоря... он хотел бы гладить Братца везде, и не только по волосам... Нет: еще. Еще...

Волфу пришлось резко крутануть руль, ибо мысли его слишком уж уклонились, и он отъехал очень далеко от края дороги. Ему подумалось, что он не должен заставлять Сестрицу ждать ответа.

– Я не знаю, как дальше все будет, – сказал он, умолчав о том, что с ним происходит; и все же неправды в его ответе не прозвучало.

– Это само собой, – уверенно ответила Сестрица. – Благодаря сотрудничеству все получается гораздо лучше, чем если все обязанности на тебе. – Она объяснила Волфу, как можно

произвести сильное впечатление плясками на улицах и площадях, так, чтобы люди сбегались и не расходились, и можно было бы собрать куда больше денег. – Звук и свет очень важны, – поведала она. Сначала Волф согласился с нею, но, когда Сестрица объяснила свои слова, не знал, как к ним отнестись. Сестрица имела в виду, что из источника электричества в трейлере, через провода, их выступление можно иллюминировать попеременно вспыхивающими и гаснущими снопами разноцветного света. Также нынче существовали ящики, где таилась музыка, которую не нужно было играть самому: электрическая машина, крутящаяся в ящике, разматывает ленту с одной катушки и наматывает на другую. На этой ленте «фонетически» записаны пение и музыка, и по пути с одной катушки на другую лента передает записанные неслышные звуки на другую машину, которая заставляет их звучать снаружи с любой громкостью.

– Если бы люди, которые жили до нас, могли бы заглянуть в наше время, – вещала Сестрица, – они смотрели бы на нас, современных людей, как на «демиургов».

Волф задался вопросом, что означает это слово. Он почти не знал девушек близко, но всегда считал, что они охотно говорят о цветах и растениях, и о природе, и о любви, и о том, как можно уютно обустроить дом. Он не знал, что ответить Сестрице, но она уже опять заговорила и объяснила Волфу большое пре-

имущество такого ящика с музыкой, которую не нужно играть самому: можно плясать, не растрачивая силы на песни, ибо из ящика исходит, словно само по себе, пение, соответствующее танцу.

50 В трейлере Волфа не было электричества, чтобы заставить прожекторы испускать разноцветные лучи, как это имела в виду Сестрица. По вечерам он довольствовался лишь светом свечей или, порой, керосиновой лампы. Теперь он снова припомнил, что то ли Сестрица, то ли Братец предыдущим вечером заметили, что трейлер был «прелесть каким симпатичным», но с «технической точки зрения довольно старомодным». Волф же способом освещения трейлера был вполне доволен и пламя свечей находил очень уютным.

Сестрица продолжала изливать энергичный поток слов и рассуждала о множестве всяких вещей, о которых Волф никогда не задумывался.

– Мы должны отделять дело от искусства, – решительным тоном заявила она. Волф не сразу сообразил, что она имеет в виду. Благодаря «современной манере» танца, пояснила Сестрица, у них троих, возможно, будет большой успех. Она не знает, продолжала Сестрица, сколько денег Волф обычно собирает после выступления, и, разумеется, ей это знать не обязательно. Но если они теперь ко всему этому «подойдут по-деловому», – так это называла Сестрица, – то все станет куда луч-

ше. Один из них должен заняться финансами, считала она.

– Ты имеешь в виду, бухгалтерией? – спросил Волф. Он старался жить практично и бережливо, но всегда ненавидел счет и все, что связано с цифрами. Теперь же с этим проблем не было: Сестрице «прелесть как нравилось» управлять делами, и она пожелала взять на себя организацию доходов и расходов.

51

– Может, ты тогда и покупки будешь делать? – спросил Волф. Он терпеть не мог делать покупки, ибо в лавках чувствовал себя очень застенчивым и нередко, замечая, что лавочник проявляет нетерпение, покупал что-то, что ему, в сущности, было не нужно или совершенно не по вкусу. Так что всё отлично устроилось, когда Сестрица согласилась взять на себя и покупки. И если лавки будут далеко от места парковки трейлера, то, сообразил он, Сестрица станет отлучаться на долгое время, может быть, на целый час, в течение которого Волф останется наедине с Братцем. И если случится так, что Братец вдруг решит полностью помыться, то, возможно, Волф сможет пойти в душ вместе с ним и долго, долго тереть его губкой.

Глава 7

52 К концу дня они достигли следующего города. В центре его была тенистая площадь с высокими деревьями. В кронах были установлены муниципальные прожекторы, и примерно на высоте плеча можно было увидеть на стволах электрические розетки.

На этой эспланаде, по вечерам освещаемой прожекторами, Волф припарковал автомобиль и трейлер. Сестрица, не теряя времени, отправилась в ближайший пункт управления, где муниципальный чиновник мог включать и выключать прожекторы. У него она получила разрешение воспользоваться электричеством из распределительной коробки. Сперва Волф не мог понять, для чего им нужно будет это электричество, но у Сестрицы и Братца имелся немалый багаж, и из большого блестящего металлического сундука Братец извлек тяжелый аппарат и посредством длинного шнура соединил его с розеткой. Это был своего рода музыкальный ящик, о котором по дороге рассказывала Волфу Сестрица. После чего он продемонстрировал аппарат Волфу. Он настроил его сперва на тихие, но постепенно

становящиеся громче танцевальные мелодии. На звук уже собралась небольшая толпа, поскольку Братец поставил аппарат на землю рядом с трейлером.

– Пусть подождут немного, – сказал Братец. – А мы тем временем подготовимся к танцу. – Он отправился в большую красивую комнату трейлера и попросил Волфа пойти с ним. В этой комнате Братец по дороге распаковал и разложил по местам почти весь багаж, который они с Сестрицей прихватили с собой, и выдвинул одну кровать из-под другой. На ночном столике в головах одной кровати лежали предметы девического туалета и расшитые цветами полотенца Сестрицы, на ночном столике у другой – предметы личной гигиены и бритвенные принадлежности Братца. Означало ли это, что отныне Братец и Сестрица будут спать в этой комнате? Об этом договоренности не было, подумал Волф, и понадеялся, что Сестрица, которая все равно собиралась взять на себя денежные дела и все покупки, будет спать в кухне, так что он и Братец ночью будут одни и перед сном будут еще очень долго шептаться из своих постелей. Но Волф ничего не осмеливался сказать насчет этого. Ведь сам он никогда не пользовался большой красивой комнатой. Как мог он вдруг возжелать поселиться в ней?

Между тем Братец изложил, как будет проходить предстоящее выступление. Он сделал «монтаж», так что из электрического му-

зыкального ящика, который вскорости будет включен, последуют одна за другой три танцевальные мелодии. Первая – танго, вторая – комбо, и третья – хоп-воп. Первые два танца исполнят Братец и Сестрица. Волф будет участвовать только в третьем, и при этом предполагалось, что он станет очень быстро и дико скакать вокруг Братца и Сестрицы, бить в тамбурин, издавать необузданные вопли и делать партнерам угрожающие жесты, словно собираясь наброситься на них.

– В конце будет настоящее буйство. Люди это любят, – пояснил Братец. Из другого сундука он вытащил желтый костюм, по всем швам изукрашенный разноцветными птичьими перьями, и предложил Волфу быстренько в него облачиться. Волф заколебался. С какой стати он должен надевать этот дурацкий костюм? Но прежде чем он успел что-либо сказать, Братец уже стащил с него шоферскую куртку и помог снять брюки, чтобы Волф натянул странный костюм с перьями, вроде рабочего комбинезона.

Волф больше не мог ничего сказать теперь, когда руки Братца повсюду прикасались к нему, дергая и натягивая на его тело желтый костюм; стянув края, Братец застегнул молнию. Если Братец станет помогать надевать и снимать костюм для выступлений, тем легче будет ему согласиться, если выпадет случай, чтобы Волф разок раздел его и вымыл под душем, думал Волф.

А Братец вытащил из того же сундука головную повязку, полную стоящих торчком разноцветных перьев, и натянул Волфу на темя и лоб. Наконец он жестом фокусника извлек откуда-то красный жирный мелок и быстро покрыл краской лицо Волфа, чуть ли не касаясь его губами. Волф чувствовал, что ощущение счастья покидает его, пока Братец с полужидким мелком в руке размазывал краску по его лицу, и в то же время он как никогда любил Братца и больше всего на свете ему хотелось схватить и поцеловать его руку. Но тогда он, наверное, притянул бы к себе Братца и прижался бы лицом к его лицу и стал бы искать ртом его рот. Волф этого не сделал – возможно, потому что внезапно могла войти Сестрица и все увидеть.

Выступление должно было уже скоро начаться, и они покинули трейлер. Братец поместил в музыкальный ящик катушку с тремя избранными танцевальными мелодиями и повторил то, что уже говорил Волфу: «Ты вступаешь в третий номер, когда мы начнем танцевать хоп-воп. После этого пойдешь по кругу со шляпой».

Братец нажал кнопку пуска музыкального ящика, из которого сперва послышался почти неразличимый шорох. Воздев правые руки, Братец и Сестрица приготовились начать танец с первыми звуками мелодии. Волф держался немного в стороне от них, на нижней ступеньке задней лестницы трейлера; там уже

лежала наготове широкополая шляпа, которую после своего первого выступления он получил от дружелюбного господина. Он чувствовал себя странно и неуверенно в желтом костюме с перьями, в пестрой птичьей повязке и, кроме того, босиком, поскольку Братец наказал ему, что он должен исполнять дикий танец без обуви, потому что тогда это будет выглядеть «совсем по-настоящему».

Некоторое время стояла мертвая тишина; собравшиеся молча ждали. Была прекрасная, мягкая летняя погода, ни малейшего ветерка. Волф, склонив голову, бездумно устремил взгляд на деревянную лесенку и лежащую на ней шляпу. Да, собирать деньги и зарабатывать... Но то, что вот-вот начнется... разве это то, что Волф любил и ради чего жил?.. «Нужно ли мне в самом деле так плясать?..» – вслух пробормотал он. И в этот момент он заметил нечто удивительное: широкополая шляпа, лежавшая на ступеньке, казалось, слегка приподнялась над нею и, не отклоняясь, воспарила в воздухе. Волф шагнул вперед и протянул руку. Нет, теперь шляпа опустилась и снова лежала там, куда он ее положил. Может быть, это просто ветер?.. Но ветра совсем не было... Ах, это, разумеется, лишь дурная игра воображения...

Но вот аккордеон громко и мощно заиграл первую мелодию, и Братец с Сестрицей в центре широкого круга зрителей начали свои танцевальные па. Несколько человек с любопытст-

вом поглядывали на Волфа, но потом все глаза устремились на Братца и Сестрицу. Те в пляске с невероятной скоростью вплотную подступали к окружающим, стремительно обрушиваясь на них и вынуждая постоянно отступать, вследствие чего площадка для выступления танцоров сделалась гораздо просторнее.

После первого танца зрители захлопали, и Братец с Сестрицей раскланялись направо и налево. Был ли их успех больше, чем успех Волфа, когда тот плясал в одиночку? Волф помнил, что во время его представления время от времени слышались одобрителльные возгласы, но зрители редко аплодировали ему так дружно, как теперь, после танца Братца и Сестрицы. И все-таки, думал Волф, его выступления всегда были зрителям по сердцу: он это видел по их лицам, на которых появлялась улыбка или другое выражение симпатии. А в этот раз было нечто странное: люди бурно хлопали Братцу и Сестрице, но лица у них были натянутые и никакой взволнованности не отражали.

Следующий танцевальный номер был быстрее, и музыка из электрического музыкального ящика звучала громче. В конце танца Братец и Сестрица сделали несколько медленных па, оставаясь прямо перед Волфом. «В круг, Волф! – крикнул Братец прямо ему в ухо. – Вокруг нас! Да... давай!»

Волф предпочел бы вообще не плясать. Но все было обговорено, и он ведь без всяких

возражений позволил Братцу напялить на себя костюм с крашеными птичьими перьями. Подняв над головой тамбурин, он пустился в пляс, быстро и энергично, как только мог, прямо перед кругом зрителей, и всякий раз, когда Братец с Сестрицей приближались к нему, делал угрожающий выпад в их сторону, сжимая в кулак свободную руку. При этом он пытался, как договаривались, дико вопить, но первые несколько раз голос словно изменял ему. Кричать не хотелось, ибо тогда игра могла стать чем-то серьезным, и он – нет, это было невозможно, и все-таки он так чувствовал – совершил бы настоящее нападение... и при этом... набросился бы на пляшущих, стал бы их бить... ударил бы Братца... Но почему?.. Эта мысль напугала его, и из-за страха он вдруг смог закричать по-настоящему.

– Ааау!.. Ааау!.. – всякий раз завывал он. Плясать босиком он не привык, а асфальтированное покрытие было усеяно мелкими острыми камешками, и ему было больно. Он пытался не думать о боли и сумел закончить танец так, что никто не заподозрил, что с ним происходило.

Было решено, что он пойдет со шляпой по кругу. Они плясали втроем, и деньги были им нужны, но Волф впервые со дня самого первого выступления заколебался: настоящие ли это танцы, за которые человек имеет право собирать мзду? Но когда он стал обходить зрителей со шляпой, в нее щедро посыпались

монеты: по меньшей мере столько же, сколько он собирал всякий раз, когда плясал один.

Внезапно на его плечо легла рука.

– Красивая шляпа, да? – сказал чей-то голос. Обернувшись в сторону говорящего, он увидел, что рука, прикоснувшаяся к нему, принадлежит прилично одетому господину. Теперь он его узнал: это был тот самый дружелюбный господин, который в свое время после его выступления дал ему крупную сумму, после чего даже подарил свою шляпу. Он с симпатией глядел на Волфа, но лицо его было озабоченным.

59

– Ну, теперь вижу, что это ты, – сказал он. – Кто это тебя вырядил таким пугалом? – В руке у него была сложенная крупная купюра, но он не бросил ее в шляпу. Он водил рукой по оперенному костюму Волфа, ища прорезь или карман. Не найдя, сунул купюру за воротник костюма и мгновенно пропихнул ее вдоль шеи Волфа вниз.

– Шляпа дала тебе добрый совет? – спросил он.

– Спасибо вам, – все, что мог пролепетать Волф. – Вот совпадение, встретить вас тут.

– Я вижу много стран и народов, – сказал дружелюбный господин. Тут Волф заметил, что издалека к ним направляется Сестрица.

– Берегись, парень, – предостерегающе сказал господин. – Сегодня вечером истинный танцор – ты, и никто иной. Послушай, мальчик мой: ты не клоун. Ты слышишь меня? Как твое имя?

Сестрица тем временем подошла ближе, и господин заметил ее приближение.

– Если шляпа подпрыгивает, это значит «нет», – быстро заключил господин. – Запомни.

Сестрица уже стояла рядом с ними.

– Меня зовут Волф, – сказал Волф.

– Красивое имя, – счел господин. – Всего доброго тебе. – И с этими словами он исчез.

60 Сестрица поинтересовалась, отчего Волф расточает впустую столько времени, ведь он мог собрать куда больше денег! Оставались те, кто еще ничего не дал, а теперь они уже разошлись.

– Истинный артист не может просто так стоять и разговаривать с человеком из публики, – серьезно заявила Сестрица.

Глава 8

На следующее утро они втроем отправились дальше. В этот раз Волф сидел в автомобиле один. Братец и Сестрица остались в трейлере, так что Волфу не нужно было вести разговоры, и по дороге он спокойно обдумал все, что так внезапно и так быстро произошло. В какую бы сторону он не направлял мысли и какими бы способами ни пытался истолковать каждый случай, ничего из случившегося с ним не несло в себе какой-либо приятности. И то, что всегда было его сокровеннейшим желанием, казалось, только отодвинулось еще дальше, вместо того чтобы стать ближе. 61

Как мог он два дня назад принять столь необдуманное решение? И как мог потом, словно безвольный раб, делать то, к чему у него совершенно нет охоты, и кривляться как клоун – да, он отлично запомнил это слово, с таким отвращением произнесенное дружелюбным господином, – в ребяческом карнавальном костюме?

Для Братца он готов на многое, согласен выполнить любые его просьбы, ибо хочет быть с ним и как можно дольше – полностью наеди-

не. Но страстная надежда Волфа – спать с Братцем в одной комнате – не сбылась. Уже в первую ночь, хотя, насколько Волф помнил, это даже не обсуждалось, Братец и Сестрица отвели себе большую красивую комнату в полное и исключительное пользование.

62

Как и прежде, Волф провел ночь в кухне-столовой на своей раскладушке, служившей и диваном, и кроватью, но спал он дурно. На него постоянно обрушивались обрывки снов; они были нечеткими и все же нагоняли страх. Волф видел широкополую шляпу: она кружилась и с силой взлетала и опускалась на землю; порывы ветра, на которые не было ни намека, когда он в ужасе просыпался, раскачивали трейлер на колесах, и еще звучали издевательские голоса, произносившие что-то непонятное. «Раз, два, вниз-вверх; раз, два, вниз-вверх», – раздавалось вокруг него. Потом опять угрожающий голос: «Странное вино. Яда в нем полно». Возможно, это были предупреждения, происходящие из самой совести Волфа и связанные с тем, что он пил. Вчера после их первого совместного выступления он выпил слишком много вина, ровно как и накануне. На дороге, за рулем, он пить не мог, но знал, что наступит вечер, и он вновь изрядно приложится к бутылке.

Братец похвалил Волфа после его прыжков в оперенном костюме, похлопал по плечу и даже прижал к себе. После этого они уселись втроем в кухне и весь вечер пили, и Волф

честно пытался быть оживленным и весело болтать.

Выпив пару стаканов, он подумал, что все еще может быть сносно, уж это точно. Он любил Братца, и, конечно же, был очень, очень дорог тому, иного и быть не могло. Иначе зачем бы Братец, совсем не зная Волфа, третьего дня после его соло-выступления по своему почину подошел к нему? Волф заметил, что во время его танца взгляд Братца повсюду следовал за ним, и Братец восхищенно улыбался ему.

63

Помыслы Волфа после каждого очередного стакана становились все более отважными: по всей вероятности – нет, совершенно определенно – Братец питает к нему такие же чувства, какие он питает к Братцу, но Братец не осмеливается проявлять их открыто. А почему нет? Волф подозревал, что Братец уже с ранней юности был сильно привязан к сестре и никогда не причинил бы ей ни малейшего огорчения. Он заметил, что их с Братцем разговор всегда протекал быстрее и с бóльшим доверием, когда рядом не было Сестрицы. Как только она присоединялась к ним, Братец начинал говорить как-то скованно, и в его жестах и голосе обнаруживалась некая сдержанность. Это раздражало, но было не совсем понятно: думает ли Братец в глубине души о Волфе так же, как Волф думает о нем? Так и должно быть: втайне, не имея возможности показать это, Братец очень хотел как можно чаще бы-

вать наедине с Волфом и сделаться его братишкой. Если это действительно так – а Волф был уверен, что несколько раз замечал почти неприкрытые признаки этого – тогда Братец, невзирая ни на что и, если понадобится, в тайне, навсегда делается его братишкой. Или это «в тайне» будет неправильно? Придется ли им с Братцем тогда скрывать от Сестрицы, что они сделались братишками?

Да, все это Волф накануне наворожил себе, но теперь, оставшись в автомобиле в одиночестве и вновь все обдумывая, он уже ни в чем не был уверен. Нет, пожалуй, было как раз наоборот.

Для начала Сестрица на следующий же день взяла на себя «управление делами», как она это называла. Волф всякий раз после выступлений собирал деньги, и эти деньги он обязан был отдавать Сестрице. Все наличные деньги, имевшиеся у каждого из них, должны были, по мнению Сестрицы, поступить в «общий котел», которым заведовала она, храня его в чемоданчике под замком. Ключ от чемоданчика имелся только у нее. В ящике буфета в большой красивой комнате она держала отчетность по доходам и расходам, но Волф, однако, ни разу эту отчетность не видел. Сестрица желала, чтобы все деньги Волфа, которые он с таким трудом скопил, тоже отправились в «котел». Волф был несколько этим шокирован. «Все?» – спросил он на всякий случай. – «Да, а ты как думал?» – кратко ответила ему

Сестрица. – «Ладно, хорошо», – согласился Волф, но им овладели сомнения. Разъезжая один, он пытался жить экономно и беречь деньги. Много ли он при этом собрал, зависело от того, что понимать под словом «много», но имеющуюся сумму при неожиданных неприятностях – поломке автомобиля или болезни – определенно счел бы немаловажной. Из соображений безопасности Волф хранил эти деньги особым образом. Запоры обеих дверей трейлера были незамысловаты, и, когда Волф еще ездил один, злоумышленнику нужно было только подстеречь момент и дожидаться, когда он уйдет, например, за покупками, чтобы при помощи отмычки проникнуть в трейлер. Поэтому Волф хранил лишь незначительную часть своих сбережений – не более заработка за несколько дней – в ящике кухонного стола. Остальные деньги он припрятал там, где их никто не стал бы искать: под тяжелым кухонным баллоном с газом. Никому бы не пришло в голову, и уж точно при поспешных поисках, приподнять бутылку. Купюру, которую дружелюбный господин не стал бросать в шляпу, но торопливо засунул за воротник оперенного костюма и пропихнул вниз вдоль его шеи, Волф также сумел незаметно припрятать под газовый баллон. Это была довольно крупная купюра, и Волф подсчитал, что стоила она примерно столько же, сколько он собрал в шляпу. Точнее он сказать не мог, поскольку Сестрица не сообщила ему, как много там было, но вновь

укорила его, что он, разговорившись с дружеским господином, лишился изрядной доли подаваний.

66 Должен ли он теперь извлечь сбережения из тайника под газовым баллоном и передать Сестрице, или нет? Было ли это, например, честным по отношению к Братцу, чьим братишкой он безусловно хотел сделаться, если он оставит их там, где они лежат, и ни словом о них не упомянет? Волф продолжал колебаться, но оставил припрятанные деньги на месте.

Сестрица, как и собиралась, взяла на себя хозяйство, но с деньгами она обращалась совсем иначе, нежели Волф. Ее предсказание о том, что втроем они будут выручать больше, чем Волф в одиночку, оправдалось. Для Волфа было очевидно, что подавали щедрее: он замечал это по весу, и в среднем крупные монеты попадались чаще. Но насколько их было больше, чем прежде: наполовину? Вдвое? Этого он не знал, ибо Сестрица не называла сумму и о каждой выручке говорила: «как обычно», «хорошо» или «прелесть как много».

Волф не был уверен, изменилась ли для них ситуация к лучшему, ибо на заработанные деньги должны были жить три человека. Средства к существованию для троих не должны были превышать расходов на одного: в пересчете на одного человека прокорм троих обходился дешевле. Но Сестрица была далеко не столь бережлива, как Волф. Она покупала самые дорогие продукты, тогда как, по мнению Волфа,

это не всегда бывало оправдано. Еще Волфу было крайне неприятно, что довольно часто кое-что летело в ведро. По словам Сестрицы, в этом было виновато отсутствие холодильника, но Волф, когда еще занимался хозяйством самостоятельно, выбрасывал пищу крайне редко: он считал, что это просто вопрос разумных закупок.

Сестрица почти каждый день покупала куда больше хлеба, чем нужно было троим, и то, что оставалось на следующий день, выбрасывала. Этого Волф не делал никогда: он съедал купленный им хлеб до последней крошки, прежде чем купить новый.

– Хлеб никогда нельзя выбрасывать, – не сдержавшись, однажды сказал он Сестрице.

– Это кто же запрещает? – огрызнулась Сестрица.

– Хлеб – это... тело Христово, – осмелился ответить Волф после некоторых колебаний. – Если ты хлеб...

– Приятного аппетита, – таков был единственный ответ, которым Сестрица удостоила Волфа.

Белье, по распоряжению Сестрицы, нужно было отдавать в прачечную, но Волфу этого никогда не требовалось: он отлично справлялся со стиркой сам: замачивал на полдня в теплом мыльном растворе, а потом, отполоскав, развешивал сушить на укрепленной на трейлере перекладине. Сестрица же и слышать об этом не хотела.

Она настаивала на приобретении холодильника, и, как ни возражал Волф, всё шло к тому, что рано или поздно она своего добьется. В трейлере не было электричества, но Сестрица знала, что существуют холодильники, которые, как ни странно это звучит, преобразовывают в холод жар газового пламени под аппаратом.

68

От всего этого Волф становился с каждым днем печальнее. Но более всего его огорчало то, что он почти никогда не оставался наедине с Братцем. Однажды, когда Сестрица ушла по магазинам, которые находились сравнительно далеко и, стало быть, должна была отсутствовать довольно долго, Братец снял с себя верхнюю одежду и с полотенцем в руке отправился в кухню, чтобы принять душ. Волф распахнул перед ним дверь душевой кабины и после того, как тот вошел, оставил ее открытой. Он выпил немного вина и благодаря этому сделался менее застенчив.

– Тебе помочь? – спросил он. – Хорошенько помыть тебя губкой?

– Да я, слава богу, пока еще сам могу, – отвечал Братец с улыбкой, или, лучше сказать, с ухмылкой, и эта ухмылка причинила Волфу боль. Прямо перед носом Волфа Братец решительно захлопнул дверь душевой и накинул крючок.

Постепенно Волф каждый вечер стал пить все больше вина. Сперва он чувствовал себя расслабленным и сонливым, но потом ложил-

ся в постель, ворочался всю ночь и нередко часами лежал без сна. Порой в него закрадывался страх, и этот страх иногда был близок к отчаянию. Как быть дальше? Не стал ли он, в сущности, еще более одиноким? С его плясками и пением было покончено, ибо теперь ему приходилось всякий раз с воплями скакать в оперенном костюме, а это вряд ли можно было назвать танцем.

69

Волф по-прежнему частенько видел среди зрителей тихих, милых юношей, с которыми после выступления охотно завел бы разговор. Но как это возможно, если юноша мил и прилично одет, а он, Волф, облачен в костюм дикаря, и лицо его под красным слоем мела неузнаваемо и отпугивающе? И даже если он после этих своих прыжков по кругу и сбора денег сможет наспех умыться, юноши давно уже след простынет.

А Братец?.. Нет, Братец, если ничего не изменится, никогда не станет его братишкой, пока Сестрица с ним...

Однажды ночью, когда он вновь выпил слишком много вина и, слегка вздремнув, проснулся, Волф встал и отправился к Братцу и Сестрице. Им бы, конечно, не понравилось, что он разбудил их, но мысли нагоняли на него страх, и, как знать, если они, все трое, поговорят откровенно, то смогут найти некое счастье...

Очень осторожно Волф приоткрыл дверь между кухней и большой комнатой.

– Вы спите? – тихо спросил он. Открыв дверь пошире, он беззвучно проник в большую комнату. Если они оба крепко спят, ему лучше их не будить, спохватился Волф.

Портьеры были раздвинуты, и сквозь кружевную занавеску в комнату падал немного рассеянный, ослабленный расстоянием свет уличного фонаря.

70

На обеих постелях определенно лежали, но они были пусты: Братца и Сестрицы там не было! Что это могло означать? Ах, возможно, ничего особенного, уговаривал себя Волф. Лето, душная ночь. Может быть, у них тоже бессонница, и они пошли прогуляться, чтобы от ходьбы ими овладела отрадная усталость.

Послышались шаги и приглушенные голоса. Что-то подсказывало ему, что Братец и Сестрица не должны застать его в большой комнате. Он быстро ретировался и неслышно закрыл разделительную дверь, но остался возле нее, сам толком не зная, почему, и прислушался. Да, это были Братец и Сестрица, поднимавшиеся по задней лесенке в свою комнату.

Они разговаривали, и, хотя голоса их были приглушены, Волф смог почти все разобрать.

– Никогда не знаешь, спит, не спит, – услышал он голос Братца. Волфу было приятно услышать такое из его уст: это могло означать только то, что они не хотели разбудить его. Волф счел, что подслушивать некрасиво, но продолжал стоять у двери.

– На травке мне всегда больше всего нравится, – сказал Братец.

Сестрица приглушенно хохотнула.

– Распутник, – сказала она. Теперь по различным звукам Волф понял, что они улеглись в постели.

Волф задумался над последним замечанием Братца и над ответом Сестрицы, но не смог толком объяснить себе услышанное. Означало ли это, что они ходили куда-то посидеть на травке, и что Братец любил природу и потому предпочитал расположиться на траве, а не на скамейке? Но что было в этом такого «распутного»? Ну да, спохватился он, они ведь тоже немало вина выпили и, возможно, замечание Братца и ответ Сестрицы намекали на что-то забавное, о чем они говорили до того, и чего он, разумеется, знать не мог.

Волф передумал заходить к ним. Он чувствовал себя чуть более спокойным, а завтра будет новый день.

Глава 9

72 Наутро Волф проснулся в унынии. Что же такое случилось, из-за чего он чувствовал себя столь подавленным и опечаленным? В сущности, ничего не произошло, кроме того, что он, дабы приободриться перед тем как лечь спать, снова выпил чересчур много вина. И, измаявшись бессонницей, посреди ночи встал, чтобы поговорить с Братцем и Сестрицей. Разговор не состоялся, ибо он нашел обе постели пустыми. В его воспоминании обе эти пустые постели означали нечто печальное, но Волф, как ни ломал голову, не мог понять, отчего ему это показалось таким грустным, да, и зловещим. Потом Братец и Сестрица вернулись; вероятно, с прогулки. И Волф, хоть и знал, что это нехорошо, остался подслушивать у разделительной двери. Он слышал, что они говорили друг другу что-то, чего он не понял, а теперь и забыл, что именно. Но вот странно: в их словах крылось что-то нехорошее, и это имело отношение к Братцу... и к нему, и к его печали... Речь шла о траве, да, но как может в этом скрываться что-то печальное?

Когда они втроем сидели за завтраком, Сестрица, казалось, заметила, что Волф в подавленном настроении.

– Что-то не так? – поинтересовалась она.

Волфу захотелось поведать, что с ним происходит. Он не мог дальше молчать о своих чувствах к Братцу и о надеждах, которые леял с момента их встречи. И что он с ранней юности хотел посвятить себя песням и танцам, хотя мечтал об одном: встретить юношу, который захотел бы плясать вместе с ним и никогда с ним не разлучаться. В его родной деревне это было неосуществимо, и потому он стал бродить по белу свету. Да, он встретил Братца, но все вышло совсем не так, как он надеялся... Была ли в этом чья-нибудь вина?

73

– Братишка... – тихо пробормотал он.

– Что ты сказал? – спросила Сестрица. Ее тон напугал Волфа. Нет, он не мог при Сестрице рассказать о том, что полыхало в его сердце... Может быть, когда они с Братцем останутся наедине...

И вот Волфом начало овладевать мрачное осознание: все это не может продолжаться так, как сейчас, и он, Волф, должен принять решение и больше не полагаться на жребий. Ему нужно меньше пить, хорошенько подумать и самому определить свою судьбу.

– Я очень беспокойно сплю, – отвечал он, чтобы скрыть то, что происходило в нем. – Да почти совсем не сплю.

– И сегодня ночью не спал? – спросил Братец, обменявшись взглядом с Сестрицей. Волф кивнул.

– До которого часа ты не спал? – поинтересовалась Сестрица. В ожидании ответа они с Братцем вновь обменялись быстрыми взглядами.

74 – Ах, временами, – отвечал Волф. – Иногда на чуть-чуть засыпаю, а потом опять долго не сплю. Думаю, что это из-за вина.

– Да, это вино не дает толком заснуть, – беззаботным тоном отвечал Братец, но при этом он вновь, и теперь пронизывающим взглядом посмотрел на Сестрицу.

– Мы тебе мешали? Я имею в виду: ты слышал, как мы разговаривали? – спросила Сестрица.

– Разговаривали? – переспросил Волф. Он помешкал, прежде чем сообразил, что сказать. – Нет... я никогда ничего не слышу.

– А этой ночью ты вставал? – поинтересовалась Сестрица после короткой паузы.

Что-то подсказало Волфу, что его ответ был особенно важен. Происходило нечто странное, или он ошибался? Неужели они каким-то образом заметили, что он подслушивал за дверью? Братец и Сестрица не хотели, чтобы он слышал то, что они обсуждали. Что же это было? Неужели Сестрица догадалась о его сокровенных желаниях по отношению к Братцу? Неужели Братец рассказал ей про душ и о предложении Волфа: помыть Братца мочалкой?

– Нет, я всегда лежу и в конце концов снова задремываю, – как можно спокойнее отвечал Волф.

– Я куплю тебе вина, от которого прелесть как хорошо спится, – решила Сестрица.

– Без хорошего сна человеку не обойтись, – философски изрек Братец.

Волф ощутил, как в него закрадывается некое скверное чувство. Почему для Братца и Сестрицы было так важно, чтобы он ночью не лежал без сна и не слышал, как они разговаривают?

75

После полудня, когда они приехали в другой городок, Сестрица среди прочих покупок принесла две бутылки вина. В трейлере было еще полдюжины бутылок из запасов Волфа, но это вино, которое принесла Сестрица, с этикетками, изображающими испанскую танцевальную пару, было, по словам Сестрицы, известно своим успокаивающим эффектом, и уже после одного стакана проявляло сильное усыпляющее действие.

– Вино для пожилых дам, – лукаво сказала Сестрица; эти бутылки она не присоединила к общим припасам в кухне, а отнесла в большую комнату и поставила на буфет. Волф задался вопросом, зачем это, но, может быть, вино чрезвычайно дорогое, и было бы очень жаль по неосторожности разбить бутылку.

Вечером после выступления они, как обычно, сидели втроем в кухне. Сперва пили обычное вино из припасов. В прежние вечера оно

на короткое время расслабляло Волфа и если не полностью избавляло его от печальных мыслей, то хотя бы отодвигало их, но теперь он оставался в глубокой подавленности. Каждый вечер он был готов высказать все, что лежало у него на сердце, но сегодня, похоже, вино скорее сковало ему язык, нежели развязало.

76

– Мы должны заключить контракт, – внезапно сказала Сестрица.

– Все не такая безумная идея, – согласился Братец, одобрительно кивнув.

Волф промолчал. Из этих нескольких слов Сестрицы он не мог решить, что она конкретно имеет в виду, но у него сложилось впечатление, что надвигается что-то для него угрожающее. Эти непонятные вопросы за завтраком... Эти взгляды, которыми обменивались Братец и Сестрица... Странное молчание, временами повисавшее во время беседы... «Больше не пить», – велел себе Волф.

– Ну ты сам прикинь: у нас нет никаких гарантий, – объявила Сестрица.

– Это верно, – отвечал Волф, просто чтобы что-то сказать. Куда это Сестрица гнет?

Сестрица привела целую кучу аргументов. Теперь они ездили и работали втроем, но что было между ними улажено? Никто не получал заработной платы, например. «У нас, в сущности, совсем нет никакого, никакого...»

– Правового положения, – закончил за нее Братец.

– Точно. В любой день мы можем оказаться на улице, – продолжала Сестрица. «На кого она намекает?» – раздумывал Волф. На нас, всех троих? Жизнь полна опасностей и рисков, и могут, разумеется, причем одновременно, происходить всякие неприятности, с которыми не справиться. Однако Сестрица не оставила никаких сомнений по поводу того, что имеет в виду. Она выпила примерно столько же, сколько Братец и Волф, и ее голос сделался громче и крикливее и порой, срываясь, звучал пронзительно. На щеках вспыхнули пятна румянца. К чему она все-таки клонит? Что, Братец с Сестрицей хотят получать зарплату? Но от кого же? Ведь все деньги, что собирал Волф, отправлялись в так называемый общий котел?

Нет, дело было не в зарплате, как выяснилось вскоре из дальнейших ее доводов. Речь шла о гарантиях. И получение гарантий лучше всего можно осуществить, если они трое станут владеть сообща всем имуществом, а не только ежедневной выручкой. Нужно составить контракт, контракт на бумаге: всякому известно, что такое современная бюрократия. Всего несколько строк на бумаге и три подписи под ними. Ведь случись что с одним из них, что станет с остальными?

Волф по-прежнему не понимал, куда гнет Сестрица, но теперь она выложила карты на стол: речь идет не только о вырученных деньгах, нет, но еще и об остальном, обо всем

предприятию, если можно его так назвать, об автомобиле и трейлере: все это должно принадлежать им троим.

– Таким образом мы, по крайней мере, можем защитить друг друга, – пояснил Братец. Во время рассуждений Сестрицы он сидел с опущенными глазами, но время от времени искоса поглядывал на Волфа.

78

Волф же сначала почувствовал, как в нем поднимается странная горячая волна, сменившаяся затем холодом, от которого его бросило в дрожь.

– Разумеется, нет никакой нужды улаживать все это прямо сегодня вечером, – сказала Сестрица, пожав плечами. – Главное, чтобы в письменном виде.

Братец и Сестрица выжидающе глядели на Волфа. Он чувствовал, что в горле поднимается какой-то рык, способный помешать этим двоим расслышать его слова. «Братишка, который пойдет со мной, – думал он. – Всё для него. Всё».

– Как считаешь, Волф? Что думаешь об этом? – спросил Братец.

«Ты мне не братишка», – вертелось у Волфа на языке, но он ничего не сказал. Внезапно его осенило. – Как вас, вообще говоря, зовут? – пробормотал он про себя.

Но дольше тянуть с ответом он не мог.

– Да... это очень важно, – сказал он, задумчиво кивнув.

Братец и Сестрица вновь обменялись взглядами, и Братец прикрыл глаза, сделав Сестрице короткий заклинающий жест.

– Время залечь в койку, – подвел он итог.

– Сегодня мы все будем спать как младенцы, – приподнятым тоном сообщила Сестрица. – Мы все выпьем по стакану этого праздничного вина.

С тремя стаканами на подносе Сестрица направилась в большую красивую комнату и прикрыла за собой дверь, оставив лишь узкую щелочку. Волф слышал, как она разливает вино из бутылки по стаканам. После этого последовала кратковременная тишина.

– Иду, иду, – певуче прокричала Сестрица. Чуть позже она вернулась в кухню с подносом, на котором стояли три полных до краев стакана. Это были стаканы для воды одинаковой модели, разве что один чуть выше других и не бесцветный, как остальные, а с легким розоватым оттенком.

– Вот. Тебе – самый вместительный стакан, Волф, – объявила Сестрица, ставя перед ними вино, и они с Братцем взяли остальные.

– Ваше здоровье, – сказали Братец и Сестрица и подняли стаканы.

Волф чуть-чуть отхлебнул из своего. Вино было крепкое и в свете свечи казалось скорее черным, нежели красным; от него поднимался удушливый аромат. И даже этот крошечный глоток дал Волфу понять, какое это хмельное

вино; проглотив его, он ощутил на языке резкий горький привкус.

Братец и Сестрица уже осушили свои стаканы одним глотком.

– Как тебе винцо, Волф? – с ухмылкой спросил Братец.

80 – Смакую, – отвечал Волф одобрительно. – Если от него не буду хорошо спать, то уж и не знаю. Знаете, что я сделаю? Поставлю его на тумбочку и выпью в постели. Не то прямо на пол свалюсь и засну, не успев раздеться. – Он направился к раскладушке, поставил стакан рядом на тумбочку и принялся разуваться.

– Хорошая идея, – сказала Сестрица. Допив свои стаканы, они с Братцем встали.

– Если захочешь еще стаканчик, просто позови, – заверила его Сестрица. Они с Братцем пожелали ему спокойной ночи, и смежная дверь закрылась.

Глава 10

Раздевшись, Волф улегся на раскладушку, но подозревал, что пока еще заснуть не сможет. Ему было не по себе. Все, что произошло за эти недели, повергало его в тоску. Но, размышлял он, по сути дела, во всем этом была его вина. Всякий раз, когда ему что-то было не по душе и он не осмеливался принимать решение, он напивался и совершал или одобрял поступки, в высшей степени дурные и глупые. Мало что изменил тот факт, что он, когда еще ездил один, позволил трактирщице почти уговорить его остаться с нею, чтобы петь и плясать для ее гостей. К счастью, мудрая женщина, владевшая подземным духом, госпожа Сивилла, это ему отсоветовала. Волф помнил, что подземный дух из морской раковины, которого тогда вызвала госпожа Сивилла, нашептал ей на ухо фразу, и госпожа Сивилла записала ее на клочке бумаги. В этой фразе что-то говорилось о родне, вспомнил Волф, но ни он, ни госпожа Сивилла не нашли этому никакого объяснения, хотя бумажку Волф не выбросил, а сохранил. Но то, что он должен быть осторожен и не доверять каждому и не всё

всем рассказывать, вот тут госпожа Сивилла оказалась очень даже права. Да и дружелюбный господин, повстречавшийся ему два раза и подаривший широкополую шляпу, озабоченно и приветливо беседовал с ним. Вот если бы дружелюбный господин был с ним, здесь, думал Волф, он уж точно дал бы ему добрый совет, что делать дальше.

82

Но теперь – по правде сказать, впервые – Волф осознал, что должен все хорошенько обдумать и одобрять далеко не все, что желательно другим. Теперь первое: больше не пить вина, каким бы вкусным оно ни казалось и как бы легко и приятно ни выглядели вещи после нескольких глотков.

Его взгляд непроизвольно упал на ночную тумбочку и на еще почти нетронутый стакан с темным густым вином, которое Сестрица купила специально для него, чтобы он крепче спал. Нет, даже к этому вину он не станет прикасаться, решил Волф. Он встал и со стаканом направился к кухонной раковине. Вылить жалко, подумал Волф. Но не глупо ли будет сохранить вино, ведь это означает, что он все-таки захочет выпить его потом?

Волф распахнул шкафчик под сливом. У задней стенки стояла пустая банка из-под варенья. Он вылил в нее содержимое стакана и задвинул банку вниз, в самый дальний угол, где она затерялась среди других предметов. После чего, сам не зная зачем, забрал к своей постели пустой стакан, вновь поставил

его на тумбочку и влез под одеяло. Нет, если он больше не станет пить, то и не сможет совершать под влиянием вина того, что иначе никогда бы не сделал и о чем потом бы сожалел.

И какая, вообще говоря, разница, с легкостью он заснет или нет? Пока лежишь без сна, можешь думать, и того и гляди появится хорошая идея.

83

Но уже довольно скоро Волф задремал. Он успел услышать, как кто-то тихонько открывает смежную дверь между кухней и большой комнатой.

– Волф, ты не спишь? – услышал он голос Сестрицы над ухом. Он слышал ее очень хорошо, но был уже слишком уставшим, чтобы отвечать ей. В большой комнате что-то говорили или спрашивали, но Волф не разобрал, что. Потом раздался звук: кажется, Сестрица взяла с тумбочки его стакан и вновь поставила на место. Может быть, она принесла ему еще вина? Ну, это не беда, подумал он, потому что и это вино он пить не станет. Волф лежал неподвижно на боку, закрыв глаза, и ждал.

– Да, представляешь. Без задних ног, – услышал он голос Сестрицы. Вдалеке, в большой комнате, Братец опять что-то сказал, но Волф разобрал лишь несколько звуков. «...полная свобода», – как ему показалось, услышал он. Что это значило? Ах, какая, в сущности, разница...

И смежная дверь тихонько закрылась.

Волф в темноте наощупь нашел стакан на тумбочке. Нет, вина в нем не было. Зачем же тогда Сестрица брала его и поставила на место? Было ли достаточно содержимого этого стакана, чтобы погрузиться в глубокий сон? Но отчего Братец и Сестрица все еще не заснули сами? Ибо он по-прежнему время от времени слышал их голоса.

84

Слишком много было фактов, которые он не мог собрать во всеобъемлющее целое. Сперва ему надо бы поспать, решил он, хотя голова у него была ясная, как никогда, и сна ни в одном глазу.

Размышляя, Волф незаметно для себя заснул. И вновь на него накиннулись обрывки снов, и вновь звучали голоса, произносившие странные вещи. «Ты сам посмотри», – вдруг сказал голос прямо над ним. Что это означало?

Волф вдруг совершенно проснулся и устало сел, выпрямив спину. В который раз ему почудилось, что дует сильный ветер, и что из-за этого ветра трейлер раскачивается туда-сюда. В действительности же, теперь, когда он проснулся и сидел прямо, царило полное безветрие, и нигде не было слышно ни звука. Но что это было?.. В трейлере определенно совершалось какое-то движение... Волф это явственно ощущал... неужто он еще спал? Нет, он совершенно проснулся, но... трейлер мягко покачивался вверх-вниз!.. Он был не слишком прочным, этот трейлер, и чувствительным к порывам ветра, но на улице ветра не было, ни дунове-

ния... Ведь он не едет?.. – внезапно спросил себя Волф, вздрогнув от ужаса. Не забыл ли он заблокировать колеса специальными деревянными клиньями?.. Или какие-нибудь озорники развлекались снаружи, ради хохмы раскачивая трейлер?..

Нет, трейлер стоял на месте... Это Волф увидел, выглянув в окно, пока торопливо натягивал одежду и в одних носках подкрадывался к входной двери. Без малейшего шума он открыл ее, снова так же беззвучно прикрыл за собой и осторожно спустился по лестнице. Нет, никого, никаких озорников или кого-либо еще рядом с трейлером, и полный штиль... Если трейлер не едет, кто и что тогда движется?.. легкие покачивания, как заметил Волф, обходя трейлер, явственно ощущались в его задней части, в одном углу большой красивой комнаты.

Волф, пригнувшись, бесшумно взобрался по задней лесенке и оказался на балкончике. Погода стояла ясная, за его плечом светила почти полная луна, на полпути к зениту. Причина колебаний должна находиться в самом трейлере, если тут не замешано колдовство, но такого не бывает...

Волф медленно выпрямился. За стеклом входной двери висела крупносетчатая кружевная занавеска, не полностью закрывавшая вид: по бокам оставались значительные щели, а портьеры были и вовсе не задернуты. Волф заглянул внутрь. Сперва его глазам при-

шлось привыкать к скудному свету, но, когда он придвинулся ближе к стеклу, смог различить все: рисунок ковра, мебель и обе кровати. Одна из них была пуста. А на другой... У Волфа слегка закружилась голова... Действительно ли он видел то, что видел, на той, другой кровати?..

86

Сперва взору Волфа предстала голая спина лежащего Братца, затем его ягодицы, тоже голые, бедра и ноги. Братец лежал на животе, но как-то слишком высоко...

Волф услышал задыхающиеся стоны. Нижняя часть тела Братца буйно двигалась вверх и вниз, и теперь Волф разглядел, отчего тот лежал так высоко: под ним, на спине, тоже голая, лежала Сестрица, обхватив руками шею Братца... Но... это же невозможно?.. Не снится ли ему это?.. Нет, нет...

Волфу пришлось изо всех сил сдерживаться, чтобы не зарыдать вслух, не закричать... Нет, он должен вести себя тихо и попытаться незамеченным вернуться в свою постель...

Когда он вновь лежал на своей раскладушке, из его горла рвалось наружу страстное рыдание, но он несколькими глубокими вздохами сумел подавить его.

Братец и Сестрица... Братец... со своей собственной сестрой... Могло ли быть такое, может ли такое существовать?.. Или... или?.. Внезапная мысль пронзила Волфа... Что, если... они ему непрерывно врут, заморочили ему голову... и они вовсе не родня, эти двое...

И теперь Волфу вспомнилась тогдашняя фраза... Фраза, слова... которые произнес дух, сидящий в морской раковине, и которые госпожа Сивилла записала на клочке бумаги... Да, теперь Волф вспомнил эту фразу: «Эти двое... эти двое...» Как там было дальше? Да, точно, он вспомнил: «Эти двое не родня...»

Глава 11

88 Трейлер перестал колыхаться. Из большой комнаты до Волфа еще донеслись приглушенные голоса. После этого все стихло.

Теперь Волф задался вопросом: может быть, он провел это время в постели и все ему привиделось во сне? Он пощупал свои носки: нет, он выходил в этих носках на улицу, потому что внизу к ним прилипла пыль и песчинки. Нет, он определенно выходил наружу и обошел трейлер, и определенно заглядывал внутрь через окно задней двери. И даже если он, встав с постели, пребывал в полусне, глаза у него были раскрыты и, полностью проснувшись, он увидел то, что увидел...

Волфу хотелось отделаться от этой картины, пусть даже он и видел-то всего ничего; хотелось не думать о ней, но перед глазами постоянно возникало видение: совершенно нагое юношеское тело Братца на постели и движения этого тела.

Волф еще никогда не видел Братца без одежды, и теперь, когда это случилось впервые, заметил, что любит Братца еще сильнее или станет любить сильнее, чем когда бы то ни было...

Но ведь это невозможно? Ведь Братец и Сестрица дурные, они обманули его? Почему он все еще хочет любить Братца? Волф подумал, что все, конечно, сложилось бы иначе, если бы после первой встречи Братец пришел к нему один, без Сестрицы. Тогда бы он, конечно, мог видеть Братца полностью раздетым, мог бы очень долго мыть его под душем, потому что Братцу это весьма пришлось бы по вкусу и он попросил бы мыть его как можно дольше. И вечером, улегшись в большой красивой комнате, каждый в своей кровати, попросил бы вдруг Братец Волфа прийти к нему в постель и лечь близко-близко к нему? И потом, потом... Братец накрыл бы Волфа своим сильным обнаженным телом танцора, чтобы... чтобы... совершать этим телом те же самые движения, которые Волф только что наблюдал?

Но внезапно Волф понял, что все это он себе напридумывал: этого не было и никогда не будет. Братец поехал с ним не один, а с Сестрицей, и вместе эти двое втюхали Волфу отвратительную ложь. Так что Братец совершенно не заслуживал, чтобы его любили. Нет: тот, кто увлек другого человека такой гадкой и отвратительной ложью, в сущности заслуживал, чтобы его... его заперли и... и наказали?... Должен ли, в сущности, Братец... быть наказан?..

Да, наказан... Шепотом произнеся это слово, Волф ощутил печаль оттого, что задумался: каким образом должен быть наказан Братец. Но волей-неволей Волфу пришлось

детально вообразить это наказание, хотя все в нем восставало против подобного представления.

Он закрыл глаза, но тем отчетливее видел, как Братца, ввиду ужасной сотворенной им подлости, наказывают, точно маленького мальчишку, как его нагибают через колени и шлепают, да, по этом самой милой части его юношеского тела...

И было странно, что Волф, видя в воображении, как Братец, согнувшись вперед, подвергается, словно мальчишка, унижительному наказанию, любил его при этом еще больше... «Я люблю тебя, Братец, братишка, ты чувствуешь, чувствуешь?.. – дрожащим голосом шептал Волф. – Мой милый братишка, плачь, плачь... Я тебя утешу...» Теперь Волф думал кое о чем еще, что было, наверное, куда более странным: тогда как Братец таким образом лежал бы на колене и плакал все отчаяннее, он вдруг очень, очень сильно полюбил бы Волфа и сквозь слезы муки воззвал бы к нему, сказал, что, в сущности, всегда хотел стать его братишкой и быть с ним, и чтобы Волф каждый день долго, очень долго мыл его под душем.

Волф вздохнул и потряс головой. Ему вдруг удалось отбросить эти нелепые мысли. «Он никогда не пойдет со мной в душ, – тихонько сказал он себе. – Он никогда не сделается моим братишкой».

Нет, все было в прошлом, навсегда... И теперь ему предстояло принять решение.

Для начала он перестанет пить. И в этот новый день – ибо к тому времени была уже полночь – он больше не будет плясать с раскрашенным лицом в дурацком костюме из перьев. Эти двое должны уехать навсегда, еще до того, как наступит вечер...

Почти уже светало, когда Волф, наконец, заснул, но утром впервые за долгое время он почувствовал себя бодрым, сильным и готовым справиться со всем, что ему предстояло.

91

Нет, пока что нет, утром он не покажет этим двоим виду, что теперь кое-что о них знает и какое решение принял, ибо в городке, где стоял сейчас трейлер, не имелось железнодорожной станции, а этих двоих ведь нужно посадить в поезд, чтобы они смогли забрать с собой свои пожитки? Да, такой, вообще говоря, была извращенная доброта Волфа, если вдуматься!

Когда они втроем сидели за завтраком, Волф внимательно наблюдал за лицами Братца и Сестрицы. Осознают ли эти двое, что что-то не так, что они сыграли с ним дурную шутку? По их чертам Волф ничего не мог прочесть: ни чужая печаль, ни чужая радость, казалось, их не трогают. И посему их судьба и то, как сложится в дальнейшем их жизнь, Волфа тоже касаться не должны. Да, и это он себе пообещал, но всякий раз, взглядывая на Братца, ощущал, что его одолевают противоречивые чувства. Как назло, этим утром Братец был одет в точности как при первой встрече

с Волфом: та же прочная, украшенная вышивкой и изящно обтягивающая его крепкие плечи куртка из кожи и черной холстины, и те же туго облегающие фигуру синие парусиновые брюки. И теперь Волф был вынужден вообразить себе совершенно обнаженное под тщеславной одеждой тело Братца, таким, каким впервые увидел его минувшей ночью. И Волф вновь чуть-чуть усомнился: если Братец уедет, он уже никогда, ни разу – скажем, когда выпьет чересчур много вина и когда Сестрица отправится в постель – не покажет Волфу свое полностью обнаженное юношеское тело, и Волф не прикоснется к нему, и Братец не сочтет приятным, если Волф обнимет его?

– Ну и как ты спал, Волф? – внезапно спросил Братец. Неожиданный звук его голоса заставил Волфа поежиться, ибо он слышал, что за великолепным юным звуком скрывается, в сущности, злобный и бессердечный характер Братца, и снова пообещал себе, что должен быть тверд и более не сомневаться в принятом решении.

– Без задних ног, – отвечал Волф. – Сразу же заснул. Даже снов не видел.

– Да, это вино творит чудеса, – ответствовала Сестрица. – Его хочется пить да пить.

После завтрака Волф, как обычно, сверился с картой и вскоре нашел неподалеку городок у железной дороги.

– Мы сегодня далеко поедем? – спросила Сестрица.

– Не дальше обычного, – отвечал Волф как можно более оживленным тоном. Он назвал место. – Приятный городок, мне кажется. Там поезда останавливаются, – добавил он, не подумав.

– А нам-то что до этого? – чуть ли не рывкнула Сестрица.

– В этом городе есть рынок, думается мне, – проворно ответил Волф. – Там приезжих бывает больше, чем жителей.

93

Когда они вновь пустились в путь, у Волфа вдруг возникло отчаянное желание, чтобы Братец сел к нему в кабину. Он знал, что желание это нелепое, поскольку Братец не станет говорить или делать ничего, что смогло бы исправить окончательное и бесповоротное... И когда они отъезжали, Волф, невзирая на свою печаль, в сущности испытал облегчение оттого, что Братец и Сестрица оставили его одного в автомобиле и всю поездку просидели вдвоем в трейлере.

Приехав в выбранный им городок и отыскав место для парковки, Волф решил сразу же пойти пешком на станцию и справиться о расписании поездов. Когда он собирался выходить, Сестрица любопытствовала, куда он идет. Уж не заподозрила ли она чего? Странно, что Волф все еще не мог заставить себя сказать ей без обиняков о своем решении и о том, что вчерашним вечером он плясал с ними в последний раз. Да, удивительно: Волф безо всякой причины чувствовал себя виноватым, слов-

но не они ему, а он им причинил зло и обманул их, и словно то, чему он поневоле был свидетелем прошлой ночью, была не их, а его вина...

В ответ Волф придумал такой ответ.

– Я нынешней ночью так хорошо спал, что хочу пройтись подальше, – солгал он. – Я ведь практически не выхожу.

94

На станции он спросил о самых важных поездах, обо всех направлениях, ибо точно не помнил, откуда были родом Братец и Сестрица. Записывая время, Волф вдруг заметил упавшую на бумагу слезу. До чего же это печально, подумал Волф. Все вокруг него вдруг показалось ему пустым, и он чувствовал себя совсем одиноким и сиротливым. И ему очень, очень не хотелось возвращаться в трейлер, где придется без проволочек изложить свое решение Братцу и Сестрице и объяснить им, что они должны уехать навсегда. Сможет ли он найти для этого решимость или все-таки в последний момент передумает?

Вдруг кто-то похлопал его по плечу. Волф вздрогнул, ибо сразу же в голову пришло, что это Сестрица, которая, возможно, последовала за ним. Но, обернувшись, он увидел мужчину. Это был – тут Волф с трудом удержался, чтобы не вскрикнуть от радости – не кто иной, как дружелюбный господин, который некогда дал ему крупную банкноту и широкополую шляпу, и которого он после этого встретил еще раз. В тот второй раз он сказал Волфу,

что не следует плясать, вырядившись клоуном, в таком дурацком костюме из перьев.

Каким же образом дружелюбный господин вдруг очутился здесь? Это было удивительное совпадение. Волф был рад, что встретил кого-то, кому мог довериться и, наверное, попросить совета.

Поначалу Волф не мог подобрать нужных слов.

95

– Я так рад вас видеть, – наконец, удалось ему вымолвить.

– Это мне приятно слышать, – отозвался дружелюбный господин. – Как твои дела, Волф? Что-то нерадостно ты смотришь, не в обиду будь сказано.

Волф постарался побыстрее смигнуть на вернувшиеся слезы, но, похоже, дружелюбный господин смог заметить, что ему не до смеха.

Волфу очень хотелось откровенно поговорить с кем-то, кто все поймет, но тогда пришлось бы все рассказать. Поймет ли его дружелюбный господин? Ибо то, что Волф в свое время думал и на что надеялся в отношении Братца, – разве не было это слишком необычными думами и желаниями, которых у других юношей вовсе не имелось, ибо желания эти были уж очень странными?

– Все так сложно, – только и сумел вымолвить Волф.

– Такова жизнь, – серьезно заметил дружелюбный господин. – Куда направляешься? Ты можешь мне все прямо рассказать, что те-

бя тревожит. Как знать, вдруг все это вовсе не так сложно, как ты думаешь.

Волф счел, что это очень мило со стороны дружелюбного господина, такие его слова. Он сказал, что до обеда хочет вернуться в трейлер и что пришел сюда пешком.

– Ну, тогда и я с тобой пройду, – предложил дружелюбный господин.

96

Сказано-сделано, и через мгновение они уже шли вместе.

Глава 12

Преодолев некоторое расстояние в компании дружелюбного господина, Волф начал чистосердечно обо всем рассказывать. Но время от времени он внезапно прерывался и мялся. Не говорил ли он того, что другому человеку могло показаться очень странным, и того, что, кроме него, никто другой понять бы не смог? Но дружелюбный господин слушал так терпеливо, что Волфу подумалось: «Нужно рассказать ему. Если кто-то должен знать все, так это он». Сперва запинаясь и подыскивая слова, но постепенно смелея, Волф поведал, как всегда мечтал о юноше, который пожелал бы сделаться его братишкой, всегда быть с ним и спать с ним в одной комнате.

Дружелюбный господин, казалось, не находил это странным, ибо, слушая рассказ, то и дело кивал с понимающей улыбкой. Волф покраснел, когда, наконец, осмелился поведать, как он такого юношу, который пожелал бы сделаться его братишкой, хотел бы долго, очень долго мыть под душем.

– Совсем... везде... – запинаясь, вымолвил Волф. И это дружелюбный господин тоже, ка-

залось, не считая странным или неправильным, ибо он улыбнулся и снова кивнул, правда, задумчиво, но с удивительным огоньком в глазах.

– Да, юноши твоего склада, – молвил он, – могут стать жертвой собственной доброты.

Как только господин догадался?

И тогда Волф рассказал, как встретил Братца и Сестрицу и взял их обоих с собой в дорогу.

98

– Да-да, Братец и Сестрица, – язвительным тоном заметил господин. – Уж, наверное, они друг в друге души не чают?

До чего же господин много знал – даже то, о чем Волф еще и не говорил! Теперь Волф настолько набрался смелости, что рассказал решительно все. Он поведал, как Братец не хотел, чтобы Волф мыл его под душем, а захлопнул дверь душевой кабинки прямо у него перед носом. И еще: как Братец и Сестрица сразу же, с первого дня, без обсуждений и не спросив Волфа, забрали себе большую красивую комнату в трейлере. И как они очень скоро захотели все его деньги, захотели хранить их в одном сосуде, но что он значительную часть этих денег им не отдал и потихоньку припрятал. Потом, перед тем как рассказать самое последнее и самое ужасное, Волф поведал, что они пожелали, чтобы всё – и автомобиль, и трейлер – принадлежало им троим, и потребовали заключить с ним письменное соглашение.

– Хорошенькие дела, – пробормотал дружелюбный господин. – Еще что? Продолжай, Волф.

Дружелюбный господин слушал так терпеливо и все так хорошо понимал, что Волф преодолел последние сомнения и рассказал самое ужасное, а именно то, что увидел через окно задней двери трейлера, и какое решение ему пришлось принять. Но при этом он упомянул, как трудно ему далось это решение.

– Что мне теперь делать? – неуверенно спросил он.

99

– О, тут никаких проблем, – весьма решительно заявил дружелюбный господин. – Решение, которое ты принял, единственно верное. Но совершенно одному тебе нелегко придется. Что ты скажешь, если я сейчас пойду с тобой и побуду там, пока ты этим, этим... ну, этим двоим – он кивком указал в направлении, в котором они шли – высказываешь все как есть, и что пусть манатки собирают?

У Волфа даже глаза загорелись.

– Да, мне бы очень этого хотелось, – отвечал Волф. Сердце его забило от радости. Но в то же время, странное дело, ему претило вот так просто привести чужого, словно трейлер ему не принадлежал... Что скажут Братец и Сестрица?.. Не спросят ли сразу же, кто этот незнакомый господин?..

Вдали показалась парковка, на которой стояли автомобиль и трейлер.

– Мне бы очень хотелось знать ваше имя, – сказал Волф.

– Меня зовут Штрафман, – был спокойный ответ. – Ну что, пойдём вместе дельце обделаем?

Не успел Волф опомниться, как они с господином Штрафманом уже стояли в трейлере, посреди кухни. Сестрица там с чем-то возилась и, увидев господина Штрафмана, пришла в ярость, словно это она решала, кому можно заходить в трейлер, а кому нет.

– Что делает здесь этот господин? – громко, резко спросила она, вплотную подойдя к Волфу.

100

– Я пришел, барышня, чтобы кое-что обсудить с господином Волфом, – чрезвычайно хладнокровно произнес господин Штрафман, словно речь шла о самом обычном деле. – Не сообразовали ли оставить нас вдвоем?

До чего же спокойно умел разговаривать этот господин Штрафман! Волф хотел бы этому научиться.

– Так, – сказала Сестрица. Она шмыгнула носом и помедлила, смерив господина Штрафмана пронзительным взглядом, но затем покинула кухню и захлопнула за собой дверь в большую красивую комнату.

– Спеси у нее малость поубавилось, – пробормотал господин Штрафман.

– Мне бы очень хотелось спросить у вас кое-что, – тихо произнес Волф.

– Давай, мальчик, – ответствовал господин Штрафман.

Волф тогда заявил, что считает себя обязанным снабдить Братца и Сестрицу деньгами на поездку. Как полагает господин Штрафман, сколько они должны получить? И не должен ли он дать им еще немного сверх того?

– Я могу заплатить, – сказал Волф, ощущая некую гордость за то, что столь осмотрительно сэкономил, и эти сэкономленные деньги так ловко припрятал вне пределов досягаемости Братца и Сестрицы. – Я сохранил все эти деньги. Под газовым баллоном.

– Где твоя шляпа, Волф? – спросил господин Штрафман.

Какое отношение имел этот вопрос к вопросу Волфа? Широкополая шляпа лежала на стуле, и Волф принес ее. Господин Штрафман положил шляпу посередине стола.

– Спроси у шляпы что-нибудь, Волф, – с улыбкой сказал он. – Спроси, все ли еще деньги на месте. Давай же, – настоятельно произнес он, заметив, что Волф не сразу понял его слова. – Спроси, там ли еще деньги, куда ты их положил.

– Но... эти деньги... они все еще там?.. – спросил сбитый с толку Волф и тут же испугался того, что произошло прямо на его глазах: шляпа, которую господин Штрафман положил перед ним, поднялась и несколько раз взлетела над столом, а затем вновь преспокойно улеглась. В трейлере все двери и окна были закрыты, и ни малейшего сквозняка не чувствовалось. Нет, шляпа, которая двигалась сама по себе – о, значит, это не шутка – действительно волшебная...

– Вот тебе и ответ на твой вопрос, Волф, – спокойно произнес господин Штрафман. – Шляпа говорит: нет.

Волф был слишком ошеломлен, чтобы что-то сделать или ответить. Он поспешил к тяжелому газовому баллону, стоявшему возле кухонного стола, приподнял его и взглянул на пол. Под баллоном было пусто.

102 – Но этого не может быть... как это возможно... – непонимающе пролепетал Волф, переводя взгляд с пустого места на полу, окруженного кружочком пыли, на лицо подошедшего к нему господина Штрафмана.

– Как это возможно? – повторил тот весело. – Это вопрос несложный. Пойдем со мной, Волф. – В несколько шагов он достиг двери в большую красивую комнату, без стука рванул ее и вошел. Волф последовал за ним, ибо так велел ему господин Штрафман. Но что он собрался теперь делать? Волф был все еще в совершенной растерянности от только что увиденного: его деньги, все деньги исчезли... Кто забрал их и когда?.. Да, при всем своем испуге и огорчении Волф пытался придумать некую возможность, исключаящую чудовищную, невероятную подлость, то, чего не могло быть... чего не имело права быть... А что, если он сам, напившись вина, вытащил деньги, а потом, не заметив, потерял?..

Когда господин Штрафман и Волф вошли в комнату, Сестрица стояла возле буфета; она молниеносно обернулась, выставила перед грудью сжатые кулаки; челюсть у нее отвисла. Братец стоял спиной к задней двери. На его лице, как и на лице Сестрицы, были написаны

изумление и досада, но взгляд при этом был какой-то выжидающий; Волф такого раньше за ним не замечал.

– Полиция, дамы и господа, – громко воскликнул господин Штрафман. – Для начала: все деньги назад!

– Деньги... – пролепетал Братец. При звуке его голоса Волф ощутил слабость и неуверенность. Может ли быть, что Братец невиновен, совершенно невиновен... что он совершенно не знал, что деньги исчезли из-под газового баллона, потому что это сделал не он, а...

103

– О каких деньгах вы говорите? – слышалось из другого угла. Это был голос Сестрицы, по-прежнему стоявшей возле буфета. Несмотря на удивление, вызванное их неожиданным вторжением, она, похоже, уже обрела обычную нерушимую жесткость. – Мы из сил выбиваемся, – продолжала она так хорошо знакомым Волфу, исполненным ярости тоном, который сейчас несколько выбил его из колеи, – пашем на этого господина, – она пренебрежительно кивнула в сторону Волфа, – и нам приходится ждать, когда он нам что-то выдаст. Вот и вся благодарность. – Она замолкла, но явно подыскивала слова, которыми могла бы подкрепить свою защиту.

– Очень интересно, – сказал господин Штрафман. – Но кто из вас двоих вытащил деньги из-под газового баллона? Ты, маленькая ведьма, – господин Штрафман указал пальцем на Сестрицу, – или этот садовый гном? –

С этими последними словами он простер руку в сторону Братца.

...Садовый гном... Маленькая ведьма... Эти слова поразили Волфа, ибо он по-прежнему чувствовал неуверенность и не позволял себе думать о Братце самое плохое.

104 Братец схватился за ручку задней двери и повернул ее. Хотел выбежать на улицу? Да, определенно, однако дверь была заперта. Ключ торчал в двери с внутренней стороны, и Братец проворно повернул его, но господин Штрафман оказался проворнее. С быстротой молнии подскочил он к Братцу, уже приоткрывшему дверь, и вновь закрыл ее; повернув ключ, сунул его в карман. Теперь Братец смотрел на другую дверь, ту, что вела в кухню, и, казалось, измерял взглядом расстояние и прикидывал свои шансы прошмыгнуть мимо Волфа и выскочить на улицу.

Господин Штрафман внезапно схватил правую руку Братца – определенно он знал приемы – и завернул ее тому за спину. Братец вскрикнул от боли и тяжело задышал. Сестрица стояла, замерев на месте, сжав рот в узкую бледную полоску.

Волф хотел выступить вперед, что-то сделать, но что?.. У него закружилась голова, и он остался стоять, как вкопанный. То, что он видел и слышал, было ужасно, и он не хотел этого... Неужто Братец в самом деле виновен?.. Но Братец хотел убежать: разве не было это доказательством его вины? Или же Братец...

труслив... трус?.. Должен ли Волф теперь... ненавидеть Братца? Волф на мгновение зажмурился и сглотнул. Что собирается господин Штрафман сделать с Братцем? Братец... будет наказан?.. «Наказан... наказан...», – долбил голос у Волфа в голове. Он почувствовал во рту странный, тошнотворный привкус. Он не хотел смотреть, но его словно парализовало, и он не мог двинуться с места.

105

– Увижу я наконец эти деньги или нет? – спросил господин Штрафман, после чего еще выше завернул руку Братца. Братец взвыл от боли и сильнее согнулся вперед. Волф опять хотел что-нибудь сделать, что-то сказать, чтобы прекратилось то, что происходило на его глазах. Но что-то в нем заставляло глядеть на некогда высокомерное, а сейчас униженно скрюченное, беспомощно подавленное юношеское тело Братца и на матовый глянец темных брюк, обтянувших его зад и бедра. Словно в трансе взгляд Волфа поднялся выше, остановившись на краю кожаной куртки Братца, обшитой грубыми стежками цветной шерсти. Как пришла ему в голову эта мысль, он не знал, но Волфу показалось, что край куртки с узором из коротких и длинных стежков различных пастельных цветов таил в себе доказательство того, что Братец был плохой... подлый... что он был вор... И что он был труслив, да, труслив... трус...

– Ты можешь получить славную порку, – сказал господин Штрафман. – И если я говорю

«порка», значит, я имею в виду порку. Что скажешь? Да или нет?..

106 Волфу пришлось сделать глубокий вдох, чтобы преодолеть головокружение. Что сейчас произойдет? Он не хотел этого, не хотел, чтобы это случилось, но в то же время его не оставляла мысль, которую он отвергал и которой жаждал: чтобы господин Штрафман сделал с Братцем то, что угрожал сделать...

«Да, наказание... – неслышно охнул Волф. – Ты будешь наказан, мой милый братишка... – Он попытался не думать о том, о чем думал, попытался не желать этого, но тщетно. – Братишка, скажи это, скажи...», – шептал он. Но что должен был сказать Братец? Где деньги, пропавшие деньги?.. Нет, что-то другое... Если господин Штрафман сейчас станет наказывать Братца, как мальчонку, так, как наказывают непослушных ребятишек, может быть, Братец сознается, что все это была ошибка и он вовсе не хотел брать эти деньги... Ибо он хотел остаться с Волфом, один, без Сестрицы, навсегда, и сделаться Волфу братишкой, потому что... потому что он так же сильно любит Волфа, как Волф любит его, с самого начала...

«Скажи это, мой братишка... Скажи это...», – вновь принялся шептать Волф.

– Нет... – выдохнул Братец, но господин Штрафман с удвоенной силой завернул его беспомощную руку еще выше за спину.

– А-а-а! А-а-а! – завопил Братец. – Под... а-а-а! Под банкой с кофе!.. В шкафу!..

Теперь господин Штрафман устремил взгляд на Сестрицу.

– Под кофе? – язвительно осведомился он. – Где стоит кофе?

– Мы всё честно поделили между собой! Всё! – выкрикнула Сестрица обычным своим резким голосом, к которому, однако, прибавились слезливые нотки.

– Верно говоришь, – сказал господин Штрафман. – Между вами троими или между вами двумя? Мне сходить за следователем? Когда обнаружится, что затеяли брат с сестрой, не имея водительских прав...

107

– Что... – побледнев, хрипло выдохнула Сестрица.

– То, – сказал господин Штрафман. – Деньги на стол, и побыстрее. Или приедет тюремный фургон. – Не выпуская из своей хватки руку Братца, он подталкивал того через комнату в сторону Сестрицы, пока они не оказались нос к носу.

Волф заметил, что больше не может видеть Братца в такой позе, его искаженное болью лицо... Может быть... все еще закончится добром?.. Если господин Штрафман сейчас отпустит Братца, может быть, тот... вдруг подойдет к Волфу, и встанет перед ним, и заплачет, и...

– Скажи, где деньги, Братец, – вдруг громко пролепетал Волф.

Тогда Сестрица распахнула дверь буфета и вытащила круглую жестянку.

– Мы сохранили их для Волфа, в точности столько, сколько он нам дал, – заныла она, ставя жестянку на круглый салонный столик.

108 Волф осознал, что должен что-то сказать, чтобы изобличить лживые уверения Сестрицы, но ему словно стиснули горло, а язык прилип к гортани. Он почувствовал, что его сейчас стошнит, если он не уйдет. Он вышел из комнаты в кухню и закрыл за собой дверь. Из большой комнаты до него по-прежнему доносились то громкие, то стихающие голоса, но смысла слов он не понимал.

Если бы он тогда, в самом начале, сказал Братцу, что хотел бы взять с собой его и только его одного, – пошло бы все иначе?.. Чужой человек, господин Штрафман, сейчас пытался все исправить для него, словно это было возможно... Нет, ничто уже не было хорошо... Все было печально, думал Волф. И не была ли эта печаль его, Волфа, виной?..

Когда Волфу было тоскливо, он удерживался от слез, но теперь он стоял посреди кухни и всхлипывал.

Глава 13

Некоторое время спустя Волф и господин Штрафман, стоя в дверях трейлера, наблюдали за тем, как Братец и Сестрица спускаются с багажом по деревянной лесенке и отправляются в обратный путь в родные края. Это был уход без прощальных слов и даже без рукопожатий, и Волф, пока их силуэты уменьшались и, наконец, не скрылись за углом, ощущал такую скорбь, что впору ему было рыдать, нежели смеяться.

– Всё позади, – сказал господин Штрафман довольным тоном.

Да, все было позади, но Волф знал, что никогда не сможет этого забыть. Он искал слова, чтобы как-то ответить господину Штрафману, но ничего не смог придумать.

– Не дать ли... не дать ли им немного денег? – наконец, с трудом выдавил он. – У них... ничего нет...

– Ах, пóлно, – отвечивал господин Штрафман. – Ты что же, думаешь, что они за это время недостаточно для себя припрятали?

– Почем мне знать, – сказал Волф.

– Тебе нужно еще многому учиться, Волф, – счел господин Штрафман. – Как тебя угораздило связаться с такими людьми?

Тогда Волф еще раз в точности рассказал, как в тот вечер после своего представления познакомился с ними обоими, и они поведали ему, что происходят из весьма почтенной и зажиточной семьи, и он поверил им на слово.

110

– Вполне возможно, – согласился господин Штрафман, – хотя я ни одному их слову не верю. Но ты что же, думал, что богатые люди лучше бедных? Ага, сейчас! Все в точности наоборот. Бедняки, хоть у них и ничего нет, поделятся с тобой последним, Волф, и никогда тебя не обманут. Но, – пожелал узнать он, – неужто ты совершенно не подозревал, что за субчики эти двое? Разве тебя ничто не насторожило?

И Волфу вдруг вспомнилось, что записала для него та женщина, госпожа Сивилла, после того, как выслушала подземного духа, приложив ухо к морской раковине: *Эти двое не родня*. Слова должны были послужить предупреждением, но как мог Волф знать заранее, что они означали?

Он поведал об этом господину Штрафману, и оказалось, что тот близко знаком с госпожой Сивиллой.

– Это очень хорошая и мудрая женщина, – принял он наставлять Волфа. – Я бы на твоём месте еще разок зашел к ней. Но не забудь также о совете, который я тебе дал, – добавил он.

– Вы имеете в виду: не доверять богачам? – спросил Волф. – Должен ли я всегда искать общества бедных?

– Вообще говоря, да, – отвечал господин Штрафман. – Я кое-что скажу тебе. Если когда-нибудь тебе будет трудно, отправляйся в страну, которая зовется Повранией¹.

– Поврания, – пробормотал Волф. Он уже где-то слышал это название, но больше ничего об этом не знал. – А где она находится? – спросил он.

– В паре дней езды отсюда, – ответил господин Штрафман. – Там живут бедняки. Но они очень чистосердечны и гостеприимны, и еще они очень честные.

Волф решил, что накрепко запомнит название этой страны.

Господин Штрафман так сильно ему помог, что Волфу захотелось узнать, где тот живет, чтобы навестить его, случись у него какая незадача. Если бы только господин Штрафман мог остаться с ним, ведь он всегда давал такие добрые советы; тогда во второй раз подобная неприятность с ним не приключилась бы.

– Ну что же, Волф, пора мне снова в путь, – сказал господин Штрафман, словно отвечая мыслям Волфа.

– Я так вам признателен, – огорченно сказал Волф. – Вы так мне помогли.

1 От французского *pauvre* – бедный, нищий. – Прим. пер.

– Это моя задача и моя миссия, – ответил господин Штрафман.

Они помолчали.

– Я хотел кое-что спросить у вас, – застенчиво начал Волф. – Если я буду знать ваш адрес, всегда смогу написать вам письмо, например, спросить совета или еще что. Или... или... – Волфу хотелось узнать, не мог бы он как-нибудь навестить господина Штрафмана, но передумал, сочтя, что это будет слишком уж дерзко. – Где... где вы живете?.. – неуверенно спросил он.

112

– Я, Волф, нигде не живу, – сказал господин Штрафман. – Я брожу по земле.

Снова наступило молчание. Что же, у господина Штрафмана совсем нет дома? Но чем же он тогда занимается?

– А какая у вас, вообще говоря, профессия? – к собственному удивлению, осмелился спросить Волф.

– Никакой нет у меня профессии, – отвечал господин Штрафман. – Делаю добро, где могу. Можно мне получить назад мою шляпу, волшебную шляпу? Она служит определенному человеку только несколько раз, а потом теряет свою магическую силу. У кого-нибудь другого она снова ее обретает и таким образом может послужить многим людям.

– Да, разумеется, – сказал Волф. Он отправился за шляпой и отдал ее господину Штрафману.

– Надеюсь, что с этого дня у тебя все пойдет куда лучше, Волф, – обнадеживающе сказал

господин Штрафман. – Но я тебе настоятельно советую еще раз заглянуть к госпоже Сивилле.

И Волф пообещал, что сделает это.

Господин Штрафман обнял Волфа, расцеловал в обе щеки и ушел, еще раз на прощание помахав шляпой.

После его ухода Волф долго сидел в задумчивости. Наступил вечер, было слишком темно для того, чтобы куда-то ехать. А сохранил ли он адрес госпожи Сивиллы? Порывшись в своих бумагах, он отыскал адрес: это было не так далеко от того места, где он сейчас находился.

113

Той ночью Волф очень хорошо спал. Было, правда, довольно непривычно, вся эта пустота и тишина в трейлере, и порой, просыпаясь, он очень остро ощущал свое одиночество. Неужели отныне ему придется разъезжать в трейлере одному-одинешенькому?

Утром Волф припомнил совет господина Штрафмана: зайти к госпоже Сивилле. Теперь, чувствуя себя отдохнувшим и зная, что это недалеко, он, довольный, отправился в путь.

Лес, в котором стояла хижина госпожи Сивиллы, был окрашен в великолепные краски осени и казался далеко не таким темным и мрачным, как во время его первого визита. «Очень даже может быть, что госпожа Сивилла предскажет мне приятные события», – думал Волф.

Госпожа Сивилла открыла ему сама. Она была очень рада видеть Волфа.

– Может быть, вы сейчас очень заняты, – застенчиво начал Волф. – А я вот так запросто к вам пришел. Вообще говоря, я должен был вам написать, но я разъезжаю со своим трейлером, так что вы не смогли бы мне ответить. Поэтому я к вам и явился.

– Да, у меня и впрямь дел невпроворот, – сказала госпожа Сивилла, – но это не беда. Давай-ка заходи.

114

Госпожа Сивилла была занята дни напролет: приготавливала снадобье великой волшебной силы, способное поднять на ноги всяческих больных зверушек. По счастливому совпадению, она только что освободилась. Печка была еще горяча, и госпожа Сивилла показала Волфу большую стеклянную реторту с целебным напитком великолепного сиреневого цвета.

– Это стоило больших трудов, – сказал Волф, когда ему позволили взять в руки еще теплую реторту и посмотреть ее на свет. Он считал госпожу Сивиллу очень ученой и восхищался ее терпением: приготовить целебное питье специально для животных!

– У вас наверняка очень много зверей, – сказал он.

– Делать добро отнимает гораздо больше сил, чем творить зло, – сказала госпожа Сивилла. – Но если добро удалось, то человеку достаточно удовлетворения от результата.

Волф подумал о себе, о своих плясках и песнях. Было ли от этого кому-нибудь хорошо?

И он задался вопросом, смог бы он проявить такое же терпение и самоотверженность, да еще к тому же в отношении животных, как госпожа Сивилла.

– Я никогда не делал такое добро, – застенчиво сказал он. – Я только пляшу и пою.

– Всякий должен служить Господу талантом, ему ниспосланным, – возразила госпожа Сивилла.

115

У них споро завязалась беседа, и Волф поведал госпоже Сивилле обо всем, что с ним приключилось. Да, дух в морской раковине, который тогда сказал госпоже Сивилле слова, оказался прав: *Эти двое не родня*. Тогда – нет, тогда ни Волф, ни госпожа Сивилла сами не сумели истолковать эту фразу. И только позже выяснилось, что они относились к «Братцу и Сестрице», которые вовсе не были братом и сестрой, а лишь называли себя ими и так бессовестно обманули Волфа.

– Я вызову для тебя духа, Волф, – сказала госпожа Сивилла. – Может быть, в этот раз мы пойдем, что он нам скажет.

Госпожа Сивилла сдвинула тяжелые портьеры, чтобы в комнате сделалось темно, зажгла свечи и, как в первое посещение Волфа, приложила к уху морскую раковину.

– Молви, о дух, – проговорила она, закрыла глаза и погрузилась в ожидание.

Какое-то время царила тишина. Потом Волф, хотя и сидел на некотором расстоянии

от госпожи Сивиллы, отчетливо расслышал исходящий из раковины шорох.

– Внемлю тебе, – сказала госпожа Сивилла. Шорох усилился, и теперь Волфу показалось, что он слышит отдаленный шум прибоя на морском берегу.

116 – Я слышу голос, – тихо сказала госпожа Сивилла, обратив лицо к Волфу. – Но я ничего не понимаю. Очень много шума, словно гул мощного прибоя. Ах, вот все стихло.

Теперь Волф слышал, что шорох в раковине прекратился. Вместо него послышались сменяющие друг друга выкрики, словно голос звучал через рупор. Волф не понимал его, но госпожа Сивилла определенно понимала, ибо, слушая, она задумчиво кивала. И вдруг вновь воцарилась тишина. Госпожа Сивилла отняла раковину от уха.

– Это было кратко, – четко произнесла она. – *Счастье приходит с моря*, – говорит дух. Что думаешь?

– Счастье приходит с моря, – отрешенно повторил Волф. – Что бы это значило, госпожа Сивилла? Должен ли я отправиться в море, сделаться моряком? – Госпожа Сивилла не знала. – Или же я должен всегда ездить вдоль побережья и держаться моря, пока не придет счастье?

– Очень трудно ясно истолковать эту фразу, – сказала госпожа Сивилла. – Но эти слова не означают, что надвигается что-то дурное, чего тебе следует опасаться.

Верно, Волф с этим согласился. Эти слова не могли предвещать ни дурного, ни опасного.

– Жаль, что дух больше ничего не сказал, – рассуждала госпожа Сивилла. – Мне бы очень хотелось, чтобы он дал какой-нибудь совет, чтобы хорошенько его запомнить и последовать ему. Но теперь мне кажется, что я могу дать тебе кое-что, что тебе очень даже может пригодиться.

117

Она подошла к большому старому шкафу, заставленному таинственными склянками, сосудами и чашами, на которых были написаны длинные латинские названия. Пошарив в шкафу, она вернулась с изящным хрустальным флаконом, наполненным темно-красной жидкостью. Флакон был очень старый, и этикетка на нем настолько истерлась, что надпись было почти невозможно прочесть. Госпожа Сивилла протянула флакон Волфу. Остались видны только несколько букв: POTU, и потом еще слово или часть слова: VERIT.

– Нет, это не для животных, – с улыбкой молвила госпожа Сивилла. – Ибо они не умеют говорить. – И она поведала Волфу, что это напиток, который она изготовила давным-давно, когда было еще не так трудно собрать все необходимые для него травы.

– Это эликсир правды, Волф, – пояснила она. – Тот, кто отведал этого напитка, в этот день не сможет говорить ничего, кроме правды. То есть если ты в самом деле захочешь узнать

чьи-то самые сокровенные намерения и желания, то попробуй дать ему этот напиток.

Волфу хотелось еще о многом расспросить госпожу Сивиллу, но он счел, что и без того отнял у нее много времени и должен быть ей благодарен за все, что она для него сделала и за то, что он от нее получил. Так что он распрощался с госпожой Сивиллой, сердечнейше поблагодарив ее.

118

Было еще светло, и перед наступлением ночи он мог бы успеть проделать довольно большое расстояние. Какое направление ему выбрать? «Счастье приходит с моря», – пробормотал Волф про себя. Если эти слова духа в раковине были правдивы, нужно ли отправиться в море? Но тогда придется бросить автомобиль и трейлер. И как станет он петь и плясать на борту корабля? На борту всякий должен работать в полную силу, чтобы поддерживать чистоту, обслуживать двигатель или ловить рыбу большими сетями. Все это был тяжелый труд. И для плясок и песен останется до обидного мало времени. И все же: «...счастье приходит с моря». Если это так, не следует ли оставаться как можно ближе к морю? Волф посмотрел на карту и проложил курс на побережье. Еще до наступления темноты он достиг крупного города у моря. На краю гавани он отыскал тихое местечко, чтобы поставить там автомобиль и трейлер.

Наступила ночь, но стемнело не полностью, ибо луна давала некоторый свет, а над при-

чалом горели яркие фонари. Из окна трейлера Волф видел воду в гавани, а чуть подальше – море. Ветра почти не было, погода стояла очень мягкая. Волф немного прошелся, после чего уселся на заднюю лесенку трейлера, наслаждаясь ночным видом и легким чистым морским ветерком.

Все закончилось хорошо, но теперь он снова был один. Неужели так будет всегда?

119

Вдали перед ним в лунном свете лежало море со всеми его тайнами. Оттуда должно прийти счастье. Но как?..

Глава 14

120 Волф довольно долго сидел в задумчивости на лесенке трейлера. Постепенно похолодало, и он пошел внутрь, чтобы подготовиться к ночлегу.

Спать ему еще не хотелось, и он решил сперва немного прибраться. Весь фургон вновь был в его распоряжении, и он мог сам определять, в какой части ему жить, и выбрать спальное место. Отчего бы не побаловать себя и не воспользоваться большой красивой комнатой, вместо того чтобы ютиться в кухне? Да, в самом начале, уезжая из родной деревни, он собирался поддерживать в красивой большой комнате неукоснительный порядок и как можно реже входить в нее, чтобы когда-нибудь предоставить ее юноше, который захотел бы плясать с ним, и сделаться его братишкой, и навсегда остаться с ним. Но встретит ли он когда-нибудь такого юношу? Волф попытался выкинуть из головы эту мысль и начал механически наводить порядок в большой комнате, где прежде жили Братец и Сестрица, и где ввиду их поспешного отъезда все еще были разбросаны всякие вещи.

В скудном, бледном свете дальних фонарей гавани, падавшем через окно, и пламени нескольких свечей комната по-прежнему дышала так давно лелеемыми, но закончившимися глубоким разочарованием желаниями Волфа. Он постелил свежие простыни на обеих кроватях, но ни одной ему не захотелось воспользоваться. Поставил одну кровать в угол, вторую, сложив ее ножки, задвинул под первую, с глаз долой. После этого принес с кухни свою деревянную раскладушку. Ибо, думал Волф, если я когда-нибудь встречу юношу, который захочет остаться со мной, мы сразу станем спать в одной комнате, а не каждый в своем углу.

121

Под конец, все прибрав в комнате и хорошенько выметя пол, он приступил к буфету. Братец и Сестрица не оставили после себя никаких личных вещей, только пустые бутылки и коробочки, которые можно было выбросить. Но в буфете стояли еще две бутылки вина, того самого особенного вина, за которым Сестрица ходила специально. Одна бутылка была не почата, в другой оставалось еще порядком. Волф вытащил бутылку, чтобы в свете свечи получше разглядеть этикетку.

Нет, кроме цветной картинки танцующей испанской пары, на этикетке больше ничего не значилось: ни названия местности, откуда происходило вино, ни адреса производителя, ничего, что сообщало бы о его особенном медицинском назначении. И, понюхав откры-

тое горлышко, он услышал только обычный запах обычного красного вина. Что же было такого особенного в этом вине, что человек, по утверждению Сестрицы, от него отлично спит, и почему она не разливала его открыто? И почему вино должно было оставаться здесь, в большой красивой комнате, отчего она не принесла его в кухню? Ах, да ладно, подумал Волф, какая теперь разница, все уже позади... Но, собираясь вернуть бутылку на прежнее место, он вдруг заметил у задней стенки буфета коробок, который до того прятался за бутылкой. Это была аптечная коробочка, содержащая с дюжину свернутых бумажек с белым порошком. На этикетке коробочки не указывалось, что это такое, но была надпись чернилами: перед сном 1–2 порошка.

Теперь Волфу вдруг сделалось ясно: в самом вине ничего особенного не было, но Сестрица наливала его в стакан Волфа в большой комнате, при закрытой двери, дабы незаметно подсыпать туда один или даже два порошка! Теперь Волфу припомнилось, что в тот вечер он вылил содержимое своего стакана в банку из-под варенья и задвинул ее подальше в кухонный шкафчик. Волф вытащил банку, попробовал содержимое, выплюнул и отпил немного из початой бутылки. И конечно же, вино из банки было очень горьким на вкус, и, вылив его в раковину, он заметил, что на дне банки остался какой-то осадок: вероятно, нерастворившийся порошок. А вино, которое он потом

отпил из бутылки, на вкус ничем не отличалось от обычного вина и вовсе не горчило. В тот вечер Сестрица не хотела, чтобы Волф спал беспокойно или проснулся; она хотела, чтобы он всю ночь был погружен в глубокий, глухой сон, от которого его ничто не смогло бы пробудить.

Что же ему делать с этой коробкой порошков? Это не яд, всего лишь снотворные порошки, которые, возможно, пригодятся по своему прямому назначению, и Волф сунул коробку на прежнее место. И еще он припрятал в буфет хрустальный флакон с особенным напитком, полученным от госпожи Сивиллы, хорошо и надежно закрепив его от падения.

Что еще оставалось сделать? В сущности, ничего, но по-прежнему у Волфа не было сна ни в одном глазу, и он не мог спокойно улечься. Он решил немного пройтись.

На улице стояла мертвая тишина, набережные гавани были совершенно безлюдны. Волф довольно далеко прошел по берегу. Плеск воды и вид непрерывно колышущегося моря под серебристым сиянием луны умиротворил его. Нет, ему не нужно больше слишком много думать о прошлом, и лучше вообще не думать о том ужасном, что стряслось с ним. Он должен научиться верить в будущее и в свою счастливую звезду, спокойно путешествовать и все лучше и лучше плясать и петь.

Да, какой же исходил покой от этого бесконечного, теряющегося в дальней ночной тьме моря... Волф задался вопросом, не может ли

это быть объяснением словам, которые дух в морской раковине сказал госпоже Сивилле: Счастье приходит с моря... не может ли это в точности означать, что от моря исходит целебная сила, которая разгонит его печальные мысли и даст ему душевный покой и веру в себя? Вероятно, надо во время поездок держаться близко к морю, рассуждал Волф.

124

Решив, что зашел достаточно далеко и пора возвращаться, Волф заметил, что может срезать путь, если пройдет через парк, граничивший с гаванью. Там тоже было очень тихо. Днем, вероятно, сюда приходит много народу, чтобы посидеть на скамейке в окружении зелени, но теперь тропинки, скамейки и берега прудов были совершенно пустынные.

Волф почти прошел парк насквозь и был уже недалеко от ворот, через которые можно было выйти, как вдруг заметил, что находится там не в совершенном одиночестве: на скамейке, прямо перед ним, кто-то сидел. Кажется, мужчина. По дорожке из мягкого суглинка Волф шагал почти бесшумно, так что человек на скамейке не слышал его приближения. Волф из любопытства замедлил шаг, чтобы, проходя мимо, получше рассмотреть, кто в такую прохладную ночь решил посидеть в парке на скамье в совершенном одиночестве.

Высоко над скамейкой горел большой белый шар уличного фонаря, так что фигура была отчетливо видна. Подойдя ближе, Волф убедился, что это в самом деле был мужчина,

скорее, молодой человек, ибо неподвижно сидящая фигура была стройного телосложения, с довольно длинными ногами.

Сам не зная почему, Волф, подойдя совсем близко, на некоторое время остановился, чтобы незаметно для сидящего на скамейке лучше рассмотреть его. Тогда как тот был отчетливо освещен сиянием молочно-белого стеклянного шара, Волфа полностью скрывала тень высокого кустарника, широко раскинувшего крону над дорожкой.

125

Да, это был молодой человек, еще почти юноша. Он сидел неподвижно, чуть склонив голову набок, но не спал. Блеск его глаз свидетельствовал о том, что они были открыты.

Волф подошел еще ближе, все еще оставаясь незаметным. Да, это был юноша, и до чего же красиво и гибко сложенный... на нем были тяжелые башмаки и обтягивающий костюм, нет, не спецовка, скорее рабочая одежда из черной или синей плотной ткани. Худощавое, утонченное лицо, окруженное гладкими, очень темными волосами средней длины. Кого-то он напоминал? Воспоминание внезапно заставило Волфа насторожиться: да, Братца?.. Нет, это был не он, точно, но такого же гибкого мальчишеского и в то же время мужественного сложения.

Было ли совпадением, что во время этой случайной прогулки он наткнулся именно на этого юношу, бывшего, возможно, единственным человеческим существом во всем пар-

ке? И что делал он здесь, ночью, в полном одиночестве?

126

В голове Волфа теснились самые разные мысли. Может быть, ему... завести с юношей беседу? Но кто он такой? Чего ищет? Откуда появился? Волф вспомнил свою радость и возбуждение, когда «Братец» в тот вечер, роковой вечер, подошел к нему и завел разговор, и все последствия этого. Некий слабый голосок внушал ему, что не нужно бояться. Но что, если это очень дурной юноша, хотя с виду такой милый и невинный... такой же дурной, как Братец, по виду которого Волф тоже совершенно не мог ничего заметить или заподозрить?.. А что, если он совершил что-то очень скверное и потому прятался ночью в парке?.. «Нет, ты милый, очень милый...», – прошептал Волф. Шептать эти слова – пожалуйста, сразу же внушил себе Волф, но от этого они не станут правдой... Нет, обычные юноши не сидят по ночам в парке, в одиночестве... Надо быть осторожнее, сказал себе Волф: ужасная тоска, которую он навлек на себя своей глупостью, была еще очень свежа...

Глубоко вздохнув, Волф прошел мимо. Он миновал юношу, и тот поднял глаза. Когда их взгляды встретились, Волф замешкался. Неужто этот юноша и впрямь может быть скверным? Волф почувствовал, что его одолевает желание остановиться, но прошел мимо и всего лишь вежливо поздоровался. Юноша ответил ему: «Добрый вечер», – и от звука его голоса

по телу Волфа прошла дрожь – не страха, но сожаления и печали. Отчего он не остановился?

Волф шел вперед, ускорив шаг. Нужно поскорее вернуться в трейлер.

Юноша стоял у него перед глазами. Волф не мог освободиться от этой картины и вновь и вновь вызывал в памяти лицо, одежду, глаза... У него ведь было что-то с собой?.. – внезапно спросил себя Волф, ступив на деревянную лесенку трейлера. А ведь верно... у ног что-то стояло?.. Да, что-то продолговатое, округлое... Стояло прямо на земле, сверху какая-то веревка... Мешок... для покупок... для багажа?..

127

Внезапно Волф замер на месте с ключом от трейлера в руке. Этот мешок, это же... и одежда... Вещевой мешок... Костюм, в который одет юноша... морская форма... Это... моряк, матрос... Но что в этом такого особенного?..

«Счастье приходит с моря», внезапно вспомнился ему голос госпожи Сивиллы.

Волф рванулся назад... В каком месте парка это было, у какого выхода... где?.. На этой скамейке нет... И там нет... Где же?.. Где?..

Волф прочесал весь парк, но юноша, сидевший на скамейке, бесследно исчез. Неужто все это ему привиделось?..

Глава 15

128 Измотанный и потный Волф во второй раз вернулся к трейлеру. Приснилось ему, что ли? Да, если жизнь сама была сном, недобрым сном, тогда конечно... Но Волф был абсолютно уверен, что юноша сидел на той скамейке, поглядел на него и ответил на его приветствие. И что у него было с собой что-то продолговатое в ногах, сумка или мешок, скорее всего, вещевой мешок, мешок моряка...

Иначе быть не могло: как только Волф прошел мимо, юноша встал со скамейки, чтобы тоже покинуть парк, но, вероятно, через другой выход, совершенно в ином направлении. Поэтому Волф и не нашел его, хотя искал долго и отчаянно.

Нужно выкинуть из головы все эти нелепые мысли, счел Волф, и спокойно лечь спать. Но он все еще чувствовал себя взволнованным, словно позабыл что-то сделать.

Волф прошел в большую красивую комнату, уселся у окна и задумчиво глядел на гавань.

Ему было невесело. Да, он снова сам себе хозяин и все вновь принадлежало ему одному, и весь трейлер был целиком и полностью в его

распоряжении, но как мало значило это владение, если его не с кем разделить, например, с тем, кто сделался бы его братишкой, навсегда... Но могло ли такое случиться на самом деле, с тоской спросил себя Волф. Наверное, никогда никакой юноша не сможет сделаться братишкой другому.

И теперь Волф начал сомневаться во всем. В родной деревне он не мог петь и плясать, как ему хотелось, и там так и не нашлось мальчика, который пожелал бы плясать с ним. Поэтому-то он и стал колесить по белу свету, но какая теперь разница, если и на белом свете он все равно не может исполнить свое сокровеннейшее и единственное желание? Какой смысл путешествовать и разъезжать в совершенном одиночестве?

Да, еще не раз, распевая и приплясывая, увидит он среди зрителей очень милого юношу, который будет с обожанием смотреть на него и даже улыбаться ему, но Волф знал, что никогда не собратся ему с духом, чтобы подойти к такому юноше и завести с ним беседу, не говоря уж о том, чтобы спросить, не хочет ли тот отныне плясать и странствовать вместе с ним и сделаться его братишкой. И подойдет ли когда-нибудь такой юноша к Волфу сам, чтобы завести с ним беседу? И если когда-нибудь такое случится, как Волф узнает, испытывает ли юноша такие же желания, как и он, Волф, и не притворяется ли он кем-то иным, будучи в действительности совсем не таким и скры-

вая свои истинные намерения, как это было в случае с... с Братцем?..

И не было ли, вообще говоря, неблагодарностью с его, Волфа, стороны, внезапно подумалось ему, вот так взять и навсегда уехать из родной деревни и никогда больше не давать знать о себе, и даже письма не написать? Не лучше ли было бы ему... повернуть назад, к дому?

130

Волфу показалось очень трудным найти ответ на все эти вопросы, в таком одиночестве, и никого не было рядом, чтобы спросить совета. Снаружи, из ночной тиши, не донеслось ответов, лишь вдали еле слышно шумел морской прибой под ночным бризом, поднявшимся со стороны моря.

Волф взглянул наверх, на полную Луну, или почти полную; казалось, она плывет вперед среди обрывков тонких облаков. Да, она смеялась, Луна, так ему внушали в детстве, но чему было тут смеяться? «Ты знаешь, Луна», – пробормотал Волф, но тут же спохватился, насколько глупо и по-детски это прозвучало. Ведь он был уже не ребенок.

Волф снова машинально уставился вдаль, где все было пусто и сиротливо под холодным, равнодушным светом прожекторов высоко над пристанями и не было ни единого признака жизни или движения. Да, но все-таки: вдали, между двумя фонарями, что-то двигалось. Вероятно, кто-то шел. Который уже час? Наверняка это рабочий, который должен заступить на смену очень поздно, или же очень ра-

но, называйте как хотите. Нет, однако: фигура двигалась не к гавани, но исчезла в другом направлении, и похоже было, что она направлялась прямо к парковке и трейлеру. Странно... Что могло понадобиться человеку в глухую полночь здесь, на парковке, где, кроме Волфа, никого не было?

Волф не мог объяснить почему, но приближение этой фигуры среди ночи, когда он был один в трейлере, вызвало у него неприятное ощущение. А если у этого типа дурное на уме?

131

В трейлере у Волфа горела керосиновая лампа и две свечи. Может быть, погасить свет? Но тогда будет выглядеть так, словно внутри никого нет, так что человек, задумавший дурное, подойдет еще ближе и вломится в трейлер или в автомобиль.

Когда фигура приблизилась, Волф уверился в том, что это мужчина. Он шел неторопливо, вероятно потому, что был утомлен, а может быть потому, что просто бродил без цели. Но кто это был такой?

Волф не отрывал взгляда от приближающейся фигуры. В свете луны и уличного освещения она обрисовывалась очень отчетливо. По походке мужчины – ибо Волф теперь был совершенно уверен, что это мужчина – он заключил, что это молодой человек, поскольку движения, хотя не быстрые и не торопливые, были гибкими.

Волф не мог объяснить, отчего неприятное чувство – некая надвигающаяся угроза –

не ослабевало, а, скорее, усиливалось, и отчего его сердце так сильно забилося.

Он на мгновение зажмурился, а потом взгляделся более пристально. Отчего мужчина постоянно держит руку на плече? Ранен или плечо болит?.. Нет, он нес что-то за спиной, что-то довольно тяжелое, и придерживал рукой на плече веревку или завязку.

132

Когда юноша подошел ближе, у Волфа перехватило дыхание. Этот молодой человек, который приближался к нему – где Волф мог видеть его прежде?.. «Да, – прошептал Волф, – это он...» Приближающийся человек был не кто иной, как юноша, который недавно сидел в парке на скамейке!

Смятение Волфа за несколько секунд стало полным. Что же делать? Ему подумалось, что, возможно, самым лучшим было бы... спрятаться, сдвинуть портьеры в трейлере, задуть лампу и свечи... А потом... запереть дверь и ждать, пока на улице больше никого не будет видно... Но мысль эту он отбросил из-за желания выйти наружу, дожидаться юноши и придумать, что сказать, чтобы тот остановился и вступил с ним в беседу. Но тогда... не спросить ли его сразу же, прямо, не хочет ли он зайти в трейлер?..

Волф пока не мог решиться ни на одно, ни на другое. Он в возбуждении метался по трейлеру. Потом, словно в трансе, подошел к задней двери, распахнул ее, ступил на бал-

кон и в нерешительности застыл на его краю, над деревянной лесенкой.

Вечер начался прохладой, но легкий бриз, поднявшийся с моря, был не холодным, а скорее теплым, словно в чудесный летний вечер или мягкий осенний день. И все же, несмотря на внезапно смягчившуюся ночь, Волфа сотрясала дрожь. Что делать?.. Он поглядел по сторонам. Где же тот юноша, которого он видел из окна?.. А, вот он, уже рядом, в нескольких десятках метров от трейлера, и идет прямо к балкону, на котором стоит Волф. На что теперь надеяться, что произойдет?.. Надеяться ли на то, что юноша пройдет мимо и исчезнет, на этот раз... навсегда?.. Или Волфу нужно что-то сделать, чтобы тот остановился, сказать что-нибудь, завести разговор, после чего юноша, может быть, присядет на лесенке, например... А может быть, лучше сразу пригласить его войти?.. Нет, не надо, подумал Волф... Он ведь совсем не знает его... Если это такой тип, который... который сразу завладеет всем, всем, чему теперь был хозяином Волф... который причинит ему горе, в точности как... Братец?..

Юноша уже подошел к лесенке и поглядел на Волфа. Тот раскрыл рот, но в течение нескольких секунд его голосовые связки были словно опалены, и он ощутил, что челюсти у него трясутся.

– Здравствуйте, – внезапно пролепетал он. – Добрый вечер.

Он подыскивал еще слова, но какими им быть? «Ты должен остаться, – шептал он. – Ты не должен уходить. Остайся... остайся...» – свистело у него в мозгу. Ему хотелось громко выкрикнуть эти слова, а не просто думать и шептать их, но, если он это сделает, не заторопится ли юноша пройти, не уйдет ли отсюда?..

134

Юноша застыл, не отрывая глаз от Волфа, и под его взглядом Волф совершенно перестал понимать, что было бы разумно сделать, а что нет, но он хотел и жаждал лишь одного: чтобы юноша не уходил, никогда больше не уходил... Чтобы он остался... навсегда...

Из горла Волфа вырвались слова, которые он все-таки придумал и понял, когда хриплым, запинаящимся голосом произнес их, собрав воедино все свои невеликие силы:

– Мне кажется... я тебя сегодня вечером уже видел, – донесся до него его собственный голос.

Юноша заколебался. Потом кивнул, выжидая. У него усталый вид, подумал Волф.

– Не хочешь ли... чего-нибудь выпить? – услышал Волф самого себя. Его голос словно исходил не от него самого, а откуда-то извне. – Ты... присядь... – Волф заметил, что переминаясь с ноги на ногу, и спустился на пару ступенек. Его шатало, или это только показалось?

Юноша опять заколебался, но затем расслабился. Он повел рукой, лежавшей на плече, и опустил на землю груз, который нес на спине. Это был продолговатый округлый мешок

из плотной крепкой холстины. Да, определенно, вещевого мешок, подумал Волф, как у ребят на корабле... на флоте... для одежды... Значит, этот парень с моря... с корабля... Значит... он моряк?..

– Если ты... Садись, если хочешь, – умудрился произнести Волф как можно спокойнее, указывая на ступеньку, на которой стоял сам. – В трейлере у меня малость не прибрано. Я принесу что-нибудь выпить. стакан вина?.. Ты любишь вино? Или что-нибудь другое? – Он слишком поздно сообразил, что ничего «другого» у него не было...

135

– Да, с удовольствием, – со вздохом ответил юноша и сел на ступеньку, поставив мешок рядом с собой.

Волф поспешил внутрь и лихорадочно отыскал два чистых стакана. Не слишком большие... и не слишком маленькие... Початая бутылка в буфете: сойдет, или открыть новую?.. Да, конечно, надо бы открыть новую, но это займет несколько минут, а есть ли они у него? Если за это время юноша передумает и сочтет, что лучше все-таки встать и отправиться дальше... К счастью, штопор нашелся сразу. Чпок, бутылка открыта... Теперь чуть-чуть подождать, пока не перестанут дрожать руки.

Когда сильный аромат вина проник в ноздри, Волф почувствовал, как его охватывает некая подавленность. Вино... правильный ли это выбор?.. В тот вечер, когда он тоже выпил вина, причем куда больше, чем следова-

ло, в тот первый вечер, когда встретил Братца... Но этот юноша ведь совсем другого поля ягода... или нет?.. Или это вновь, во второй раз, юноша, который будет рассказывать всякие небылицы... который заморочит ему голову ложными посулами... который принесет ему печаль и несчастье?..

136

Все это время, пока Волф стоял перед распахнутым буфетом, початая и полная бутылки вина и хрустальный флакон с таинственным волшебным снадобьем госпожи Сивиллы были в пределах досягаемости его взгляда. Но только теперь он внезапно, словно впервые, заметил флакон. Напиток правды... Кто выпьет его, будет весь день говорить только правду...

Дрожа, Волф извлек флакон, вытащил пробку и плеснул немного в один из стаканов, дополнив второй стакан вином до равной высоты. Теперь на улицу, к юноше...

Дверь на балкон тем временем постепенно закрылась. Волф подошел к двери, чтобы открыть ее и беспрепятственно пройти с обоими стаканами. Вернувшись к буфету, он вдруг сообразил, что забыл, в какой из стаканов добавил снадобье госпожи Сивиллы. В левый или в правый? Левый, решил он, но точно ли в левый? И какой стакан юноша возьмет у него из рук? Волф отпил по глотку из каждого. Никакой разницы во вкусе. Тогда он снова взял флакон и долил из него оба стакана. Теперь не осталось никаких сомнений...

Некоторое время Волф нерешительно глядел перед собой. Имеет ли он право делать то, что только что пришло ему в голову? Честно ли делать такие вещи тайком?..

Через окно трейлера он видел Луну. «Сделай так, чтобы он не уходил, Луна», – прошептал он. В следующее мгновение он, держа в каждой руке по стакану, стоял на балконе. Чудесным образом ему удалось ничего не расплескать ни по дороге, ни передавая стакан юноше. Того, похоже, одолевала жажда, ибо он сразу же сделал большой глоток. Волф тоже выпил, после чего уселся на одну ступеньку с юношей.

137

Но что теперь? Когда юноша допьет вино, не встанет ли он, чтобы продолжить свой путь?..

– Меня зовут Волф, – услышал он собственный хриплый голос. Ему хотелось взглянуть в лицо юноши, чтобы тот почувствовал себя свободнее. Должен ли Волф теперь спросить, откуда он родом и почему разгуливает по ночам?.. нет: это может его смутить, отпугнуть...

– Красивое имя, – отозвался тот теплым, приятным голосом. Быть не может иначе, подумал Волф: это очень честный мальчик, не замышляющий ничего дурного. Но что теперь сказать, чтобы он... не ушел?..

– А меня – Юппи, – неожиданно продолжил юноша с улыбкой. – Ну, вообще-то я Юп. Но все меня зовут Лисом. – Он вновь отпил вина.

«Да... это лис... лисенок...», – пел про себя Волф. Да он и был похож на лиса, этот Юп, на очень худощавого, милого лиса... А его одеж-

да... разве не была она, по сути дела... мехом, пушистой шкуркой?.. Или все это чепуха?..

– Волк и Лис, – вслух сказал Волф, но словно в трансе.

– Они дерутся, Волк и Лис? – спросил юноша с хитрецей.

– Нет, не думаю, – услышал Волф свой голос. – «Волк лежит в корзинке, обнимая лиса», – прошептал он про себя.

138 Стакан Юпа был пуст, и Волк спросил себя, налить ли ему добавки в трейлере или просто принести бутылку сюда. Если он пойдет со стаканом внутрь, то Юп просто из вежливости будет должен дожидаться его возвращения. Странный это был логический ход, но Волф опасался, что если он удалится в трейлер за бутылкой, без стакана, то Юп (Лис, Лис, мой Лисенок, как уже называл его про себя Волф) тем временем встанет и уйдет. А если он... если он предложит Лисенку... войти внутрь?

– Знаешь что? – сказал Волф, стараясь звучать как можно увереннее, хотя голос у него все равно дрожал. – Пойдем внутри посидим. – Он встал. – Ты идешь? Да, захвати стакан, а я возьму твой мешок.

Лис встал и последовал за Волфом, и они вошли в большую комнату.

– На улице уж очень холодно, – сказал Волф самым обычным тоном, когда они уселись на стулья. – Ты, может, голоден?.. Я имею в виду, ты поесть не хочешь, Юп?.. Или Лис? Можно мне называть тебя Лисом? Это нормально?..

– Да, конечно, зови Лисом, – откликнулся Юп. – Нет, есть не хочу.

– Еще стаканчик? – спросил Волф.

– Супер, – сказал Лис. – Но я чертовски устал. Ты не знаешь, есть тут поблизости постоянный двор или недорогая гостиница? Мне бы покемарить.

– Я в этом городе ничего не знаю. Сам здесь впервые, – отвечал Волф. Он осознал, что наступает решительный момент, от которого зависит все. Если он сейчас спросит Юпа, Лиса, хочет ли тот остаться с ним? Да, но не этими словами... Нет, как можно более осмотрительно... – Тебе придется ходить и искать, Лис, – как можно более беспечно произнес Волф, словно речь шла о чем-то совершенно незначительном. – Здесь... – Он помедлил, не находя в себе смелости поглядеть в лицо Лиса. – У меня достаточно спальных мест. Ты можешь... ты вполне можешь поспать здесь, очень даже отлично... Я имею в виду, если хочешь... – Он до краев наполнил стакан Лиса.

– А это тебя не напряжет? – спросил Лис. Он взглянул на Волфа, и тот под его взглядом ощутил страх, что сейчас вдруг скажет все, что всегда думал, на что всегда надеялся...

– Нет, что ты, вовсе нет, – ответил он. В нем вздымался целый поток слов, вещей, которые он все же когда-нибудь... должен произнести?.. Он с трудом преградил путь этому потоку. Но должен же он хоть пару слов сказать?

– Тебе когда вставать? – вырвалось у него, и он тут же пожалел о своих словах. С какой стати он завел про это «вставать», еще до того, как Лис улегся спать? Не истолкует ли это Лис так, что он, Волф, завтра хочет немедленно от него отделаться?..

– Утром мое судно отходит, – сообщил Лис ровным, однако явно хмурым тоном.

140 – Твой... твой корабль... – запинаясь, проговорил Волф.

– Плохое судно, – задумчиво продолжал Лис. – Ничего стоящего на борту.

– Но тебе... нужно туда?.. – спросил Волф. – К которому часу?

– К восьми.

– К восьми, – эхом отозвался Волф.

– Обычно отходим позже, – сказал Лис. – Но я должен быть на борту вовремя.

– Тебе нравится... ходить на корабле? – осторожно поинтересовался Волф.

– Если бы это от меня зависело... – медленно проговорил Лис. – Если бы от меня зависело...

– Что бы ты тогда предпочел делать, если бы не ходил в море? – к своему удивлению осмелился спросить Волф.

– Я бы с куда большим удовольствием бродил по берегу, чем по морю, – констатировал Лис.

– Как... как я? – Волф собрал все свое мужество и осмелился смотреть на Лиса все время, пока говорил. – Я скитаюсь. Я езжу повсюду. С этим трейлером.

– Да... – сказал Лис и замолчал.

– А если бы ты не ходил в море, чем бы занимался? Чем-нибудь таким, – попытался уточнить Волф, – что тебе больше всего по душе?

– Хм, ну да... – медленно проговорил Лис, снова отхлебнув вина. – Ты не можешь делать все, к чему душа лежит. Надо ведь и деньги зарабатывать.

– Ты любишь... плясать и петь? – спросил Волф, прежде чем осознал, что говорит. 141

– А то, – отвечал Лис, растянув в широкой мальчишеской улыбке свой крупный, честный рот. Да, он честный парень, с уверенностью подумал Волф, самый честный из всех парней, которых я когда-либо встречал, из всех существующих на свете юношей...

– Петь и плясать, – продолжал Лис. – Вот чего мне всегда до смерти хотелось. Но возможности никогда не было. Песнями и плясками на жизнь не заработаешь.

«Я зарабатываю, Лисенок», – хотел было возразить Волф, но сдержался.

– Иногда получается, – тихо сказал он.

– О да, разумеется, – немедленно сдался Лис. – Но это же звезды. И к тому же в одиночку ничего не выйдет. Нужно всегда с кем-то еще. С друзьями.

– А если ты найдешь этого другого?.. – осторожно начал Волф. Внезапно он сообразил, что ничего, совсем ничего не знает о Лисе... Кроме того, что он моряк, которому не хочется ходить в море...

– Конечно, нужно найти кого-нибудь, – тем не менее дерзнул он вставить словечко. Но теперь ему в голову пришла другая мысль: откуда ему знать, умеет ли в самом деле Лис петь и плясать?..

– Нужно набрести на кого-то, кто будет вместе с тобой... кто тоже этого захочет, – размышлял Лис. – Кто-то, кто... кто...

142

– Кто-то, кто... захочет стать твоим братом... Который станет тебе вроде братишки, – услышал Волф собственный голос. Может быть, еще не все потеряно? Поймет Лис, что Волф имеет в виду?..

У Лиса отпала челюсть.

– Ты что, Волф, мысли умеешь читать? – спросил он. – Брат, да... кто-то, кто станет тебе братишкой. Я так и хотел сказать.

Повисло неловкое молчание.

– У тебя есть братья? – спросил Волф.

Лис медленно покачал головой.

– Нет. А у тебя?

– Нет, у меня тоже нет, – ответил Волф. – А сестры? Сестра есть?

– Нет, никого, – отвечал Лис. – Один на белом свете, как говорится. – Возможно, потому что он так торжественно прозвучал, Лис улыбнулся. До чего же мило он смеется, подумал Волф. Если этот рот Лиса еще споет что-нибудь...

– Лис... Можешь спеть что-нибудь? – вымолвил Волф.

– Я дико устал, – отвечал Лис. – Но спеть, это всегда пожалуйста. – Он встал и принял особен-

ную, этакую крадущуюся позу, словно зверь, но в позе этой не было ничего угрожающего – скорее, нечто трогательное. Он вытянул губы в трубочку, словно изображая остроконечную мордочку животного, и вдруг стал семенить ногами, пританцовывая на месте. Затем вытянул вперед руки, приподнял их и слегка согнул, точно лапки. И, вертя головой, словно выискивая или выслеживая, он запел:

143

*Я был лисенок в глухом лесу.
И очень любил свою маму-лису.
Ах, моя матушка меня баловала,
На обед мне сено и травку давала.
Я подрос и стал ей очень сильно помогать.*

Волф тяжело задышал. Он хотел подойти к Лису, обнять его, схватить в объятия и потом... сказать ему, умолять его... никогда больше не покидать его, Волфа...

Лис снова повалился в кресло.

– Волф, я так устал, – сказал он. – Если ты в самом деле не возражаешь, чтобы я остался здесь подрыхнуть, можно мне тогда в койку? Все равно, куда ты меня положишь. Я могу спать где угодно.

– А помыться тебе не надо? В душе? – спросил Волф.

– Я, Волф, с ног валюсь, – отвечал Лис. – Завтра помоюсь. Не думаю, что уже воняю.

– Вот хорошая кровать, – сказал Волф, направляясь в угол комнаты и указывая на верх-

нюю из двух кроватей. Но на ней спала Сестрица... и на ней, на этой кровати в ту ночь он видел в окно задней двери Братца, и видел, как он... не принесет ли это несчастья Лису, ему самому, им обоим, всему, если он позволит Лису спать на этой кровати?..

144 – Можешь... в моей постели спать, – вдруг сказал Волф, указывая на свою раскладушку, которую он перетащил в гостиную после отъезда Братца и Сестрицы.

– Кровать есть кровать, – отвечал Лис. – У меня одно желание – вырубиться.

– Простыни еще совершенно чистые, – защищался Волф. – Я их только вчера сменил.

– Ты мне не противен, – лукаво ответствовал Лис. Усевшись на постель Волфа, он принялся стаскивать тяжелые башмаки. Да, Волф видел, что Лис очень устал. И ему страшно хотелось помочь Лису развязать шнурки и снять с него обувь. Но он знал, что тогда ему придется встать перед Лисом на колени и все сказать, все...

– Разбудить тебя утром? – спросил он как можно спокойнее, но заметил, что голос его при этом порядочно дрожит. Ах, до чего же глупо с его стороны, немедленно осознал он, спрашивать это у Лиса. Нужно ли ему в самом деле будить его? Да, если он того пожелает, но он же не просил Волфа об этом? Волф почувствовал, что сердце его сжалось при мысли, что Лис спозаранку поднимется с его постели и станет одеваться, и возьмет свой мешок, и уйдет...

– Да, давай, – ответил Лис, снимая черную парусиновую матросскую куртку и укладывая ее на стул. – Завтра будет новый день.

Что подразумевал Лис? Означают ли его слова, что он не принял окончательного решения, и следовательно, еще не совсем очевидно, что завтра утром он отправится на борт и отплывет? О, если бы это было правдой... Если бы то ужасное, то необратимое было еще не очевидно... Да, если... Но даже и тогда что стал бы он делать, чтобы убедить Лиса не подниматься на борт и не отплывать... остаться...

145

Если... если он... не разбудит Лиса?..

Лис снял черные матросские штаны из грубого хлопка и остался в коричневых носках, подштанниках цвета хаки и матроске в сине-белую полоску. Он стоял у раскладушки.

– Я все для тебя выстираю, – с закрытыми глазами прошептал Волф. – Я сам всегда все стираю, – счел он нужным добавить. – Могу все грязное постирать.

Лис не отвечал. Он снял носки, осушил свой еще наполовину полный стакан и, как был, в матроске и подштанниках забрался под одеяло.

Что же теперь делать Волфу? Он сообразил, что должен поставить будильник на определенное время. На какое? Волф мысленно пошевелил пальцами, словно держал в руке будильник и переводил стрелку звонка на нужный час. Так на сколько же? А если он этот звонок...

поставит не на точное время, а... на попозже... на сильно позже... Или... если он по ошибке поставит время вовсе не на нужный час, и Лис («Лисенок», как всякий раз шепотом называл его Волф) не проснется, проспит...

146 Но бывают люди, опомнился Волф, которые, с будильником или без него, просыпаются сами по себе в то время, в которое приказали себе проснуться... «Лис должен проспать», – прошептал он.

Внезапно его осенило. Да... Об этом-то он и не подумал... Вот оно, вот что он должен сделать... Или это... дурно?... Нет, нет...

Волф взглянул на Лисенка. Тот неподвижно лежал на спине, чуть свесив голову набок, одна рука все еще поверх одеяла. Его глаза были уже закрыты, и похоже было, что он вот-вот уснет. Но надолго ли?..

Волф забрал пустой стакан Лисенка и на цыпочках подошел к буфету. Бросил быстрый взгляд через плечо: Лисенок, кажется, уже более не замечал ничего, что происходило вокруг. Волф взял винную бутылку, но прихватил и коробок с порошками, обнаруженный им при наведении порядка в буфете – снотворные порошки, которые оставила Сестрица и которыми она в тот вечер пыталась опохмелить его...

С бутылкой в одной руке и пустым стаканом Лисенка и коробком порошков в другой Волф прокрался в кухню. Поставив бутылку на подоконник, он вынул из коробки два порошка, развернул их и при ночном свете с улицы вы-

тряхнул содержимое в стакан. Теперь залить вином и размешать... «Смотри, Луна, – тихо сказал он. – Ты одобришь».

Волфа трясло, когда он возвращался со стаканом в большую красивую комнату. При свете свечей и керосинки он вгляделся в лицо Лисенка. Заснул ли тот уже или только начал погружаться в сон? Захочет ли он еще отпить из стакана?

147

Не выпуская стакана из руки, Волф присел на край раскладушки. Лисенок шевельнулся и вздохнул.

– Лис, тут еще глоточек вина. Лучше спать будешь, – сказал Волф.

Лисенок коротко всхрипнул, но ни его голова, ни сомкнутые веки не шелохнулись. Если Волф сейчас его совсем разбудит, выпьет ли он стакан, предложенный ему?.. Или с первым же глотком распознает вкус порошка и что-нибудь заподозрит? И тогда... не будет ли все потеряно... все?..

Волф не знал, как поступить. Лисенок не должен уходить. Но если Волф ничего не делает и не скажет, то несомненно, что утром на заре Лисенок встанет сам и уйдет, и отчалит... на своем корабле. А Волф даже не знает, как называется этот корабль и куда он направляется...

Волф поставил полный стакан на деревянное сиденье стула, стоявшего возле раскладушки, склонился над Лисенком и вытянул руки. Ему хотелось чуть приподнять голову и плечи

Лисенка, чтобы тот прямо сел в постели и Волф смог бы дотянуться до него со стаканом с двойной порцией снотворного. Возьмет ли Лисенок стакан, выпьет ли из него?.. Таилось ли в затее Волфа нечто дурное: коварство или гадкий обман? Он колебался. Ведь он не намеревался причинить Лисенку зла?..

148

Волф наклонился к лицу уже вполне заснувшего Лисенка, ощутил на своей щеке его теплое дыхание и вдохнул головокружительный аромат его влажных из-за ночного воздуха, темных юношеских волос.

– Ты... не должен уходить... – пробормотал он.

Лисенок едва слышно застонал. Прежде чем Волф успел отвернуться, на глазах его показались две слезинки и вдруг упали на лицо Лисенка.

Тот вновь тихо застонал, по щекам его прокатились желваки.

– Что, опять дождь?.. – пробормотал он, полупроснувшись.

Волф сам не знал, что делает, но все же понимал, что должен это сделать: словно нечто неудержимо могущественное подхлестывало его безволие. Он подsunул руку под шею и затылок Лисенка.

– Послушай, Лисенок, – тихо начал он. – Ты слушаешь?.. Я... пляшу... и я пою, точно как ты... У меня есть трейлер и автомобиль... Потому что я скитаюсь и пою... – Он попытался говорить громче, и ему это удалось, но голос его

сделался выше и нерешительнее. – Лисенок, не уходи. Лисенок!.. Лисенок!.. – еще громче заговорил он.

Лисенок проснулся и с трудом начал подниматься.

– Лисенок, ты хочешь... остаться со мной?.. – вымолвил Волф. После этого все пошло, как ему показалось, совершенно за пределами его собственных желаний и мыслей. Он обнял Лисенка и притянул к себе. – Ты же не уйдешь утром?.. – при этих словах Волф заметил, что по лицу его стекают слезы и капают на щеки Лисенка. – Братишка... Я хочу стать твоим братишкой, навсегда... Твоим... Ты не уйдешь?..

149

– Братишка... – пробормотал Лисенок. Он теперь совершенно проснулся. Внезапно он, в свою очередь, заключил Волфа в объятия.

– Братишка Лис... братишка Лис... – лепетал Волф.

Лис раскрыл глаза.

– Брат Волк, – громко сказал он еще сонным, но четким голосом. И теперь с неожиданной силой он притянул Волфа к себе и прижался лицом к его лицу. – Брат Волк... я останусь с тобой, – сказал он уверенно и спокойно. – Лис останется с тобой.

Глава 16

150 Объятие и прикосновение тела Лиса привели Волфа в такое опьянение, что оно грозило затмить все его остальные мысли и чувства. Внезапно Волф смог перебороть это состояние, захлестнувшее его чище хмеля. Да, то, что сейчас происходило, было счастьем, но счастье это было неполным, не очевидным, и ему угрожали всяческие опасности...

Что там сказал Лис? Что не уйдет, а останется. Но надолго ли? И сделаются ли они настоящими братишками, и станут ли делать друг с другом то, что делают настоящие братишки, как это представлял себе Волф?

Больше всего Волфу хотелось совсем раздеться и забраться к Лису под одеяло, чтобы, щекоча друг друга и резвясь, стянуть с него тельняшку и подштанники цвета хаки, и чтобы они, как истинные резвые зверушки-братишки, лежали, прижавшись друг к другу, ибо Лис и Волк не носят одежды. Но понравится ли это Лису?

Волф осторожно высвободился из объятий. Лис был очень утомлен и ему нужно было поспать, и Волф не должен был требовать от не-

го слишком много внимания, но предоставить ему ночной отдых, как бы страстно ни хотелось ему всю ночь держать Лиса в объятиях и тихонько покачивать его.

Волф взял себя в руки, встал и, не отходя от раскладушки, взглянул на улыбающееся лицо Лиса, который вновь погрузился в прерванный было сон.

Волф почувствовал, что у него подгибаются колени; ему страшно хотелось преклонить их на полу и покрыть поцелуями спящее лицо Лиса. На это он не решился, только лишь подоткнул одеяло вокруг его шеи и плеч.

В голове Волфа метались мысли, и он пытался упорядочить их. Ждало ли его счастье, лежало ли оно, как говорится, у его ног, или было так же далеко, как и прежде?.. Кто же мог это знать? Нет, Лис никогда не станет обходиться с ним так, как Братец... Лис был милый и честный... Если Волф и в этом сомневается, он может сомневаться во всем. Возможно, Лис и не принесет в жизнь Волфа то огромное счастье, о котором тот всегда мечтал, но если Волф станет с ним об этом говорить, Лис, возможно, все-таки поймет его великое желание и не станет издеваться над ним и унижать его, как это делал Братец...

Волф приготовил себе постель и передвинул кровать так, чтобы постоянно видеть Лиса, если тот проснется или ему что-то понадобится. Он оставил гореть одну свечу и попытался

уснуть. Сперва сон не шел, но затем усталость начала брать верх.

152 Теперь они оба спали, Волк и Лис, но сон Волфа был беспокойен, ему казалось во сне, что он слышит вокруг какие-то голоса. Они были высокие, и он не понимал слов. Они не походили на голоса взрослых, а принадлежали скорее детям. Волф во сне приподнял голову и огляделся. Он думал, что проснулся, хотя в действительности еще спал и не знал, что все то, что он видит и слышит, происходит во сне.

По комнате расхаживали гномы – или по крайней мере полдюжины созданий, которые были меньше взрослых, и все они столпились у кровати Лиса. Чего хотели эти существа? Как они попали сюда? Может, затевали недоброе? Не должен ли он встать, чтобы защитить Лиса? Волф попытался выбраться из постели, но нечто или некто невидимый прижимал его к кровати. В комнате было больше света, нежели могла дать одна свеча, но откуда же был этот свет? Не снаружи, ибо портьеры были задернуты.

Маленькие фигурки, толпившиеся вокруг кровати Лиса, попытались – по крайней мере, если Волф хорошо видел происходящее – поднять ее. Гномы?.. Нет, это были не сказочные существа. Это были дети, мальчишки, которые пританцовывали, пытаясь приподнять кровать Лиса. Внезапно их голоса сделались понятны, поскольку они одновременно произносили одно и то же.

– Лис наш, – слышалось совершенно четко. – Не забывай, что Лис наш.

Обычные мальчики, в обычной одежде; но это еще не означало, что они не затевают дурного. Неимоверным усилием преодолев сдерживающую его мощь, Волф смог усесться прямо и спустить ноги с кровати.

Он уже не спал. От фигурок не осталось ни следа. Было слышно лишь мерное дыхание Лиса. Единственная живая свеча сделалась короче, но спокойно продолжала гореть.

153

Какой чудной сон, подумал Волф. А может, внутри все же кто-то был? На цыпочках Волф подобрался к входной двери, потом к задней, но обе были заперты.

Ничего этот сон не означает, решил Волф, кроме его опасений, что Лис передумает и уйдет. Да, это была просто тревога, наковавшая ему во сне такую странную картину.

Нет, он не должен подходить к Лису... Лис не должен проснуться. Который час?.. Еще немного, и рассветет. Лис не должен проснуться, он должен проспаться зарю...

Волф вернулся в постель и завернулся в одеяло. «Никто не отнимет тебя, Лис, – прошептал он, закрыв глаза. – Я все для тебя сделаю, все... Я... буду стоять перед тобой на коленях, зверек Лис... Лисозверь...», – и с этими словами на устах Волф снова заснул.

Глава 17

154 Когда Волф проснулся во второй раз, на улице уже полностью рассвело, и сквозь щелку между шторами в трейлер падал яркий пучок дневного света.

Волф озадаченно огляделся. Неужто это все еще сон? А кто там спит на раскладушке? Нет, теперь он вспомнил, и это был не сон: матрос Лис принял его предложение и остался у него ночевать, и сказал, что никогда не уйдет...

А сколько сейчас времени? Волф взглянул на часы. Было уже больше девяти, так что судно Лиса ушло. Но даже если оно и немного запоздало – Лис говорил, что такое порой случается – даже тогда Лис, как бы он ни спешил, не сможет прибежать к доку до отплытия. И все же на всякий случай: его пока не следует будить...

Волф натянул белье и на цыпочках подошел к Лису, который все еще крепко спал. На глаза ему попался стакан, стоявший на стуле возле раскладушки: стакан, который Волф наполнил вином, но в который также потихоньку всыпал два снотворных порошка из коробки. Стакан был более не полон, а наполовину пуст.

Видимо, ночью Лис просыпался и при свете свечи отпивал из него. Не удивительно, что он еще спит без задних ног. Это было коварство, относительно которого Волф спрашивал себя: разве это честно и порядочно, делать такие вещи, но ведь это было мерой предосторожности, позволить Лису выпить из стакана?.. Солгал ли Волф Лису, сказав, что от этого вина тот будет отлично спать?.. Нет, но это была не полная правда. Сперва он должен будет сознаться Лису в обмане. Сейчас?.. Нет, не теперь... Позже... И еще ни в коем случае нельзя теперь или по пробуждении Лиса вдруг накидываться на него с признаниями в своих помыслах, надеждах и сокровеннейших сердечных чаяниях.

Но сначала нужно пойти и поставить кофе, подумал Волф, ибо Лис, проснувшись, наверняка его захочет.

Волф унес наполовину полный стакан на кухню, вылил его и тщательно вымыл. Возясь на кухне, он старался производить как можно меньше шума, но, когда кофе был почти готов, из большой комнаты послышались охи и вздохи. Лис проснулся?

Все еще на цыпочках Волф пошел взглянуть. Лис метался на постели и бормотал нечто неразборчивое. Он заморгал, затем широко раскрыл глаза и изумленно огляделся. Волфа сотрясла дрожь, когда их взгляды встретились. Что, если Лис сейчас пожалеет и в последний момент передумает и опрометью кинется оде-

ваться, дабы рысцой попытаться нагнать судно? Интересно, отчалило ли оно? И если да, кто или что могло помешать Лису найти другое судно и завербоваться на него?

– Все на палубе? – пробормотал Лис. – Где мы?

– Ты у меня, – хотел сказать Волф, но вовремя сдержался, ибо это было бы нелепо и как-то по-детски.

– Ты... Волф, – проговорил Лис, и на губах его возникла та же ребяческая улыбка, от которой у Волфа, когда он впервые увидел ее, отнялся язык. «Он еще не должен вставать... еще нет, еще нет...», – все, о чем он в тот момент мог думать.

– Кофе почти готов, господин Лис, – как можно более веселым тоном сказал Волф, но до чего же инфантильно прозвучали эти слова! Он попытался улыбнуться и не думать обо всем, что мог сделать или сказать неправильно, из-за чего Лис все еще может сейчас... уйти...

– Ты полежи еще, получишь кофе в постель. Хочешь? – предложил он, стараясь говорить уверенно. И не дожидаясь ответа, прибавил: – Я к тому времени раскочегарю нагреватель в душе, и там будет приятное тепло. – Надо, чтобы это прозвучало как приказ, думал Волф; добродушный приказ, разумеется, чтобы Лису захотелось ему повиноваться. – Ты остаешься пока лежать, Лис, а я принесу кофе. Договорились?

– С удовольствием, штурман, – ответил Лис. Проснувшись, он устроился в кровати, опершись на локоть, но при словах Волфа откинулся на спину и натянул одеяло до шеи. И теперь, опустив голову на подушку, он глядел на Волфа, и Волф под этим взглядом застыл на месте. Лис глядел не только на лицо Волфа, но, казалось, вбирал в себя весь его облик. Был ли это сердечный взгляд, спросил Волф себя, такой, каким должен братишка смотреть на братишку?.. Ведь да?..

– Я боялся, что ты, может быть... замерзнешь ночью-то, – вдруг услышал Волф собственный голос.

Лис ничего не ответил, но продолжал все так же глядеть на Волфа.

– Если лежишь один в постели, слабо укрытый, запросто можно замерзнуть, – уточнил Волф. Он и сам не знал, зачем сказал это. К чему это было? Но что тогда?..

Некоторое время они молчали, причем Лис по-прежнему в упор разглядывал Волфа, поднял взгляд, посмотрел ему в глаза, а Волф думал: «Отчего я не говорю ему все? А скоро... скоро будет слишком поздно».

– Замерзнуть? Да нет, – внезапно сказал Лис. – Но... а ты разве не замерз? – С этими словами он выпростал руку из-под одеяла и сомкнул ее на голой лодыжке Волфа, стоявшего близко к нему, и задержал ее там. Волф прикрыл глаза.

– Да, я мерзну, – умудрился он произнести. К чему все это, вот этот его ответ?.. Нужно ведь сказать что-то еще... все сказать?..

– Иди ко мне, погреешься немного, – спокойно сказал Лис, по-прежнему держа Волфа за лодыжку, а другой рукой широко откинув одеяло.

158

Это вскружило Волфу голову, и некоторое время он стоял словно в параличе. А в следующее мгновение лежал рядом с Лисом, который накрыл их обоих одеялом.

– Я забыл про кофе, – только и сумел вымолвить Волф.

– Пусть лучше кофе остынет, чем Волф, – пробормотал Лис.

Даже сейчас, когда тело Лиса делилось с его телом своим сонным теплом, Волф испытывал давнишнюю нерешительность, боязнь, которая подпитывалась последним сомнением: было это все взаправду, по-настоящему?.. Было ли это исполнением всего, на что он надеялся, из-за чего отправился колесить по белу свету?.. Неужто Лис сделался его братишкой, а он, Волф, братишкой Лиса, или же Лис этими словами сказал лишь то, что сказал: Волф может погреться в его постели, и ничего другого, ничего большего, чем это?..

Сомнение не покидало Волфа, но на него нахлынуло еще кое-что, бывшее сильнее сомнения, сильнее его самого, сильнее всего на свете. «Он может бить меня, – пронзило Волфа. – Всё...»

– Закусай меня до смерти, Лисенок, – прошептал Волф. Сам не зная, что делает, он тербил белье Лиса, принялся расстегивать его пуговицы.

– Что ты сказал? – поинтересовался Лис.

– Можно... я твои одежды сниму? – спросил Волф. – Лисы не носят одежды.

– И волки тоже не носят? – отвечал Лис, в свою очередь стягивая с Волфа одежду и внезапно, с бурной ловкостью борца, взбираясь на него.

159

Лис, легший на волка... Да, это было по праву, так должно быть... Нет, больше никаких сомнений. Все... все было хорошо... Лисенок может кусать Волка острыми зубками, если захочет, но Лисенок не станет этого делать...

Это был не сон, это было взаправду, все это... Ибо теперь Лисенок всем своим весом лежал на нем, и Волф отчетливо ощущал ту горячую, тугую часть его юношеского тела, делавшую его настоящим юношей, истинным братишкой, который с этого момента всегда, как настоящий братишка, будет хотеть возиться с Волфом...

Глава 18

160 До чего же были они сейчас счастливы, Волк со своим Лисенком и Лисенок со своим Волком! Казалось, что весь мир и вся жизнь – сплошное счастье. Наконец-то Волф обрел братишку, настоящего братишку, которого все свои юношеские годы так страстно надеялся отыскать.

И еще: между ними не осталось и следа былых опасений. Была даже такая особенность: когда один из них собирался что-то сказать, другой уже знал, что вертелось у друга на кончике языка.

Ни один из них не имел секретов от другого, касалось ли это сердца, души или тела. И само собой разумелось, что Волф и Лис, насытившись своей возней на раскладушке, на которой спал Лис, вместе пошли в душ, и Лис позволил Волфу вымыть себя целиком и полностью. И при этом Лис вовсе не возражал против того, что Волф долго, очень долго мыл Лиса, и долго, дольше, чем нужно, с любовью задерживал руку с намыленной губкой на тех местечках его юношеского тела, которые делали Лиса настоящим юношей.

– Ах, до чего же ты был мил, Волф, – с трудом выговаривал Лис сквозь приступ хохота. Порой ему удавалось стащить у Волфа губку, дабы в свою очередь таким же образом мыть его, как только что его мыл Волф.

Для них эта возня имела особое значение и, когда они, наконец, вышли из душа и, свежие и чистые, в своих лучших одеждах, уселись пить кофе в большой комнате трейлера, то болтали без умолку.

161

До чего же много им нужно было поведать друг другу!

Волф рассказал историю своей юности. Как он с трейлером и деньгами, унаследованными от дядюшки Виктора, пустился колесить по белу свету, потому что в родной деревне никогда не смог бы встретить мальчика, который захотел бы вместе с ним петть и плясать и сделаться его братишкой. Еще он рассказал о волшебной шляпе господина Штрафмана и о предостережениях мудрой госпожи Сивиллы. И он с трудом удерживался от того, чтобы вновь не расплакаться, заговорив о том, как позволил Братцу и Сестрице, которые вовсе не были братом и сестрой, охмурить себя и ввести в заблуждение и таким ужасным образом обмануть.

– И все же тебе повезло, Волф, – сказал Лис, спокойно выслушав все, что имел рассказать ему Волф. И теперь, в свою очередь, поведал Волфу различные факты из собственной жизни. Единственный сын бедных родителей, он

рос в деревне и уже в очень юном возрасте решил не сидеть на шее у стариков, а стал сам зарабатывать на жизнь.

Слушая Лиса, Волф задавался вопросом, почему, вообще говоря, тот пустился в плаванье, тогда как в первой их беседе сказал, что куда охотнее оставался бы на берегу. Что это за история?

162

– Тебе всегда хотелось в море? – спросил он.

Лис несколько замешкался с ответом.

– Так... вышло, – наконец, тихо ответил он, уставясь в пол.

– Твоя деревня была вроде моей? – захотел узнать Волф.

– На берегу... уж очень много скверного, – ответил Лис, вновь несколько помедлив. – Мне... лучше было уехать... – И лицо его стало очень печальным.

Что же такое там случилось, спросил себя Волф. Лис умышленно что-то скрывал? Нет, Лис был честен, решил Волф, но, вероятно, имелись вещи, о которых ему не хотелось распространяться. Но и на борту Лису было тоже сильно не по душе... Может быть, на том корабле с Лисом плохо обращались? У Волфа такое в голове не укладывалось: он просто не мог представить себе, что кому-то Лис может не показаться милым, что кто-то не захочет хорошо к нему относиться.

Волф осознал, что не должен проявлять неуместного любопытства, если Лис в самом деле очень дорог ему. Но сдержаться было трудно,

ибо Лис рассказывал очень мало, и то с трудом, отрывками и кусочками, и порой внезапно обрывал сам себя и опускал глаза.

– Тебе на корабле не нравилось? – не смог удержаться Волф. Лис отправился в море, потому что на суше с ним приключилось нечто ужасное, а теперь он хотел остаться на берегу, потому что и на борту с ним случилось нечто скверное. Но Лис не рассказывал, что за ужас произошел с ним на суше, и что за ужас произошел с ним в море, на корабле... Разве не странно? Волф представить себе не мог, что в этом всем была вина Волфа, что с ним безобразно обращались... Этого просто не могло быть...

163

Волф чувствовал, что Лиса терзает некая печаль, о которой он не может рассказать. А Волфу хотелось знать, не из любопытства, но потому, что, возможно, он мог бы помочь Лису и утешить его, убедив в том, что тот не виноват и не должен огорчаться.

На вопрос Волфа Лис только качал головой и молчал. Волф решил спросить еще раз и на этом покончить.

– К тебе там, на корабле, плохо относились? Все до одного? – осторожно поинтересовался он. Возможно, он и так уже далеко зашел. Он обещал себе более не вытягивать из Лиса то, о чем тот не хотел говорить, потому что его это расстраивало.

– Все до одного? – тихонько повторил Лис. – Нет, не все... – Он чуть помолчал. – Да... тот

мальчонка... он хорошо... – завершил он свой ответ еще более тихим голосом, почти про себя.

Волф ждал и некоторое время ничего не говорил. Теперь он отчетливо чувствовал, что некоторые вещи Лис постоянно обходил в разговоре и был слишком честен, чтобы что-то выдумывать; просто говорить о них ему было тяжело.

164

Покуда длилось молчание, Волф сообразил, что он в свою очередь рассказал Лису почти все, но о двух вещах умолчал. Как мог он ожидать от Лиса полной откровенности, когда сам не все честнейшим образом ему поведал?

Он рассказал Лису, как Братец с Сестрицей хотели обездвигить его с помощью снотворных порошков, но умолчал о том, что предыдущим вечером сам подсыпал в стакан Лиса два снотворных порошка. И он рассказал, как госпожа Сивилла во второй раз вызвала для него духа, и как дух в раковине поведал, что «счастье приходит с моря». Но о флаконе с волшебным напитком, который она ему подарила, и о том, что всякий, кто выпьет его, трижды по семь часов подряд будет говорить лишь правду, он не упомянул ни словом: ни о том, что госпожа Сивилла дала ему этот флакон, ни о том, что он тайком от Лиса дал ему выпить этого напитка. Да, теперь он, Волф, должен все честно рассказать Лису, решил Волф. Но если Лис вдруг рассердится из-за того, что Волф сделал тайком от него, втихаря, так сказать?

– Я должен тебе кое в чем признаться, Лис, – дрожащим голосом начал Волф. Он спросил Лиса, можно ли сесть к нему поближе.

– Да, конечно, давай, – отвечивал Лис. – Садись рядышком со мной. Вот тут. – Он указал на раскладушку, и через мгновение они примостились бок о бок. Казалось, что Лис сразу же понял: Волфа что-то тяготит, и он положил ему руку на плечо, словно желая успокоить, и на несколько мгновений крепко прижал его к себе.

Время от времени подыскивая слова, Волф поведал Лису правду о волшебном напитке.

– Я не знал... что ты за парень, – заключил он, и с поникшей головой замолчал. Что подумает о нем Лис? Но, к счастью, тот не углядел в поступке Волфа абсолютно ничего дурного.

– Такой напиток очень даже может пригодиться, – с уверенностью сказал он. – Я вполне мог оказаться бесчестным парнем, который затеял против тебя недоброе, Волф. Вот как этот Братец. Если бы у тебя тогда был волшебный напиток, и ты дал бы Братцу его выпить, всех этих злосчастий с тобой не приключилось бы.

От таких слов Лиса Волф почувствовал огромное облегчение. Он преодолел последние сомнения и теперь решился рассказать и о том, что вчера вечером исподтишка подсыпал в вино Лиса два снотворных порошка из коробки, которую Братец с Сестрицей оставили в буфете.

– Лис, Лис... – закончил он дрожащим голосом. – Я не хотел ничего дурного... Я только хотел, чтобы ты не возвращался на судно...

– Ах, Волчек, – сказал Лис, заключая Волфа в объятия, словно желая защитить его, – ты это очень хорошо сделал. Но я все равно никогда не вернулся бы на борт.

166 Волфа окатила волна счастья. Теперь все было хорошо, совсем хорошо... или нет?.. В тот момент он был слишком потрясен, чтобы что-то сказать.

Воцарилось молчание.

– Нет, – внезапно сказал Лис, встал и прошелся по комнате. – Больше никогда не вернусь на борт. – Он опустил на стул напротив Волфа.

– Знаешь, в чем дело, Волф? – начал он. Тон у него был застенчивый и нерешительный: такого Волф прежде не слышал. Возможно, думал Волф, это из-за того, что Лис в свою очередь тоже хотел что-то рассказать, такое, о чем нелегко говорить. – Мне всегда хотелось, чтобы у меня был братишка, – продолжал Лис.

– Да. Как и мне, – сказал Волф. При этих словах Лис замешкался.

– Да, но в самом деле маленький братишка, – подчеркнул он. – Чтобы я у этого братишки был большим братом. – Теперь Волф заметил, что Лис покраснел. Да, ему было определенно нелегко говорить о том, что его тяготило.

Что же имел в виду Лис, говоря о «в самом деле маленьком братишке»?

– Гораздо младше тебя? – осторожно спросил Волф. – Намного младше?.. Какого же возраста?.. И чтобы стал совсем твоим братишкой и был с тобой?..

– Вроде того... – отвечал Лис по-прежнему неуверенным тоном, – вроде того... вполовину младше меня... Этого... я всегда хотел.

Если я правильно понял, что имел в виду Лис, рассуждал Волф, разве это не то, чего, по сути дела, нельзя? Ибо если Лис встретит такого маленького мальчика, который ходит в обычную школу, и если этот мальчик захочет петь и плясать с Лисом, и даже отправиться вместе с ним колесить по белу свету и сделаться его братишкой, душой и телом, вот как они с Лисом сделались братишками, разве можно такое?.. Этого ведь люди никогда не одобряют: маленький мальчик, школьник, навсегда уезжающий с большим, взрослым парнем, прочь из школы, прочь из дому, прочь от отца и матери?.. Лис только очень немного, только вскользь упомянул о своем корабле, о том, что никто там не относился к нему хорошо, кроме «того мальчонки»... Волф отлично помнил те слова Лиса, и они навевали грусть. Да, кажется, он понял, что имел в виду Лис, и что произошло на борту корабля. Такие вещи бывали, он о них слышал. Но что он мог теперь сделать для Лиса, как помочь ему, немного утешить его?..

Лис словно бы почувствовал его печаль.

– Я расскажу тебе только раз, – решительно заявил он вдруг окрепшим голосом. – Вечно что-то не так, это уж не сомневайся. Но мы еще живы. Мы должны работать.

168 – Да, – торопливо подхватил Волф. Вообще говоря, он почувствовал облегчение, оттого что Лис больше не говорил о том, что ему пришлось пережить и что, вероятно, причинило ему большое горе.

В жизни Лиса было нечто, о чем он не до конца откровенно высказался. Но что бы это ни было, решил Волф, и расскажет ли Лисенок об этом или нет, не может быть, чтобы Лис совершил что-то очень скверное, ибо Лис был милый и честный... Лис должен остаться с ним навсегда, ибо они сделались братишками. И что бы ни случилось, поклялся себе Волф, он всегда будет делать для Лиса все, и отдаст ему все, чем обладает, все свое мужество, всю свою силу...

– Братишка Лис, – прошептал про себя Волф. – Всё для тебя, Лисенок... Всё для Лиса... Всё...

Глава 19

До чего же милым мальчуганом был наш Лисенок! С самого первого дня, когда они стали жить вместе, выяснилось, насколько он заботлив и прилежен. Волф решил про себя, что Лису не придется ничего делать, только бы он хотел плясать и петь вместе с ним, Волфом, и отныне быть его братишкой душой и телом. Волф не ожидал ничего иного, кроме того, что он, как в те времена, когда ездил один, будет по-прежнему заниматься хозяйством, стряпать и прибираться, и стирать для Лиса и для себя. Но об этом хлопотливый Лис и слышать ничего не желал: он радостно желал «засучить рукава» и «приводить все в божеский вид», как он это называл. Можно он отныне будет стряпать? Сперва Волф этого не одобрял, но Лису так этого хотелось, и он так настаивал, что Волф в конце концов сдался и теперь нимало об этом не жалел, ибо оказалось, что Лис умеет прекрасно кухарничать, и он запоминал в точности, когда Волфу что-то очень нравилось, чтобы в следующий раз вновь приготовить для Волфа что-нибудь такое же вкусное.

Еще Лис ходил за покупками и из еды покупал только хорошее и полезное, но при этом тщательно следил за ценами, так что деньги никогда не тратились впустую. А уж о том, чтобы выбрасывать хлеб или какую другую пищу, и речи быть не могло. Теперь все было совершенно иначе, нежели во времена «Братца» и «Сестрицы»! О покупке дорогой стиральной машины или о том, чтобы отнести белье в прачечную, Лис даже не заговаривал: терпеливо, весело напевая вполголоса, он стирал руками. Когда Лис был занят стиркой – в этой своей поношенной матросской одежонке, которая ему, вообще говоря, шла куда больше, чем новый или выходной костюм, Волф иногда волей-неволей исподтишка заглядывался на его склоненную фигуру и на то, как он поливает, выжимает и полощет. Волф тогда потихоньку подбирался поближе, совсем вплотную к Лису, дабы ощутить юношеский запах, исходящий от его теплого, пропотевшего матросского одеяния. «До чего же я страшно люблю его, – думал тогда Волф. – Все сделаю, лишь бы только он был счастлив».

В первые дни поездки Волф выступал один, Лис же ограничивался тем, что смотрел и слушал. Но в трейлере, сдвинув к стене мебель в большой красивой комнате, они постепенно начали упражняться, чтобы вместе исполнять номер, состоящий из плясок и пения. У Лиса оказался врожденный талант к танцу и вообще ко всему музыкальному, и то,

что они оба разучивали, у них получалось само по себе. А еще у Лиса были весьма необычные идеи. Он утверждал, что это не случайность, то, что их звали Волк и Лис, и что они в танцах также должны изображать Волка и Лиса.

– Нам нужно купить костюмы волка и лиса, – предложил он Волфу. У того, конечно, глаза загорелись, но где же купить такие костюмы? В какой-нибудь старомодной лавке наверняка найдутся, рассуждал Лис. И впрямь, после долгих и тщетных поисков и расспросов они в одном городке нашли старика, который раньше плел корзины, но покончил с этим делом, поскольку их почти никто не покупал, и теперь стал продавать в лавочке старомодную одежду, в том числе костюмы зверей. И, конечно же, порывшись, они обнаружили одеяния волка и лиса. Там и сям нужно было пришить оторванную пуговицу или подлатать прорехи, но это были одежды настоящего волка и настоящего лиса, и сидели как влитые. Очень редко кому-нибудь требовались такие одеяния, и поэтому им даже позволили купить еще что-то по дешевке, а именно: у старика нашелся еще костюм кролика, и они смогли бы получить его за бесценок, если купят костюмы волка и лиса.

– А он нам нужен? – спросил Волф Лиса.

– Никогда не знаешь, – заявил Лис. – Давай купим этот кроличий костюм. – Он подчеркнул, что в продаже будет все меньше и меньше таких костюмов, поскольку количество

животных быстро убывает из-за экономического процветания, и что, таким образом, подобная возможность вряд ли еще когда-нибудь представится. И тогда они решились и купили в придачу костюм кролика.

172

К тому времени они уже давно репетировали и упражнялись в трейлере, чтобы привести в исполнение план Лиса: плясать и петь перед публикой в костюмах лиса и волка, как веселый лис и веселый волк. И этот план сразу же отлично удался. Лис пел милые песенки о лисьей жизни, а потом они вместе исполняли трогательную песню о жизни волка, которую весьма артистично пел Волф, искусно прыгая по-волчьи и подыгрывая себе на гитаре. Их пляски и песни отображали повседневную жизнь, которую вели волк и лис в глухой чаще, и они представляли, как, например, волк и лис таскают друг у друга орехи или потихоньку прикарманивают предметы домашнего обихода, которые, впрочем, после многочисленных перебранок вновь честно возвращались на место. Волф и Лис преследовали только одну цель: своими прекрасными плясками и пением немного развлечь народ, но один зритель по окончании представления сказал, что теперь стал лучше понимать животных и осознал, что его с ними связывает куда больше, нежели разделяет.

Да, все шло очень хорошо, и, когда наступал момент собирать деньги, люди оказывались гораздо щедрее прежнего.

Были ли они оба теперь совершенно счастливы? Они были очень заняты, и времени на раздумья у них не оставалось, но Волф заметил, что Лис порой, вдоволь повеселившись, внезапно примолкал и почти ничего не говорил, словно его одолевала какая-то печаль. По большей части это случалось после плясок.

– Как жаль, что с нами не пляшет кролик, – однажды после выступления сказал Лис. Что он имел в виду? Имело ли сказанное какое-либо отношение к покупке костюма кролика в лавке старьевщика? 173

Теперь Волф стал внимательно присматривать за Лисом, чтобы выяснить, когда тот бывает печален и отчего. И при этом кое-что заметил. Точно так же, как и тогда, когда Волф еще плясал один, среди зрителей порой бывали мальчики, пристально следившие за его танцами и повторявшие его движения, и после представления они долго не уходили, словно хотели завязать с ним разговор. Теперь Волф нашел в Лисе братишку, как всегда мечтал, и больше никогда не поддавался внутренней борьбе: подойти ли после выступления к такому мальчику, который, как зачарованный, не отрывал глаз от него и Лиса во время плясок и пения, и не завести ли с ним беседу.

Однако с Лисом все обстояло иначе. Время от времени случалось, что Лис после плясок вступал в разговор с мальчиком; но это все-

гда был мальчик, который, что касается возраста, возможно, еще ходил в средний класс начальной школы. И всякий раз, когда после их выступления Лис заводил беседу с маленьким школьником, казалось, конца-краю этой беседе не видать, и Лис мечтательным, неотрывным взглядом глядел на мальчонку. «Ты хотел бы, как мы, бродить по белу свету?» — услышал как-то Волф вопрос Лиса. По большей части подобный разговор длился недолго, ибо почти всегда через некоторое время подходил отец или старший брат мальчика; они ничего не говорили, но глядели на Лиса так, словно имели что-то против него. Нередко Лис к тому времени уже успевал спросить мальчика, хотел бы тот пойти с ним в трейлер, но всякий раз член семьи, стоящий рядом, в последний момент успевал этому помешать, приказав мальчику бежать домой. После таких случаев Лис всегда бывал подавлен и часами сидел очень тихо, тоскливо глядя в никуда.

Наконец, Волф был более не в силах смотреть на удрученного друга, ибо хотел лишь одного: чтобы Лис был счастлив.

Однажды вечером, когда Волф уже собрался было спросить Лиса, как можно помочь ему и утешить в его печали, Лис стал рассказывать ему все. Он любил Волфа и не хотел, чтобы они когда-либо расстались, но чтобы они навсегда были братишками, которые все делают друг с другом, как настоящие братишки. Но при этом у него всегда было и остается

одно огромное желание: маленький братишка, гораздо младше его самого, школьник, стало быть, который захочет пойти и всегда быть с ним.

– Ты не сердись на меня? – спросил Лис, обняв Волфа и прижавшись к нему головой.

– Нет, конечно, не сержусь, – отвечивал Волф. – Как я могу на тебя сердиться? Я только хочу, Лисенок, чтобы ты был счастлив. – И он утешительным жестом взъерошил волосы Лиса. Теперь, когда они сидели, прижавшись друг к другу, Лис заговорил свободнее, поскольку ему при этом не нужно было смотреть на Волфа.

175

И теперь Лис, наконец, поведал, почему пошел в море. На берегу в кемпинге он встретил мальчонку, который жил в палатке неподалеку, с отцом и матерью. В палатке Лиса они играли, и возились, и делали все, что делают друг с другом настоящие братишки, и решили навсегда остаться друг другу братишками и спать вместе в палатке Лиса. Но родители маленького мальчика, который еще ходил в третий или четвертый класс начальной школы, этого не одобрили и подняли большой шум, и все настолько осложнилось, что Лис со своей палаткой был вынужден покинуть территорию лагеря. Мальчика он больше никогда не видел. Родители наговорили Лису ужасных вещей и даже обращались в надлежащие органы, так что тот почел за лучшее уехать из родных мест и отправиться в море. Команда корабля, на который нанялся Лис, состояла из взрос-

лых, кроме одного: мальчонки, бросившего школу и на год раньше, чем, вообще говоря, было можно, поступившего в обучение юнгой и поваренком. События в кемпинге были в то время еще очень свежи в памяти Лиса, и сперва он старался как можно меньше иметь дел с мальчонкой, хотя тот сразу же, с первого взгляда, ужасно ему понравился. Но при этом он не мог помешать тому, что мальчонка немедленно его полюбил и стал постоянно искать его общества, потому что хотел играть и возиться с Лисом, как настоящий братишка, и ночью спать в его койке.

Когда Лис дошел до этого места своего рассказа, ему вдруг вновь стало трудно говорить, и он разрыдался.

– Лисенок, Лисенок, – прошептал Волф. – Что случилось?

– Они его... избили... – только и смог проговорить Лис.

Волф понял, что сейчас ему лучше ничего не спрашивать, и оба, Волф и Лис, долго молчали. До чего же сложная штука жизнь, решил Волф и почувствовал, что все то, что рассказал ему Лис, опечалило его ровно так же, как и самого Лиса. Мог ли он что-нибудь сделать сейчас для Лиса и превратить его жизнь в праздник?

Волф глубоко задумался. Он хотел сделать все для своего Лисенка, все, что возможно. Но то, чего хотел Лис, то, что было великим желанием его жизни и его сердца, могло ли

такое существовать? Ибо как мог маленький мальчик, даже при всем его горячем желании, стать братишкой Лиса и делать с Лисом все, что делают друг с другом настоящие братишки, взять вот так и уйти с ним и остаться с ним навсегда?

Волф был совершенно уверен, что с таким маленьким мальчиком он будет столь же ласков, как и с Лисом, и с удовольствием станет стирать его одежды и даже немного баловать его, в особенности если это окажется очень славный, послушный мальчуган, который всегда будет мил с Лисом. Но уже прежде, когда Лис впервые заговорил о своем страстном желании иметь маленького, вправду очень маленького братишку, Волф задался вопросом, осуществимо ли подобное желание, если мальчик живет дома и все еще ходит в школу. Ибо сможет ли когда-нибудь такой мальчик взять да и уйти с Лисом, бросив школу и родителей?

177

Прошло много времени, прежде чем Волф смог осуществить собственное страстное желание иметь настоящего братишку, и он тоже очень часто чувствовал себя печальным и одиноким, и то, о чем он мечтал уже с ранней юности, было трудно осуществить; но это не являлось невозможным. Но могло ли существовать то, о чем мечтал Лис? Волф страшился отвечать на этот вопрос, ибо ответ, иначе и быть не могло, Лиса опечалит...

Где же ему спросить доброго совета, совета, который сможет осчастливить Лиса?.. У кого?..

У знакомого?.. У госпожи Сивиллы? Но Волф был у госпожи Сивиллы уже дважды и не хотел докучать ей в третий раз.

Может ли помочь господин Штрафман? Но Волф даже не знал, где тот сейчас, ибо у господина Штрафмана не было адреса, он ведь сказал Волфу, что нигде не живет.

178

Достаточно советов от госпожи Сивиллы и господина Штрафмана, решил Волф, не время ли уже попытаться самому найти совет?

Совет... Погоди-ка... Что же такое сказал ему господин Штрафман прямо перед расставанием?.. О какой-то стране, да... если будут большие трудности и печали, нужно ехать в ту страну... Да, туда, где все люди очень любезны и очень добры, потому что крайне бедны...

Как же зовется эта страна?.. Поврания, точно, вдруг вспомнил Волф, Поврания...

А что, если они так и сделают?.. Господин Штрафман всегда предлагал ему только хорошее. Если господин Штрафман дал такой совет, то из него не может выйти худого...

Как будут разрешены трудности, Волф еще не знал, хотя по-всякому ломал себе голову. Но, может быть, люди в той стране, в Поврании, в самом деле настолько любезны и добры, что смогут утешить и ободрить Лиса каким-то иным образом и ничего не сделают и не скажут ему плохого...

Последовать совету господина Штрафмана означало хотя бы немного улучшить ситуацию,

но уж никак не навредить, подумал Волф. Да, вероятно, лучше всего как можно скорее отправиться в ту страну. По крайней мере, если Лис одобрит эту затею...

Глава 20

180 Как только выпала хорошая возможность все спокойно обсудить, Волф осторожно поднял вопрос о Поврании. Он поведал Лису, как господин Штрафман в свое время посоветовал ему отправиться туда, если в жизни возникнут крупные осложнения и никто не будет знать, что делать.

Лис был все еще в расстроенных чувствах, но с большим вниманием слушал все, что говорил ему Волф.

– Ты столько хорошего мне рассказал об этом господине Штрафмане, – сказал он Волфу, – что этот совет, наверное, очень добрый. Отчего бы нам тогда и не поехать в эту страну? Она далеко?

Волф стал отыскивать Повранию в географическом атласе. Да, она находилась очень далеко и на карте была окрашена в другой цвет, светло-сиреневый.

Было ли большое расстояние препятствием? Лис так не считал. Ведь они могли, как всегда, останавливаться, чтобы вместе спеть и сплясать в каком-нибудь городке? Таким образом они в течение всей поездки смогут заботиться о том, чтобы на столе была еда.

– Господин Штрафман тебе такие прекрасные вещи рассказал об этой стране, – счел он. – Давай поедем туда, Волф.

Решение было принято, и, тщательно подготовившись и сделав немалые запасы всего, что могло им понадобится, они, довольные, тронулись в путь.

Волф, как мог, вычислил расстояние, но того, что Поврания лежит настолько далеко, не учел. Это было очень далеко, и местность, по которой они проезжали, постепенно становилась все пустыней и негостеприимней. Сначала еще были города и деревни, где они могли выступать, а потом, после плясок и пения, собирать деньги. Однако мало-помалу города и деревни встречаться перестали, и, наконец, порой они в течение нескольких часов не видели ни человека, ни дома. Дороги становились все уже и вели их через обширные дикие леса, так что Волфу и Лису порой делалось страшновато. К счастью, время от времени они замечали среди деревьев вьющийся из трубы дымок: там жил затерянный в лесах лесоруб или угольщик с семейством, и в скромных жилищах таких людей, влачивших весьма благочестивое существование, их принимали и угощали с большим радушием, как родных, так что они ни в чем не нуждались. И никогда не хотели эти люди принимать ничего взамен, как бы ни настаивали Волф и Лис, так что припасы провианта и денег у них почти не уменьшались.

Оттого ли, что люди жили так уединенно, они были столь гостеприимными и приятными, задавался вопросом Волф; или уже чувствовалось соседство Поврании, где всякий, как поведал ему господин Штрафман, был сердечным и добрым по природе? Любопытство Волфа и Лиса возрастало, и им все сильнее хотелось въехать в Повранию и все рассмотреть вблизи.

Наконец, они подъехали к границе. За последние несколько часов поездки им не встретилось ни единой повозки или телеги, ни единого автомобиля. Словно почти никто в Повранию не приезжал.

Перед ними стоял щит, означавший начало Поврании, и там надлежало останавливаться. Был ли здесь где-нибудь караул? Только хорошенько оглядевшись, они обнаружили неподалеку побитый непогодой дощатый домик с одним-единственным оконцем. Выйдя из автомобиля и приблизившись, они заметили в этом оконце человека, руки которого быстро двигались, словно что-то ощупывая. Потом боковая дверь домика отворилась, и их помянул какой-то старик. Это был единственный пограничник, одетый не в форму, а в обычную одежду, правда, весьма поношенную. Подойдя к распахнутой двери сторожки, они увидели, что означали движения рук человека, замеченные ими через оконце: на столе были разложены кипы старой ношеной одежды, которую старик сортировал.

В его стране, поведал он, люди чрезвычайно бедны, и многим из них, прежде всего детям, зимой не хватает теплой одежды. У пограничника в его сторожке дел было очень мало, и потому он собирал старую одежду, из которой вырезал цельные, хорошие куски, чтобы из них сделать для детей хорошую одежду. Часто ему удавалось получить эту поношенную одежду за так, но порой, если случалась большая партия, приходилось ее покупать, и тогда он расплачивался, если мог, из собственной скудной зарплаты. Это последнее он рассказал не по своей воле, а потому, что Волф задал ему конкретный вопрос. Что ж, думал Волф, если все люди в этой стране в равной степени сочувствуют своим согражданам, как этот простой пограничник, то это наверняка хороший народ.

Но теперь старику нужно было точно знать, что собирались делать в Поврании Волф и Лис. Когда они рассказали, что поют и пляшут и за это собирают деньги, на лице пограничника появилось недоверчивое выражение.

– Плясать и петь, это прекрасно, – сказал он. – Я тоже в юности этим занимался. Но в этой стране денег у народа требовать... – Он покачал головой. – Здешние люди почти все до одного бедны, и лишних денег у них не водится. Но при их доброте они все-таки захотят что-нибудь вам дать.

Тогда Волф объяснил, что они взяли в дорогу достаточно денег и провианта, и что в на-

стоящее время не будут зависеть от подарков. Они отлично могут, подчеркнул он, выступать, не прося за это платы.

– Это будет не так легко, – возразил пограничник. – Возможно, вы не знаете, поскольку еще очень молоды, что, увы, бедняки щедрее богачей. Отчего так, одному Господу Богу ведомо, но бедные люди слишком скоро расстаются с тем малым, что у них есть.

184

– Знаете что, – вступил в разговор Лис. – Мне кажется, будет лучше всего, если мы вообще не станем принимать денег, мы будем от них отказываться. Но если все же придется принять их, мы купим на эти деньги старую одежду и отдадим ее детям.

– Или же отдадим эти деньги вам, – предложил Волф. – Тогда вы сможете потратить их на покупку старой одежды, которая пригодится бедным детишкам.

– Это очень красиво с вашей стороны, – сказал пограничник с явной теплотой в голосе. – Так поступает далеко не каждый чужестранец, приезжающий к нам.

Больше ему ничего не нужно было знать, и он счел также излишним заглянуть в автомобиль и трейлер Волфа и Лиса, чтобы проверить, что именно они везут с собой.

– Можете проезжать, – решил он. – Желаю вам удачи в странствиях. Но вам предстоит увидеть большую нужду и бедность. И еще нас ожидают тяжкие времена. Многим придется расстаться с самым дорогим.

Теперь они имели право пересечь границу Поврании, но не успели сесть в автомобиль, как пограничник в последний момент поманил их.

– Я хотел кое о чем попросить вас, – решил он, еще раз на пару минут заведя их в сторожку. – Смотрите: я всякий раз стараюсь раздобыть вязальную шерсть. – Он показал им разнообразные мотки шерсти, извлеченной из поношенной шерстяной одежды, и вязанье на трех спицах, которым он сейчас занимался. (Большую часть времени, когда у него не было никаких дел, он еще и вязал: носочки, варежки и свитерки для бедных детишек.)

185

– Шерсть из распущенных старых вещей, из нее трудно вязать, – пожаловался пограничник, – медленно дело идет. Если вам удастся денег отложить, очень можете меня порадовать новой шерстью, такой, стало быть, которая совсем новая. Зима ведь приходит и к старому и к малому, но прежде всего к детям.

Когда они отъезжали, он еще пробежал несколько шагов рядом с автомобилем.

– Какой-то особенный цвет выбирать не обязательно, – кричал он в открытое окно дверцы, – некрашенная шерсть, она дешевая и при том очень хорошая. Ну да: если можно, тогда и крашеной маленько не помешает. Тогда я смогу там-сям какой-нибудь зигзаг из цветной шерсти вывязать. Ребятенку радость, потому что выгладит этак празднично, я бы сказал.

Но вот Волф и Лис пересекли границу и въехали в незнакомую страну Повранию.

Глава 21

186 Волфу и Лису, конечно же, было страшно интересно, что за страна эта Поврания, и по мере приближения к ней они все внимательнейшим образом рассматривали. Довольно скоро выяснилось, что господин Штрафман дал Волфу правдивое описание Поврании. Это и в самом деле была очень бедная страна. Почти все люди были бедны, но, что удивительно, при этом так сердечны, так щедры и так предупредительны, что Волфа и Лиса это порой приводило в смущение и озадачивало.

Всякий раз, когда они останавливались где-нибудь на передышку, их сразу же кто-нибудь приглашал в дом, где пытались всячески ублажить и очень огорчались, когда Волфу и Лису нужно было вновь отправляться в путь и приходила пора расставаться. Люди также были весьма любознательны и желали как можно больше узнать о далекой стране Волфа и Лиса. Те отвечали как можно подробнее на все вопросы. Казалось, люди сами не осознают, насколько скромно и бедно их повседневное существование. Но при этом им была свойственна куда большая солидарность

и забота друг о друге, если сравнивать с тем, к чему привыкли в своей стране Волф и Лис. Если кто-то по бедности испытывал определенные трудности, то всегда находился один-другой, хотя и столь же бедный, но готовый помочь словом и делом.

Да, но как же теперь быть с их песнями и плясками, озадачились Волф и Лис. Им очень хотелось вернуться к этим занятиям, поскольку пение и танцы были у них, как говорится, в крови, но мысль о том, чтобы собирать за это деньги, претила им. Как могли они брать у людей деньги, без которых те не могли обойтись? Но, поскольку они самым честным образом отвечали на все вопросы, то довольно скоро поведали всем и каждому о том, что танцы и пение были их профессией и призванием. И всяк спрашивал у них, не хотели бы они выступить и показать свое искусство. Наконец, Волку и Лису пришлось сдаться и согласиться на выступление, но они сразу же заявили, что будут петь и плясать совершенно бесплатно, и что после их выступления никаких денег собирать не нужно. И так оно и было, однако совершенно понятно, что по окончании выступления люди, как бы ни были они бедны, все же хотели чем-то отплатить за то прекрасное, что показали им Волк и Лис. Было решено, что люди не станут давать денег, а вместо этого выкажут свою благодарность, преподнеся Волфу и Лису всяческие предметы, которые сами искусно изготавливали из дерева и рогов животных.

По окончании выступления некоторые еще долго стояли в молчаливом благодарном восхищении, и это были прежде всего мальчишки-зрители.

188 Волфу бросилось в глаза то, что чаще, чем в их родной стране, во время их выступления случалось, что какой-нибудь мальчик, еще школьного возраста, словно зачарованный и с выражением преданности на юном лице следовал глазами за фигурой пляшущего и поющего Лиса, и что нередко Лис под взглядом такого школьника начинал путать слова и чуть ли не выпадал из роли, поскольку, в свою очередь, не мог отвести глаз от мальчика и постоянно с улыбкой кивал ему.

Как-то в полдень, когда они выступали в маленьком мирном городке, случилось так, что вновь какой-то школьник, не спуская с Лиса зачарованного взора, пробрался в круг зрителей и встал впереди всех. Когда Волф и Лис закончили свои пляски и песни, мальчик не ушел. Лис тоже не двинулся с места и не спешил возвращаться в трейлер. Они с мальчиком продолжали смотреть друг на друга.

Волф прикинул возраст мальчика: не более десяти лет, но он казался куда менее застенчивым, нежели можно было ожидать от ребенка его возраста. Увидев, что Лис не уходит и продолжает смотреть на него, мальчик без видимого смущения подошел к Лису и завел с ним разговор. Волф видел, что Лис пере-

стал видеть и замечать что-либо, кроме мальчика, и не в силах оборвать беседу.

Волф немного встревожился, ожидая, что вот-вот появится старший брат или еще какой-нибудь родственник ребенка, и прикажет тому идти домой, и представил себе досаду и подавленность, которые овладеют Лисом. Но на этот раз ничего подобного не случилось. Может быть, у мальчика нет ни старшего брата, ни родителей?

189

Волф не знал, правильно ли поступает, но оставался стоять в сторонке, так, чтобы слышать разговор Лиса с мальчиком.

Мальчик был очень худым и, как и все дети в Поврании – Волф сразу это заметил, – очень бедным. Одежда на нем была чистейшая и аккуратная, но изготовлена из кусков поношенной одежды взрослых.

Лис продолжал беседу с мальчиком и, похоже, совсем забыл о времени и не обращал никакого внимания на то, что происходило вокруг.

– Меня зовут Лис, – услышал Волф. – А тебя?

Мальчик поведал, что его имя Реми. Потом разговор перешел на пение и танцы, и Волф услышал, как мальчик спрашивает, может ли он тоже этому научиться.

Тут Волф забеспокоился всерьез. Куда клонится этот разговор и к чему он приведет?

– Разумеется, Реми, ты можешь очень хорошо научиться плясать, – говорил Лис. – Хотелось бы тебе жить в трейлере, как мы, и колесить по белу свету?

Волф видел, как загорелись глаза Реми. У него было приятное, открытое лицо, и казалось, что эти нищенские одеяния, в которые он был облачен, сидели на его гибком, худощавом мальчишеском теле красивее, нежели самые дорогие одежды из магазина. Да, определенно он мог научиться отлично плясать и показался Волфу очень милым мальчуганом. Но Волф уже понял, что Лис мечтает о том, чтобы Реми захотел навсегда остаться и сделаться его братишкой душой и телом. И от этой мысли Волфу стало грустно. Он очень хотел сделать все, что в его силах, чтобы увидеть Лиса счастливым, но того, чего желал Лис, этого ведь нельзя?..

– Ой. Да, я ужасно хочу жить в трейлере, господин Лис, – отвечал Реми. – Я так ужасно этого хочу.

– Не обязательно говорить мне «господин», – торопливо заметил Лис. – Зови меня просто Лис. Хочешь ты сделаться нашим братишкой, и навсегда поселиться с нами в трейлере, и вместе с нами колесить по белу свету?

– Ну конечно. Прямо сейчас, – весело отвечал Реми, жадно поглядывая на трейлер.

Озабоченность Волфа тем, что происходило у него на глазах, еще более возросла.

– Ты живешь дома, у мамы и папы? – спросил он, приблизившись к Реми. – Ты ведь, конечно, еще в школу ходишь? – Возможно, этого он не должен был спрашивать. Но единственной его целью при этом было оберечь Лиса

от огорчения... Если Лиса можно будет осчастливить тем, что мальчик Реми поедет с ним, и останется с ним, и сделается Лису настоящим братишкой, тогда Волф сделает для этого всё всевозможное, всё... Но своим вопросом он хотел предупредить Лиса и оградить его от разочарования... Ибо если Реми еще живет дома с родителями и ходит в школу, то желаниям Лиса не суждено сбыться, поскольку это нечто такое, чего нельзя...

191

Однако вопросы Волфа, похоже, не дошли ни до Реми, ни до Лиса.

– Тогда поедем с нами, Реми, – услышал Волф, к своему ужасу, голос Лиса.

Нет, этого нельзя, решительно подумал Волф. Вот так взять и увезти ребенка... Да, о таких вещах он когда-то очень давно читал. В книжке со всякими историями, или в сборнике сказок... о ворах или разбойниках, которые похищали ребенка, чтобы, например, продать его в рабство...

Волф сделал шаг вперед и подошел еще ближе к Реми.

– Если твои домашние одобряют, можешь поехать с нами, Реми, – сказал он как можно более четко. – Если твои мать и отец действительно будут согласны.

Теперь он услышал, что Реми что-то сказал, и усомнился, правильно ли понял мальчика.

– Дома будут только рады, если мне можно с вами в трейлер, – поведал Реми без тени

сомнения в голосе. – У нас еды не хватает, потому что идут холода. А когда совсем зима наступит...

Волф задался вопросом, что означали эти слова. Не иначе как это просто детские фантазии. Какие родители вот так просто отпускают ребенка с незнакомцами?..

192 – Это превосходный трейлер. Хочешь изнутри взглянуть? – предложил Лис Реми. – Пойдем со мной. – И, обняв мальчика за худенькие плечи, он повел его в трейлер.

Волф снова спросил себя, что делать. Последние немногочисленные зрители, которые могли бы обратить внимание на происходящее, уже разошлись, и не явился ни недоверчивый или сердитый брат, ни какой-либо другой родственник. Но Лис уже повел Реми в трейлер... И как быть дальше, если Реми, скажем, сразу же захочет остаться с Лисом, и Лис больше не отпустит мальчика домой?

Волф пошел следом за Лисом и Реми, и втроем они вошли в трейлер. Реми юными глазами стал все внимательно рассматривать и в изумлении озирался по сторонам. Было совершенно ясно, что то, что он видел, казалось ему великолепным.

– Мне правда можно с вами? – вдруг спросил он, по-детски прижимаясь к Лису. – Можно мне остаться с тобой, Лис?

– Да, конечно, ты можешь поехать с нами, – отвечал Лис, глядя Реми по волосам. – И мы навсегда сделаемся братишками.

Волф решил, что должен совершить еще одну попытку, раскрыть Лису глаза на действительность и встряхнуть его, чтобы тот проснулся и вернулся в реальность из своего сна или детской сказки... Уже сегодня вечером они могли бы выехать или ранним утром... А если бы это зависело от Лиса, они бы просто взяли Реми с собой... Этого не должно произойти, ни в коем случае... Ибо рано или поздно поднимется переполох, и за ними пустятся вдогонку и выследят...

Что-то подсказывало Волфу, что лучше всего было бы сделать вид, что он верит Реми... Да, это было бы лучше всего... Им нужно зайти к родителям Реми... и поговорить с ними... Это будет прощальный визит, прощание с Реми навсегда, и – Волф понимал – это очень сильно огорчит Лиса, но глаза у него раскроются и он очнется от сна, который грозит обернуться кошмаром...

– Где ты живешь, Реми? – спросил Волф. – Можно нам зайти к твоим родителям? Мне кажется, это будет очень мило, – добавил он несколько неуверенным голосом, не сводя глаз с Лиса.

– Они дома, отец с матерью? – спросил у Реми Лис. – Тогда сейчас же пойдем к ним.

– Да, конечно, дома, – отвечал Реми. – Я тут неподалеку живу.

Услышав такие слова, Волф содрогнулся. Во что ввязывается бедный Лис? Что ждет его, Лиса, в доме Реми?

– Лис... ты что это задумал?.. Чего ты хочешь?.. – со страхом вымолвил он. – Ты всему этому веришь?.. Лисенок мой... Не делай глупостей...

Лис крепко прижал к себе Реми и погладил его по макушке и шейке.

194 – Волф, – начал он дрожащим голосом. – Это правда... Все так говорят... Я с очень многими разговаривал... Здесь это можно... В этих землях такое можно... Мы можем взять с собой Реми... если они увидят, если будут точно знать... что мы станем хорошо о нем заботиться... То ему можно будет с нами... Близится голод... Они не могут обеспечить всех детей...

Некоторое время Волф пребывал в совершенной растерянности. Неужто Лис позволил себя увлечь детскими воздушными замками?.. Или это все-таки зиждется на каких-то иных представлениях?.. Но разве это не ужасно: людям из-за недостатка пищи приходится отдавать собственное дитя чужому человеку, который его увезет?..

– Я больше ничего не понимаю, Лисенок... – тихо сказал Волк. – Но... если это в самом деле так... если это взаправду... «Всё для Лисенка, – прошептал он про себя. – Всё».

– Если ты не возражаешь, Волф, – сказал Лис, – я сейчас отправлюсь вместе с Реми к нему домой.

– Лисенок... – запинаясь, пробормотал Волф. – Да... разумеется, я не возражаю... Если ты уверен... что это можно...

Лис и Реми направились к двери и остановились у порога. Лис еще раз повернулся к Волфу.

– Если ты не возражаешь, Волф, – начал Лис дрожащим голосом, – то Реми поедет с нами... То, что он сейчас рассказал, все правда... Когда придет зима, то еды на всех детей не хватит...

– Но... я не возражаю, Лис... – механически выговорил Волф. – Если... такое можно... – Теперь ему пришлось сделать усилие, чтобы сдержать слезы. Слезы, но отчего?.. Разве это не что-то очень хорошее... то, о чем всегда мечтал Лис?.. или нет?.. Что же во всем этом так печалило Волфа?..

– Волф, – проговорил Лис медленно и отчетливо. – Я без Реми не вернусь. – Он распахнул дверь. – Он едет с нами, – продолжил он, не сводя глаз с Реми. Немного помолчав, он пронизывающе взглянул на Волфа. – Я без Реми никуда не поеду, – решительно сказал он. – Никогда.

И с этими словами Лис и Реми покинули трейлер и оставили Волфа в одиночестве.

Глава 22

196 Теперь, когда Волф так внезапно остался один в трейлере, им овладело непонятное беспокойство. Он попытался сохранять присутствие духа и, насколько можно, привести в порядок мысли, но чувствовал себя смятенным и выбитым из колеи той скоростью, с которой свершилось это неожиданное событие. Он переживал за Лисенка, ибо уже сам не понимал, было ли в действительности разумно с его стороны впутываться в подобную историю. Как пройдет визит Лиса в дом Реми? Во что все это выльется?

Тишина в трейлере угнетала его, возможно, потому, что напоминала ему о том времени, когда он жил здесь и путешествовал в совершенном одиночестве, и никто не сопровождал его, кроме мыслей и желаний.

В свете позднего полудня, в наступающем вечере вновь всплыли думы о прошлом, и Волф созерцал свою юношескую жизнь как фильм, который с бешеной скоростью проигрывался перед его внутренним взором. Иногда фильм на неуловимую долю мгновения приостанавливался на печальных или шокирующих со-

бытиях. Нет, эти воспоминания не были радостными...

Постоянно случалось нечто, возвещающее о счастье, но всякий раз это счастье затмевала реальность, в которой не было и намека на обещанное.

Волф мечтал о мальчике, который захотел бы навсегда сделаться его братишкой. Об этом он грезил с ранней юности, но всякий раз все складывалось иначе, нежели он надеялся.

197

Внезапно Волф стал вспоминать дальше: как тогда, в полдень, в родной деревне, он встретил на краю леса юношу, который жил там в палатке, и как он для этого юноши пел и плясал. Это воспоминание Волф давно от себя оттолкнул и упрятал подальше, но теперь оно с болезненной четкостью всплыло вновь. Имя юноши тоже припомнилось ему: Ад... Арнольд... Нет, Андре... Да, Андре, так его звали... Так ведь?.. Ибо если Андре не хотел сделаться Волфу братишкой, отчего он тогда по собственному желанию, без просьбы Волфа, записал свое имя и адрес на клочке бумаги и отдал ее Волфу?.. И эту записку Волф по собственной вине потерял, а своего адреса он Андре не дал...

А эти «Братец» и «Сестрица», оказавшиеся впоследствии такими подлыми – а он доверял им и взял с собой... Надо благодарить господина Штрафмана, который вызволил его из власти «Братца» и его «Сестрицы»...

Этот господин Штрафман, сделавший Волфу столько добра, давший ему совет: во второй раз зайти к госпоже Сивилле, которая предсказала ему, что «счастье придет с моря»... так он встретил Лиса, разве нет?.. Ибо к чему иному могло относиться предсказание духа в морской раковине?..

198

И наконец, господин Штрафман посоветовал Волфу отправиться в Повранию, если жизнь сделается невыносимо трудной или появится некая неразрешимая на первый взгляд проблема.

И вот они в Поврании... Все так приветливы с ними. Никто не замышляет против них никаких гадостей. Никто не желает им зла...

Волф любил Лиса; Лис всегда будет его Лисенком, для которого он хотел делать все возможное, лишь бы тот был счастлив...

И здесь, в стране Поврании, Лис решил, что он наконец обрел в мальчишке по имени Реми маленького братика, настоящего братишку, о котором всегда, всю свою жизнь мечтал... Да, и вот теперь Лис хотел, чтобы Реми отправился с ними и навсегда с ними остался...

Волф не знал, что именно, но было во всем этом нечто тревожное. Что же это? Если родители Реми одобряют такое решение... Если он и Лис будут очень хорошо заботиться о Реми... Если и сам Реми будет счастлив... Разве это не хорошо? Волф того не знал, но не мог отделаться от чувства, что во всем этом оста-

валось нечто так или иначе неправильное, нечто горестное...

И не было никого, кто мог бы помочь Волфу советом. Никто не знал, где сейчас господин Штрафман, но в любом случае он был далеко, очень далеко, как и госпожа Сивилла...

Внезапно Волфа вывели из задумчивости голоса на улице. Послышались шаги, голоса сделались ближе, и в следующую секунду дверь распахнулась. Это вернулся Лис, причем не один. С ним был Реми и еще другой мальчонка, чуть меньше Реми и, как показалось Волфу, немного на него похожий. Вероятно, дружок Реми, пришедший с ним из любопытства, подумалось Волфу. Сперва вошли оба мальчика. Затем последовал Лис, но с ним был кое-кто еще: взрослый мужчина! Волф вздрогнул. Возможно, кто-то из властей? Но мужчина держался весьма приветливо; как и у всех в Поврании, одежда на нем была очень чистая, но ветхая и поношенная. И стоило ему лишь войти в трейлер, он своей манерой разговаривать тут же успокоил Волфа. И кто же это был? Не кто иной, как отец Реми!

– Я зашел посмотреть, что тут такое происходит, – представившись, объявил он дружеским тоном. – Вы артисты, правильно я понимаю?

Поскольку Лис сразу не ответил, а лишь смотрел на Реми, который подошел поближе к нему, Волф решил взять инициативу на себя, и как можно понятнее все изложить.

– Да, мы пляшем и поем, – отвечал он. – Это наша профессия.

– Прекрасная профессия, великолепная профессия, – серьезно заявил отец Реми. – Я тоже хотел стать певцом и танцором, когда был еще мальчиком. Вы ведь братья?

– Э-э... да, мы братья, – ответил Волф.

200

– Пляшущие собратья, – сказал отец Реми, глядя по сторонам и одобрительно кивая. Волф был теперь уверен, что это очень приятный человек, в котором еще оставалось нечто ребяческое.

– Как тут все красиво, – заключил он, осмотревшись. – По сути дела, это дом, но этакий дом на колесах.

Они находились в большой красивой комнате трейлера, которая, к счастью, недавно была довольно чисто прибрана.

Теперь все расселись по местам, причем Реми опустил на подлокотник кресла, в котором сидел Лис, и очень ласково прижался к нему. Только второй мальчик остался стоять, неуверенно озираясь по сторонам.

– Это, вероятно, дружок Реми? – спросил Волф, стараясь понять, почему мальчик пришел с остальными.

– Нет, это Бэмби, – ответил мужчина. – Они братья. Так же, как и вы. Реми старший.

Наступило короткое молчание, после чего отец мальчиков взял слово.

– Реми умеет очень даже неплохо плясать и петь, – начал он. – Да, это, конечно, не то,

с чем выступаете вы, я имею в виду, на него билетов продавать не будут. Но он мечтает стать артистом, вот вроде вас. Вы сами у него спросите.

Тут Реми встал.

– Я могу плясать и петь, совсем как кролик, – сообщил он. – Показать?

Его отец кивнул, хотя определенно ждал одобрения Лиса и Волфа. Лис, который, как во сне, по-прежнему не сводил глаз с Реми, вдруг распрямил плечи.

201

– Да, Реми, давай, – сказал он и хлопнул в ладоши.

И Реми принялся быстро семенить по кругу, обеими руками изображая на голове подвижные кроличьи уши. Затем он перешел на ритмичные танцевальные па, представляя скачущего кролика, и запел нетвердым детским голоском:

*Я маленький крольчонок-душка,
У меня мягкие нежные ушки.
Люблю я репкою хрустеть,
Плясать и хвостиком вертеть.
А когда уморюсь плясать,
В постельку лягу крепко спать.*

С последними словами он остановился и положил склоненную набок головку на сложенные ладошки, словно на подушку.

– Мальчик – настоящий артист, – сказал Лис.

– Я всегда так считал, – согласился отец Реми.

– А я тоже так могу, – вдруг скорбно заявил Бэмби.

Никто ничего на это не сказал, словно замечание пришлось не к месту.

202 – А между прочим, что ты умеешь? – дружелюбно спросил Волф, ибо ему было больно смотреть на огорченное лицо брата Реми. Тогда тот вышел вперед и принялся крадучись ходить по кругу, делая вид, что бросается на кого-то с разинутой пастью и детски-угрожающим тоном распевая между «укусами»:

*Хап-хап! Я веселый волк, что играет и шалит.
Хап-хап! А это что за зверь в кустах сидит?
Хап-хап! Это кролик, он от страха трясется,
Хап-хап! Что мне в лапы и на зуб попадетя.*

При этих последних словах он, угрожающе жестикулируя, подобрался к Реми и остановился перед ним.

– Два артиста, – сказал Лис.

– Таланта на двоих по капле, – заявил отец мальчиков. – Но вы хотите взять Реми в обучение и сделать из него артиста, верно? Он сам этого очень хочет.

– Да, это мы хотим взять на себя, – ответил Волф. – Он именно такой мальчик, который нам нужен.

– Я тоже, – вдруг раздался голос Бэмби, который вцепился в Реми и заплакал. – Я хочу

с вами! – всхлипывая, закричал он. – Я хочу с Реми... Я хочу вместе с Реми...

Этого никто не ожидал, и теперь Волф подумал, что недавние мрачные мысли, одолевшие его, когда он был один в трейлере, все-таки были обоснованы, и теперь все пойдет неправильно. Он взглянул на Бэмби, который, откровенно говоря, так же мил, как и Реми... Да, песенка, в которой он выступал, казалась слушателям такой красивой, такой прекрасной: До чего дальний путь одинок, если ты сиротинушка бедный... Но сейчас эти слова оказались слишком уж правдивы...

203

– Скажи, Волф, – медленно проговорил Лис, который, словно успокаивая, притянул и прижал к себе Бэмби. – Что ты... об этом думаешь?.. Они ведь оба маленькие артисты...

– Будущие артисты, – сказал отец мальчиков, явно для того, чтобы просто что-то сказать, ибо внезапный взрыв отчаяния Бэмби явно сконфузил его.

Волф понял, чем закончится дело, если он поддакнет, и понял он также и то, что ему придется поддакнуть, если он не хочет, чтобы все кончилось великим страданием.

– Нужно будет приспособливаться, – осторожно сказал он, глядя на отца мальчиков. – Но это возможно... Очень даже возможно: с ними обоими...

– Возьмете обоих... с собой... в трейлер? – спросил отец. – Этого я не ожидал. А получится?

– Запросто получится, – заявил Лис.

– Тогда им не будет одиноко, вдвоем-то, – добавил Волф.

– Все так неожиданно. Одновременно, я хочу сказать, – сказал отец мальчиков. – Об этом я, можно сказать, совсем не думал. Но если возможно...

204

Волф почувствовал, что то, о чем мечтал и на что надеялся Лис, и в чем заключалось его счастье, вот-вот исполнится... Счастье Лисенка, его Лисенка... Теперь главное – не сказать и не сделать ничего, что может вызвать какую-либо помеху...

– Они ведь оба такие ужасно славные, и ловкие, и разумные, – решил все-таки он.

– Да, они такие, – согласился отец с явной гордостью в голосе. – Но порой бывают настоящими разбойниками, – добавил он честно. – И тогда придется вам задать им хорошенькую взбучку.

– Только если это действительно будет необходимо, – торопливо сказал Волф.

– В тесноте, да не в обиде, – сказал Лис. Он крепко обнимал обоих мальчиков: одной рукой Реми, другой – Бэмби, который перестал плакать.

Нет, больше не оставалось никаких сомнений: все, что так долго казалось безнадежным, теперь неожиданно приняло счастливый оборот...

Сперва царило молчание, и у Волфа возникло ощущение, что из-за этой внезапной

тишины, в которой каждый отдался собственным мыслям, еще может случиться какая-нибудь нелепость, которая снова все поставит под удар. Он хотел что-нибудь сказать, чтобы нарушить эту необъяснимую тишину, но что?..

– Наверно, нужно пойти попрощаться с их матерью? – вырвалось у него, прежде чем он сообразил, до чего этим вопросом, который, вообще говоря, был совершенно неуместен, нарушил плавное течение происходящего и подверг его опасности. Он безнадежно посмотрел по сторонам и в конце концов остановил взгляд на отце мальчиков. По лицу того прошла тень, и он еле заметно покачал головой.

– Ее... больше нет в живых... – тихо сказал он.

– Это... я... Извините меня... – пролепетал Волф.

– Да ничего. Разумеется, – успокаивающим тоном произнес мужчина. Нет, своим вопросом Волф, вероятно, задел весьма печальные струны, но не пустил все под откос в последний момент, как того опасался.

И вот настал момент расставания. У Реми и Бэмби не было с собой багажа, вероятно, потому что они были очень бедны. И их отец обошелся без всяких церемоний. Правда, он оставил Волфу свой адрес, чтобы тот писал ему, и без ненужных сцен распрощался со всеми четверыми.

Глава 23

206 До чего же неожиданно быстро все произошло! После того, как ушел отец Реми и Бэмби, на некоторое время воцарилась тишина. Но сразу же за этим оба мальчугана принялись с детским восторгом исследовать трейлер, ворвались в кухню, где нужно было, разумеется, изучить и открыть все, что не было заколочено гвоздями. До Волфа и Лиса, оставшихся в большой красивой комнате, доносились из другого помещения высокие, необузданные детские голоса обоих шалунов.

– Это прямо как дом, только он еще и ездить может, – слышались слова Реми.

– Нет, это цирк, – отвечал голос Бэмби. – Мы цирк, который может ездить. А я хозяин цирка.

– А вот и нет, вовсе даже нет, – раздался голос Реми. – Вовсе ты никакой не хозяин. Лис хозяин цирка. И он мне сказал, что я иногда тоже хозяин. Если ему понадобится к доктору, например, за микстурой.

Волф и Лис переглянулись. На улыбающемся лице Лиса была написана радость, но, как показалось Волфу, еще и лихорадочная напряженность, и под взглядом Волфа он опу-

тил глаза: в них появилось какое-то возбуждение, словно у него поднялась температура. Что все это значило?

– А когда мы уже поедим? – спросил Бэмби у Реми.

– Давай-ка отправляться, – сказал Лис необычным, требовательным тоном. Словно вопрос, который донесся до него из кухни, предоставил ему возможность предложить нечто, давно вертевшееся на языке. – Что скажешь?

207

Уже наступил вечер, но оставалось еще несколько часов до темноты. Нет, ничто не мешало им приступить к преодолению предстоявшего им пути, и Волф изъявил согласие выезжать.

До сих пор Лис во время поездок всегда сидел в кабине автомобиля рядом с Волфом; но теперь он предложил, что они с Реми останутся в трейлере, а в кабину к Волфу сядет Бэмби. Лис считал неразумным оставлять мальчиков вдвоем в трейлере, ибо, пояснил он, они могут заскучать и примутся шалить.

– Я тем временем устрою там поуютнее, – решил он. – У нас еще постирушка есть? Я и постираю тогда, и если вывесить белье снаружи, по пути все мгновенно высохнет.

Что он хотел сказать этими словами, задумался Волф. Разве в трейлере и без того не уютно? И с чего вдруг Лис стирку затеял?

Отъезжая – Бэмби сидел рядом с Волфом в автомобиле – Волф испытывал странное чувство. Он не мог не заметить, что в Лисе

за очень короткое время произошла перемена. Показалось ли ему, что Лис стал разговаривать с ним как-то по-новому? Что-то изменилось? Нет, думал Волк, очень даже возможно, что ему все это показалось, и Лис просто был немножко растерян из-за того, какой оборот, счастливый оборот, все приняло. Ведь это же именно так? Ибо Лис, его Лисенок, теперь счастлив, внушал себе Волф. Великая мечта Лиса о младшем брате, о подлинном маленьком братишке, который навсегда останется с ним и вместе с ним будет делать все, что делают друг с другом настоящие братишки, эта мечта теперь сбылась. Да, его желание, в сущности, сбылось в двойной мере, размышлял Волф, ибо в последний момент, благодаря дивной благосклонности провидения, было решено, что, кроме Братишки Ремми, Братишка Бэмби тоже может уйти с Лисом и навсегда остаться с ним. И в обществе друг друга, рассуждал Волф, эти двое проказников не слишком скоро начнут скучать по дому, как если бы отправился только один из них.

Бэмби был чрезвычайно оживлен, и рядом с ним у Волфа не оставалось времени на всяческие раздумья.

– Пиф! Паф! Пуф! – завопил Бэмби, когда они тронулись с места, и Волф наподдал газу. В руках мальчик держал воображаемый автомат, которым угрожающе поводил из стороны в сторону. – Дорогу! Цирк едет!

Волф не мог сдерживать улыбки.

– Мы ведь цирк, Волф, – оправдал Бэмби свою выходку. – Разве нет?

– Цирк... ну да, вроде того, – пришлось Волфу согласиться под напором детского энтузиазма. – Но в цирке обычно бывают всякие зверушки.

– Если мы хотим, чтобы у нас был зверь, то мы, значит, и есть этот зверь, – серьезно заявил Бэмби. – Это очень даже можно. Потому что у меня было ужасно много всяких клубов, и там я был зверушка, и этот зверушка был хозяин.

– Посмотрим, – отвечивал Волф. Его расстрогал голосок Бэмби и его беззаботные слова, но они в то же время настроили его на грустный лад. Он мил, Бэмби, да, очень мил... Очень милый мальчик, совсем как Реми... Но это ребенок, а не взрослый юноша... Ни один из них: ни Реми, ни Бэмби, не были взрослыми юношами... И как может ребенок, который еще и говорит, и думает по-детски, сделаться настоящим братишкой взрослому юноше, и делать с ним все, что делают друг с другом настоящие братишки?.. Да, Лис этого хотел... Лис полагал, что это можно, что такое в самом деле бывает...

Бэмби еще долго болтал в том же приподнятом тоне о клубах и о многочисленных своих мальчишеских геройствах. Волф слушал с прежним умилением, время от времени улыбался, но не мог при этом не думать о собст-

венной юности и родительском доме в родной деревне. Как сейчас там дела? Они никогда не бедствовали, но то единственное, великое и неисполнимое желание Волфа мешало ему быть полностью счастливым. Но этот невинный, простодушный мальчонка из чрезвычайно бедной среды, вот он был... вот он-то был счастлив и, казалось, не знал ни забот, ни тяжести неисполненных желаний...

Ух... Осторожно!.. задумавшись, Волф отвлекся от дороги. Резко крутанув руль, он успел вернуть автомобиль в нужную колею. Ему пришлось немного сбавить скорость, ибо уже смеркалось, и он начал уставать. Бэмби тоже явно принялся клевать носом и, кажется, досыта наговорился.

Когда они, не слишком газуя и на умеренной скорости спустились с холма так, что мотор и сам автомобиль производили мало шума, Волф услышал за спиной, поверх гула мотора, смех и пение. Лис и Реми, похоже, веселились в трейлере вовсю, заключил Волф. Не проехать ли ему еще немного? Нет, он в самом деле чувствовал, что очень устал, и принялся высматривать подходящее место для стоянки. Заметив впереди порядочное расширение на обочине, остановил там автомобиль и трейлер.

Они с Бэмби вышли и направились в трейлер. Внутри Волф почувствовал – или ему снова это показалось? – что он потревожил уединение Лиса и Реми. На Лисе был костюм лиса,

а Реми был одет в костюм кролика, который Волф с Лисом по случаю так дешево приобрели в придачу к костюмам волка и лиса.

– Что-то ты быстро остановился, – сказал Лис с заметным нетерпением в голосе. – Устал? – добавил он, однако, довольно торопливо, настраиваясь на дружелюбный тон.

– Да, есть немножко, – отвечал Волф. – И уже совсем стемнело. Думаю, что на ночь нам нужно остановиться здесь.

211

Реми восторженно поведал, что они с Лисом изучали игру с пением и плясками, в которой рассказывалось о лисе в лесу, который очень сильно любит кролика и хочет, чтобы кролик сделался его братишкой и всегда был с ним. Но кролик сперва очень боялся лиса, ведь лис всегда хочет поймать и слопать кролика. И только в самом конце кролик перестал бояться лиса, и они с лисом сделались дружками и братишками на веки вечные.

– Лис хочет, чтобы кролик был его, душой и телом, – восторженно сказал Реми. – Прямо как в лесу.

– Да, – кивнул Волф и замолчал. Лис тоже ничего не говорил, но взглянул на Волфа требовательно и в то же время вопрошающе. Бэмби засыпал на ходу и определенно слишком вымотался, чтобы говорить.

Теперь, когда наступила ночь, и выезжать предстояло лишь утром, нужно было поесть перед тем, как ложиться спать. Лис снял лисьи одежды, но Реми ни за что не желал рас-

ставаться с костюмом кролика, и Лису пришлось долго убеждать его переодеться.

212 Поскольку все были довольно уставшими, Лис предложил ничего не готовить, а довольствоваться простыми бутербродами. Он накрыл стол в кухне. Для мальчиков Лис приготовил побольше бутербродов, нежели для Волфа и себя, и правильно сделал, ибо через несколько минут голодные шалуны слопали все до крошки.

– Так, и как мы ляжем? – начал Лис, но тут же продолжил, не ожидая ничьего ответа и устремив взгляд на Волфа: – Ты ведь, конечно, хочешь, чтобы Бэмби остался с тобой?

По тону Лиса, да и по его взгляду Волф понял, что речь идет не о чем-то второстепенном, хозяйственном, например, как наиболее практично распределить спальные места. Тут было что-то необычное, что-то настойчивое со стороны Лиса.

Из последовавшего разговора выяснилось, что Лис считает очень важным провести ночь с Реми в одной комнате, но чтобы и Волф совсем отдельно спал вместе с Бэмби в другой комнате. Кроватей было три, две из них широкие, и при необходимости в них поместились бы двое, и уж точно, если речь шла об одном взрослом и о ребенке. Кроме этих двух кроватей, имелась еще раскладушка Волфа, служившая скамьей в кухне. На раскладушке при всем желании двое поместиться не могли. Нет, точно никак. И потому Лис предложил

перенести в кухню одну из двух кроватей, которые вмещали двух человек, чтобы Волф мог спать в ней вместе с Бэмби.

Волф не считал бы все это необычным, касаясь дело простого соглашения о том, как лучшим образом использовать имеющиеся спальные места; но для чего нужны были такие точные договоренности насчет мальчиков: чтобы он и Бэмби спали в кухне, а Лис и Реми – в комнате?

213

Волф высказался и дал ответы, но сделал это механически, ибо в то же время пытался понять, в чем был смысл этих непонятных хлопот. Он не до конца понял, он понял не в точности, внушал он себе. Или все же понял отлично? Или, может быть, не хотел понимать?

– Ах, да к чему вся эта возня с кроватями, – сказал Волф рассеянным тоном, пытаясь в то же время размышлять и доискаться до сути происходящего. – Оставь их в комнате. У меня есть походный матрас и спальник. Я лягу на полу в кухне, а Бэмби на раскладушке.

Бэмби уже явно валился с ног, но Реми по-прежнему не выказывал ни малейшего признака усталости. Почти все его внимание было занято Лисом, к которому он то и дело прижимался, и тот, с мечтательным и в то же время лихорадочным выражением в глазах, поглаживал волосы и ушки Реми или игриво щекотал его.

– Лис хочет, чтобы я был его, душой и телом, – сказал Волфу Реми своим беспечно-гром-

ким детским голоском. – А Бэмби будет твой душой и телом, Волф.

Несколько мгновений никто ничего не говорил. Слова Реми глубоко проникли в Волфа, ибо они тем или иным образом означали нечто радикальное, осознал он. Но что именно, ему было пока неясно или по той или иной причине не желало укладываться в голове.

214

Но теперь, следовательно, они отправлялись на покой, обойдясь без перетаскивания кроватей. Волф с Бэмби оставались в кухне, Лис и Реми – в большой красивой комнате. Волф постелил Бэмби на раскладушке, а для себя разложил на полу матрас и спальный мешок.

– Сейчас мы будем сладко спать, – механически сообщил он Бэмби, дабы скрыть непонятную удрученность. – Завтра будет новый день. – Да, правда, но что принесет этот день; что принесут дни, которые последуют за ним?

– Волф, ты еще сыграешь на гитаре? – спросил Бэмби.

– Ладно, – ответил Волф. – Если ты сначала, как хороший мальчик, ляжешь в кроватку. – Бэмби не нужно было повторять дважды, и в мгновение ока он уже лежал на раскладушке под одеялом. Волф присел в изножье кровати и принялся тихонько подстраивать гитару, пытаясь при этом рассуждать. Бэмби, полусидя на раскладушке, боролся со сном, угрожавшим лишить его восторгов от грядущей игры и пения Волфа.

– А ты споешь тоже, Волф? – спросил он. Волф кивнул, продолжая настраивать инструмент.

Настала ночь. Завтра предстоял новый день, и Волфу перед сном не хотелось терзаться напрасными размышлениями, но мысли кружились и ворочались у него в голове, и он ничего не мог с этим поделать.

Чего хочет Лис? Лис был счастлив с Реми, который уже сделался ему настоящим братишкой, и отныне эти двое, Лис и Реми, как настоящие братишки, будут всегда вместе и станут делать друг с другом то, что делают настоящие братишки... Но что отныне будет значить для Лиса он, Волф?.. Волф прикрыл глаза. И где теперь место... Бэмби?..

– Ты будешь играть, Волф?.. – спросил Бэмби.

– Да, сейчас, зверушка, – отвечал Волф. Он закончил настраивать инструмент и взял для пробы несколько аккордов. «Бэмби, – думал он, кто такой Бэмби?.. Чего хотел Лис от Бэмби? Или же Волф ошибался, или Лис хотел, чтобы Волф и Бэмби сделались братишками таким же манером, как Лис с Реми, и делали друг с другом все, что делают настоящие братишки?..»

Волф взглянул на невинное, сонное, но по-прежнему сияющее ожиданием мальчишеское личико Бэмби. Реми был еще ребенок, но Бэмби тоже, и в гораздо большей степени, поскольку был сильно младше своего братика. Бэмби был милый мальчик, и Волф хотел очень хорошо о нем заботиться, но то, что имел в виду Лис, было нельзя... Как может ребенок, который

еще далеко не настоящий мальчик, и у которого под одежкой нет того, что делает его настоящим мальчиком, стать Волфу подобным образом братишкой... таким образом, который имеет в виду Лис?..

216 «Бэмби будет твоим душой и телом, Волф», – прозвучал у него в мозгу голос Реми. Но этого нельзя... Нет. Но что же сейчас можно?.. Был ли Лис по-прежнему его, Волфа, братишкой?..

– Ну же, Волф, давай играй, – вновь взмолился Бэмби.

– Да, зверушка, – отвечал Волф, взяв себя в руки. Нет, он не должен позволить этому невинному ребенку заметить его переживания и сомнения. Что же ему спеть для Бэмби? Он решил выбрать песню, которую исполнял тысячи раз, выступая один. Это была песня о долгой дороге, под ветром и дождем, в которой воспевалась сама жизнь, и которую он в горе и в радости, при большом стечении зрителей или на полупустой площади всегда охотно пел, поскольку эта песня придавала ему мужества. Он начал с припева:

*Одинокий ветер сбивает с ног,
И дождь шумит неприветный
До чего дальний путь одинок,
Если ты сиротинушка бедный.*

Бэмби слушал как замороженный. Волф играл и пел очень тихо, чтобы не потревожить сон Лиса и Реми в большой красивой комна-

те, но в коротких паузах между куплетами он время от времени слышал низкий голос Лиса, перемежающийся вскриками и смехом Реми.

– Ты эту песенку совсем-совсем сам придумал? – спросил Бэмби. Волф кивнул.

– Это совсем-совсем грустная песенка? – поинтересовался Бэмби.

– Немножко, – признался Волф.

– Как странно, – серьезно заявил Бэмби... – 217
Я думал, что песня всегда бывает веселая. Потому что когда поешь, тебе всегда весело.

– Не всегда, – отвечал Волф тихо. Из другой комнаты вновь слышались смех и радостные вскрики.

– Лис, он здорово там с Реми возится, – констатировал Бэмби. – А ты разве не хочешь со мной повозиться, Волф?

– Бэмби, поздно уже, – ответил Волф.

– Лис хочет, чтобы ты со мной здорово возился, – сообщил Бэмби. – И чтобы я был твоим, душой и телом.

– Теперь нам нужно спать, – все, что смог ответить на это Волф.

– Тогда завтра? – настаивал Бэмби.

– Посмотрим, – закончил разговор Волф. Он слегка погладил Бэмби по волосам, поцеловал на сладкий сон и залез в спальник на полу. Теперь во всем трейлере воцарилась тишина. Волф попытался расслабиться и выбросить из головы мрачные мысли, угрожавшие овладеть им. Но только спустя некоторое время усталость взяла верх, и он уснул.

Глава 24

218 На следующее утро они были готовы продолжать путь. Если не мешкать, то они смогут в тот же день достичь границы Поврании. Это было важно, ведь в самой Поврании они не могли получать денег за свои песни и пляски. А денег у них оставалось мало, да и запас продуктов, который они собрали перед долгой поездкой в Повранию, порядочно уменьшился. Только в родной стране будут они в состоянии песнями и плясками обеспечивать свое существование. Да, в самом деле, это было наилучшим решением, если они одним броском доберутся до границы.

Волф решил ехать тем же путем, которым приехал сюда. Теперь он более-менее знал дорогу, и к тому же им предстояло пересечь границу в том же месте, где несет вахту в своей ветхой сторожке старик-пограничник. При въезде в Повранию он спрашивал у Волфа и Лиса, смогут ли они, случись такая возможность, как можно больше собрать для него поношенной одежды и вязаных вещей, из которых он нарежет пригодный материал для детского зимнего платья. И Волф с Лисом хорошо за-

помнили эту просьбу старого пограничника и всякий раз, если им было по карману, то тут, то там покупали старые вещи. И еще они, памятуя об особой просьбе, высказанной в последний момент, закупили некоторое количество новой шерсти, которая оказалась недорогой и крепкой. Но эта шерсть была некрашеной, и поэтому они, дабы исполнить другую скромную просьбу пограничника, прикупили также пару-другую мотков новой шерсти, которая, конечно, оказалась подороже, но была окрашена в различные оттенки.

Да. Главное было выехать с утра пораньше, чтобы по возможности еще до наступления вечера, при дневном свете, пересечь границу.

О том, что угнетало Волфа и навевало на него мрачные мысли, не было сказано ни слова. Незадолго до отъезда Реми и Бэмби поссорились из-за того, кто будет сидеть в автомобиле рядом с Волфом.

– Нет, Бэмби останется с Волфом, – строгим голосом постановил Лис, не спрашивая Волфа. – Тебе было здорово ночью, Бэмби, совсем одному с Волфом? – продолжил он. Это не было вопросом, понял Волф, ибо заметил, с каким напряжением тот ожидает ответа мальчика.

– Волф здорово сыграл на гитаре. Это была песенка, – сообщил тот. – А потом... – при воспоминании его юное личико омрачилось разочарованием.

– Да... и потом? – спросил Лис, бросив осторожный взгляд на Волфа.

– Ну, потом мы легли спать, – закончил Бэмби свой отчет о прошлом вечере. Лицо Лиса застыло, но больше он ничего спрашивать не стал.

220 Когда они пустились в путь, и Волф сел за руль, а Бэмби рядом с ним, он не стал вникать во все, что мальчик болтал своим неутомимым детским голоском, но развил немалую скорость и попытался полностью сосредоточиться на дороге.

Наконец, сильно после полудня, но задолго до наступления вечера, они достигли границы. Старый пограничник узнал их и весьма сердечно поприветствовал. Он уже принялся было расспрашивать Волфа и Лиса о результатах их изысканий в Поврании, как вдруг заметил вышедших на улицу Реми и Бэмби. Старик внезапно замолчал, и лицо его омрачилось.

– Этот номер не пройдет, – тихо пробормотал он, словно разговаривая сам с собой. – Тут так мало автомобилей проезжает.

Что означают эти слова, задался вопросом Волф. Или они вовсе ничего не означают, кроме того, что пограничник просто несколько углубился в свои мысли?

Волф вытащил собранные для пограничника старые носильные вещи, а Лис принес сверток с некрашеной шерстью и моточками цветных вязальных ниток. Принимая дары, пограничник растроганно покачал головой.

– Как это мило с вашей стороны, подумать о моей просьбе, – сказал он, однако в то же

время, мельком взглянув на вещи и шерсть, озабоченно перевел взгляд на Реми и Бэмби. – Мальчикам тоже нужна одежда, когда зима наступит, – заключил он. – Где они живут?

– Мы будем плясать и петь, – с воодушевлением заявил Реми. – Мы будем колесить по белу свету. Я с Лисом, душой и телом. А Бэмби душой...

– Помолчи, Реми, – прикрикнул Волф. Он подробно объяснил пограничнику, что отец Реми и Бэмби поручил им обоих мальчиков, чтобы обучить их петь и плясать, дабы вместе они колесили по белу свету и выступали.

– Мы цирк! Пиф-паф-пуф! – крикнул Бэмби, перебивая Волфа. Лис одернул его.

– Ты имеешь в виду, что вы хотите забрать мальчиков с собой? За границу?.. – хмуро заинтересовался пограничник.

– Да, но тут все в полном порядке, – вступил Лис. – С их отцом мы договорились. Все полностью улажено. У меня есть его адрес.

– Улажено? – печально проговорил пограничник, покачивая головой. – Не получится... Детям нельзя покидать Повранию.

– Но ведь все в порядке... Это можно... – с нажимом заверял его Волф, у которого было тяжело на душе. Произошло ли какое-то недоразумение, и пограничник, чересчур рьяно выполнявший свои обязанности, забрал себе в голову какую-нибудь глупость? – Их отец счел это совершенно нормальным... – закончил он, заметив, что его бросило в пот. «Что счел

их отец совершенно нормальным?» – прошелестел его внутренний голос.

– Да, охотно верю, – сказал пограничник, на этот раз самым доброжелательным тоном. – Я вижу, когда человек правду говорит. Но все равно нельзя. Никому нельзя увозить ребенка из Поврании. Одобряют ли это родители или нет... – Он вновь медленно покачал головой, и было ясно, что ему самому тяжело это сообщать. – Им, – он указал на мальчиков, – им за границу нельзя.

Глава 25

В течение нескольких мгновений Волф сомневался, реально ли все вокруг происходящее. Они вчетвером стояли у распахнутой двери сторожки, и никто не произносил ни слова. Может быть, это некий злобный обман, спросил себя Волф, или дурацкая шутка? Но, взглянув на Лиса, по его лицу понял, что тот слышал те же слова. 223

Все вокруг было тихо, словно застыло, и внешне ничего не изменилось: кажущаяся такой приветливой дощатая сторожка, пейзаж, небо, все выглядело так, как прежде, но у Волфа было ощущение, что окружающее в любой момент может яростно обрушиться на них.

То, что происходило сейчас, было слишком ужасно, чтобы вот так сразу с ним свыкнуться. От всего: от поездок и странствий Волфа по белу свету в поисках исполнения его великого желания – что вдруг осталось от всего этого?..

Волф снова взглянул на Лиса. Ему самому было не до смеха, но он сознавал, что ради Лиса должен взять себя в руки.

– Что... что нам делать теперь, Лис?.. – наконец, вымолвил он и увидел, что Лис с трудом подыскивает слова для ответа.

– Я принес тебе только несчастья, Волф, – было первое, что произнес дрожащим голосом Лис.

Несчастья?.. Что он хочет этим сказать? Что виноват во всем? Но ведь это же было не так? Чего Лис хочет?

224

Теперь Волф испугался, что более не сможет сдерживать своих чувств и ударится в слезы. Нет, этого было нельзя: если один из них потеряет самообладание, осознал Волф, то они тут сырость разведут. Но даже если собрать мужество в кулак и посмотреть правде в глаза – что можно сделать в подобной ситуации?..

Реми и Бэмби стояли в растерянности. Было неясно, осознают ли они до конца, что происходит, но их по-детски испуганные глазенки метались от Волфа к Лису: это ведь взрослые, они всё уладят. Но уладить ничего было нельзя...

– Что ты хочешь, чтобы мы сделали? – на удачу вновь спросил Волф.

– Я мальчиков не брошу, – отвечивал Лис. При этих словах он глядел в землю, словно чего-то стыдясь.

– Но... как же это?.. – спросил Волф. – На что мы будем жить в этой стране?..

– Тебе нужно... думать о себе, Волф, – ответил Лис. Волф не сразу сообразил, что он имеет в виду, но то, что эти слова означают нечто очень печальное и непоправимое, он понял.

– Я останусь с тобой... Я не оставлю тебя одного... – умудрился выговорить Волф. Но он больше не мог сдержать слез и разразился рыданиями.

Пограничник очень им сочувствовал, это было очевидно. Он жалостливо покачал головой, вышел из сторожки, отошел подальше и уселся на скамейку, словно больше не хотел быть нескромным свидетелем их горя. Реми и Бэмби теперь тоже прониклись этим горем, ибо подбежали к Лису и прижались к нему, показывая, что не хотят разлучаться с ним.

225

– Ты должен оставить меня, Волф, – сказал Лис. – Что тебе с меня толку. Ты должен подумать о себе. Ты должен ехать дальше один.

Теперь Волф в полной мере осознал, какое решение принял Лис. Сначала он подумал не о себе, а о Лисе, Реми и Бэмби. Стало быть, он решил остаться с обоими мальчиками в Поврании?.. Но как они справятся, без транспорта или без крыши над головой? Да еще в такой бедной стране? На что станут жить?..

Только после того, как все это дошло до него, Волф подумал о себе. Один... Он снова будет один, будет странствовать в одиночестве... Но с какой целью?.. Неужто все было напрасно?.. Не может ли он... не могут ли они вчетвером остаться в Поврании?.. Но об этом Лис не заговаривал...

И тут до Волфа дошла вся правда: он больше не был братишкой, настоящим братишкой

Лиса... Лис теперь обрел настоящего братишку в Реми...

226

Волфу удалось взять себя в руки. Он не должен настаивать ни на чем, чего не предлагал и не называл Лис, который хотел остаться с Реми и Бэмби в их стране, ибо только с ними, двумя своими братишками, мог он быть счастлив... И счастье Лиса важнее, счел Волф, нежели его собственное. И теперь он совершенно определенно знал, что должен покончить со скитаниями в поисках того, чтобы найти несуществующее, в любом случае существующее не для него... Он попросту должен вернуться в родную деревню...

– Да, Лис, если ты так хочешь... – сказал Волф как можно спокойнее, – дальше я поеду один. Но как же вы справитесь? Осталось еще немного денег. Я отдам их тебе.

– Ты уже сделал для меня куда больше, чем я заслуживаю, Волф, – ответил Лис. – Мы справимся. Если мальчики бедны, я тоже буду беден.

Волф хотел дать Лису оставшиеся деньги, оставив себе небольшую сумму на первые дни, пока не начнут появляться деревни и города, где он сможет выступать и собирать деньги. Но Лис и слышать об этом не хотел. Волф хотел даже оставить ему трейлер и как можно скорее прислать денег на покупку лошади, которая могла бы тащить дом на колесах. Ведь когда он вернется в свою деревню, на что ему там трейлер? Он вполне удовольствуется автомобилем...

– Нет, Волф, – решительно ответил Лис, – ты должен оставить себе все. Это твоя жизнь, и имущество все твое.

Пограничник вернулся к ним, и Лис объяснил ему, что он с Реми и Бэмби хочет остаться в Поврании, и что Волф с автомобилем и трейлером сейчас собирается покинуть страну.

Пограничник кивнул, но долгое время не произносил ни слова.

227

Теперь оставалось только разделить пожитки. С заплаканным лицом, но изо всех сил стараясь держать себя в руках, Волф принялся выгружать из трейлера имущество Лиса. Но также и другие вещи, которые, как он полагал, этим троим очень могут понадобиться: например, как можно больше съестных припасов, которые подлежали хранению. Но как они станут их перевозить теперь, лишившись транспорта?..

Похоже, у пограничника были такие же соображения, как и у Волфа.

– Знаешь что? – приветливо обратился он к Лису. – Вы эту ночь можете провести у меня. – Он указал на старый ветхий дом, стоявший в некотором отдалении от границы, в котором даже не все окна были целы. – Если вы удовлетворитесь моим предложением. Я живу один и сам должен обо всем заботиться. Жить бобылем не всегда приятно, – добавил он, немного помолчав.

Услышав эти слова, Волф стал внушать себе, что не один он такой на свете, обреченный на одиночество. И он, Волф, еще может свобод-

но странствовать, в то время как этот пограничник, уже немолодой человек, возможно, до конца жизни обречен оставаться на своем одиноком посту и жить в старом, ветхом доме...

228

Нужно было еще решить насчет пары принадлежностей. Волф выгрузил костюмы животных, те самые: лиса и кролика, в которых Лис и Реми уже упражнялись в пении и плясках. Но как быть с костюмом волка? Зачем ему, одинокому, этот костюм?.. Нет, его он тоже выгрузил, чтобы оставить тут. Может быть, он понравится Бэмби. Ибо тот ведь исполнял песенку и танец волка?..

Напоследок Волф вытащил вещмешок Лиса и, держа его в руках, словно бы в последний раз держал в объятиях Лиса. Счастье приходит с моря, вспомнилось ему, и он опять с трудом удержался от рыданий, сжавших ему горло. Счастье. Да, но для кого?..

И вот наступил неотвратимый момент прощания. Волф протянул руку пограничнику и обнял Реми и Бэмби. Он наказал обоим слушаться Лиса и быть добрыми к нему. Напоследок он с тяжелым сердцем подошел к Лису.

– Лис... Лисенок... – задыхаясь, сказал он. – Ты никогда не станешь думать обо мне плохо?

– Но Волф, – отвечал Лис, который, в свою очередь, тоже не мог сдержать слез, – как ты можешь говорить такое?.. Как я могу когда-нибудь думать о тебе плохо... – голос его сорвался.

– Послушай, Лис, – умоляюще проговорил Волф. – Ты будешь мне писать?.. Я возвращаюсь

в свою деревню... родную деревню... Я дам тебе адрес... Где мне записать его?..

Пограничник пошел в сторожку за ручкой и чернилами. И еще принес школьную тетрадку, из которой вырвал листок. На нем Волф записал свой адрес и отдал его Лису.

– Обещай, что станешь писать?.. Обещай писать, если попадешь в беду?.. Обещай мне...

– Да, обещаю, – сдавленным голосом ответил Лис. 229

В следующее мгновение они оказались в объятиях друг друга.

– И все же я навсегда останусь твоим братишкой, – всхлипнул Волф.

– Да, я тоже, – задыхающимся голосом прошептал Лис. И они расстались.

Глава 26

230 До чего же тяжело было Волфу путешествовать теперь, когда он вновь остался совсем один! Нет, это больше не было существование, которое ему хотелось бы продолжать. Волф был по-прежнему верен своему решению: навсегда сказать «прощай» скитальческой жизни и вернуться в родную деревню. Теперь он вновь почувствовал угрызения совести, что так и не собрался написать домой, не давал знать о себе. Как теперь там, дома, где он так долго не был? Много ли изменилось, или люди по-прежнему будут считать ненормальным его желание плясать в одиночку? Волф не был уверен, что у него еще осталось желание плясать.

Порой он останавливался где-нибудь в деревне или городке, припарковывал автомобиль и трейлер на площади, но к пляскам вынудить себя ни разу так и не сумел. При мысли о танцах на него нападала грусть, ибо тогда он думал о Лисе, которого ему пришлось навсегда оставить в Поврании. Все ли сложится у Лиса удачно? – с тревогой спрашивал себя Волф.

Нет, он больше не мог заставить себя плясать, но все же ему нужно было каким-то обра-

зом выступать на публике, ибо путь был длинный, а деньги таяли с каждым днем, как бы он ни старался экономить. И потому, собрав достаточное количество любопытных, он усаживался на ступеньку задней лестницы трейлера и играл на гитаре, а потом постепенно переходил к песням. Поскольку ему было не весело, он выбирал исключительно грустные песни, воспевающие жизненные страдания и печаль, которая так часто идет рука об руку с любовью. Если какая-то часть песни была слишком душеспипательной, Волф поневоле вспоминал о собственной жизни, и голос его становился очень тихим. Но тогда зрители, затаив дыхание, начинали прислушиваться еще внимательнее.

Закончив пение, Волф не мог заставить себя пойти со шляпой по кругу: что людям, у которых полно своих забот и тревог, до этих грустных песен? Но что удивительно: после игры и пения зрители по собственному почину подходили к нему, молча кивали и клали деньги к его ногам. Когда Волф пересчитывал выручку, оказывалось, что она не меньше, чем бывало прежде. Означало ли это, что отныне ему больше нет нужды плясать, и тем не менее он сможет зарабатывать себе на пропитание?

Чем короче оставался путь до родной деревни, тем беспокойнее и неувереннее становился Волф. Как примут его на родине? Не станут ли насмехаться над ним, теперь, когда он, так сказать, вернулся с поджатым хвостом?

Когда он, наконец, к вечеру заметил на горизонте очертания деревни, им овладело уныние: неужели это конечная цель его скитаний и странствий?

232 Въехав в деревню, он не заметил крупных перемен. Там и сям исчезла лавка или разрушился домик, но в остальном жизнь, похоже, шла своим чередом. Порой он замечал на улице ребят, с которыми учился в школе: теперь они превратились в мужчин, так что он с трудом узнавал их. Его же самого, когда он проезжал мимо, и вовсе не узнавали: он ведь тоже сделался взрослым. И узнать его было трудно еще и потому, что он больше не подстригал волосы, а довольно сильно отпустил их.

Волф поставил автомобиль и трейлер на небольшой площади, которая располагалась неподалеку от его дома, и через минуту с трясущимися коленками стоял перед дверью. Садик перед домом несколько изменился, но в остальном все выглядело по-прежнему. Ключа у него не было: уезжая, он оставил его, поскольку не намеревался возвращаться никогда. Как примут его? Волфу пришлось перебороть нерешительность, прежде чем собраться с духом и позвонить.

Дверь открылась; на пороге стояла Виола, любимая сестричка Волфа. Узнала она его лишь через несколько мгновений.

– Ох, Волфинька, – только и нашлась она, раскрывая объятия и с плачем прижимая к себе Волфа. Волф тоже не сдержал слез, и, вы-

тирая их, брат и сестра направились в гостиную.

До чего же тихо было в доме! Волф узнал, что их родители умерли, один за другим. Остальные сестры тем временем все вышли замуж и разъехались. Виола осталась в доме одна.

– Волфинька, ты же больше не уедешь? – умоляюще спросила Виола. Волф не знал, что ответить. Виоле приходилось нелегко, ибо ее доля унаследованных от родителей денег уже подходила к концу. Волф вновь выругал себя за то, что ни разу не дал знать о себе, не выбрал адреса, проезжая мимо которого мог бы забрать письма из дома. Тогда он, конечно же, послал бы Виоле сэкономленные деньги.

Приготовив для брата вкусную горячую еду, Виола еще долго сидела и беседовала с Волфом, покуда того не стали одолевать усталость и сон. Виола рассказала ему, что изменилось, кто умер и кто уехал из деревни. Вначале люди еще нередко спрашивали о Волфе, но, поскольку Виола не могла сказать им, где он сейчас, расспросы постепенно прекратились. Да, и еще юноша или молодой человек, не из деревни, пару раз заходил справиться о Волфе.

– Адриан... Нет, Андреас, звали его, кажется, – сказала Виола.

– А не Андре ли? – дрожащим голосом спросил Волф. Да, точно, ответила Виола. Единственное, что она могла поведать юноше, это то, что Волф отправился колесить по белу свету,

и что с тех пор от него не было никаких вестей. Нет, ни фамилии, ни адреса этот Андре не оставлял и в последний раз он заходил, кажется, год назад.

Волф описал Виоле наружность этого молодого человека, Андре, и точно, все совпало.

– У него с собой был велосипед и на багажнике что-то продолговатое, – добавила она.

234

Что-то продолговатое на багажнике... Волфу вдруг сделалось очень грустно, но он, как мог, скрыл это от Виолы. Он замолк, но Виола решила, что он просто устал с дороги.

– Твоя комнатка осталась такой же, Волф, – сказала она. – Можешь спать в своей кроватке, когда захочешь. Завтра будет новый день.

– Да, завтра будет новый день, – тихо повторил Волф. Но что принесет этот день; что принесут дни, которые последуют за ним?

Должен ли он отныне жить в родной деревне, с Виолой, и пытаться тем или иным образом заботиться о ней?

Волфа одолело беспокойство: будущее выглядело далеко не в розовом свете. Но чтобы скрыть тревогу от Виолы, он чмокнул ее на ночь и улегся в постель в своей прежней комнатке, в которой ничего не изменилось.

Глава 27

Проснувшись утром, Волф, хотя и чувствовал себя отдохнувшим, по-прежнему не знал, что думать и как обустроить свое будущее. Но он попытался как можно лучше спрятать от Виолы мрачные мысли и сомнения. Та встала рано и устроила Волфу сюрприз, подав кофе в постель, и побаловала его поджаренными бутербродами с сыром. 235

«Надо мне пойти пройтись», – подумал Волф, умывшись и одевшись. Прогулка на свежем воздухе показалась ему недурной идеей. Возможно, она отвлечет его от мрачных раздумий и наведет на иные, менее скорбные мысли.

Разумеется, дороги в деревне он отлично знал. Сперва он отправился на кладбище, навестить могилу родителей. Стоя у их надгробия, он сердцем скорбел о том, что после своего отъезда больше их не увидел, и что они умерли, ничего не зная о том, где он и что за жребий ему выпал. Смогут ли их души, которые обрели жизнь вечную, видеть его теперь, приносящего запоздалые почести их могиле? Кто знает...

Покинув кладбище, Волф не направился напрямиком к родительскому дому, а решил

прогуляться подалее. Приятно было размять ноги и спокойно подумать. Чем ему заняться в будущем? Может быть, лучше продолжать странствовать и скитаться в одиночестве? Может быть, снова сорваться и во второй раз, но теперь уж точно навсегда, отправиться в привольный мир?

236

Волф шел, погруженный в свои раздумья, и не замечал, в каком направлении движется и куда несут его ноги.

Мало-помалу он покинул центр и свернул на одну из тихих улочек, ведущих на окраину деревни. Механически двигаясь вперед, он не замечал, что строений становится все меньше, и что он приблизился к территории, граничившей с дикой природой.

Только тогда, когда закончился асфальт, превратившись в проселочную дорогу, Волф очнулся и огляделся. Прямо перед ним расстился просторный луг, а на той стороне началась опушка леса.

Луг лежал под солнцем пустой и безлюдный. Нет, все же нет: в самом дальнем правом углу, на той стороне, стало быть, под сенью деревьев на опушке, стояло маленькое... что это?.. Не сарайчик, ничего такого в этом роде... Нет, это палатка, маленькая палатка...

Волф остановился. То, что он видел вдалеке, могло быть только треугольничком цвета хаки. Он заметил, что дрожит, и его внезапно охватил холод. Отчего от вида этой в сущ-

ности бессмысленной лужайки на него вдруг нахлынула бесконечная печаль?..

У палатки что-то двигалось. Волф прищурился, чтобы лучше видеть. Изю всех сил вглядевшись, он удостоверился, что это человеческая фигура, склонившаяся или сидящая у входа в палатку, лицом к Волфу.

Картина эта что-то ему напомнила, но он не мог сообразить, что именно... если только... это было что-то грустное... да, что-то очень печальное... Но что же?

237

Волф решил, что уже вполне нагулялся и далеко забрел. Не пора ли повернуть назад?.. Но он по-прежнему стоял недвижим, не в силах отвести взгляда от маленького треугольника цвета хаки вдали, на той стороне луга. Волф хотел отвернуться от этой картины и направиться назад, но в то же время она притягивала его. Почему?..

Прежде чем он осознал, что делает, Волф шагнул вперед и пошел по лугу. Не странно ли, что его тянуло к этому очень печальному?..

Волф сам не знал, почему, но чувствовал, что ему нужно к этой палатке, хотя он и не решился... Как странно...

Он пересек луг не наискосок, что было наикратчайшим путем к палатке. Нет: он пошел напрямик и вышел на опушку с левой стороны, и только потом направился к палатке. Он спросил себя, почему, учитывая неизвестные опасности, он как бы подкрадывается к ней...

На опушке Волф ускорил шаг. Он должен был подойти к палатке: вот все, что он знал, но по-прежнему не знал, почему... Что-то заставляло его сердце испуганно биться.

И вдруг воспоминание, которое всегда было с ним, но которое он не допускал в свои мысли, начало, наконец, прорываться к нему и обретать очертания. Эта палатка... Если эта палатка вдруг... Но этого не может быть, нет, никак не может... Это просто сон, бред, то, к чему он приближается... Он может избежать боли, если повернет назад...

Но Волф не повернул назад. Вместо этого он только ускорил шаг в том же направлении. Из уст его вылетали обрывки фраз, которые он выговаривал, задыхаясь. «Если... если это... Нет, нет... Но... если это...»

Достигнув палатки, он сперва застыл у закрытой стороны, и лишь спустя некоторое время осмелился податься к входу. Во рту и горле у него совершенно пересохло.

Перед глазами у него что-то двигалось. Никто, сидевший в палатке, чуть дальше входа, поднял на него глаза.

Да, это был он... но как это возможно... это какая-то иллюзия...

Человек встал и шагнул вперед... В следующее мгновение он протянул руку.

Волф услышал голос. Это был не его голос.
– Волф, – явственно произнес голос. – Волф...

Глава 28

Это был... Нет, это не сон... Это был он и никто иной: Андре, мальчик, которого он давным-давно повстречал здесь, на этом самом месте и в этой самой палатке, но больше никогда не видел... 239

Волф в своей юной жизни уже столько всего пережил, что сперва уверялся в радости и счастье, которые затем всегда обращались печалью, поэтому он, собрав в кулак всю свою волю, попытался преодолеть волнение.

– Андре, – все, что он мог сказать, взяв протянутую руку. За несколько мгновений он вновь пережил прошлое, когда на этом же лугу, в точности на этом же месте он вошел в эту же палатку. С тех пор они с Андре больше не виделись, ибо клочок бумаги, на котором Андре тогда записал свой адрес, Волф каким-то образом утратил и так и не сумел найти.

Было заметно, что Андре так же взволнован их встречей, как и Волф, ибо он тоже первые несколько мгновений безмолвно смотрел на него и лишь пару раз произнес его имя. Наконец, он первым прервал молчание.

– Давай присядем, Волф, – сказал он. – Сюда.

Они уселись рядом на спальник Андре, у входа в палатку, лицом к лугу. Погода стояла теплая, и ровно в тот момент, когда они сели, вышло солнце, и нежный, светло-зеленый свет пролился на них сквозь полотно палатки. И теперь Волфа совершенно унесла волна воспоминаний о том, как он здесь, давно, поздним полуднем, сперва играл для Андре на его гитаре, а потом плясал, и как Андре все это время не сводил с него глаз. Волф осознал, что он уже тогда, сам того не понимая, надеялся и желал, чтобы Андре сделался его братишкой и они навсегда остались вместе. Нет. Тогда ни один из них не сказал об этом ни слова...

240

А теперь?.. Все желания Волфа, все его надежды воплотились в того, кто вновь, во второй раз, сидел рядом... Но что это значит?.. Тогда Волф не мог высказать того, что чувствовал в глубине души. Теперь мог, ибо знал, что это такое, и знал нужные слова... Но что, если Андре сочтет эти слова странными и не поймет их?.. Ибо как знать, испытывает ли он то же влечение, и происходит ли с Андре то же, что и с ним, Волфом?..

Да, Андре спрашивал о нем и отыскивал адрес родительского дома Волфа, но означало ли это, что Андре желал его так же, как он, Волф, желал Андре?.. Его палатка вновь стояла здесь, но что, если все это было лишь совпадением?..

– Скажи, Волф, ты знаешь, что сегодня за день? – спросил Андре, с улыбкой глядя на Волфа. Он не изменился, лишь немного повзрослел. Его гладкие темные волосы отросли, но юношеское лицо было по-прежнему открытым; Волф не мог долго смотреть на него, не пунцовея, и ему приходилось опускать глаза.

– Что за день... – пролепетал Волф. – Сегодня... сегодня... 241

– Нет, я имею в виду дату, – сказал Андре. – Сегодня тот же самый день, Волф.

Волф отлично расслышал, что сказал Андре, но что тот имел в виду? Волф не понял. Из-за того ли это, что он, как замороженный, глядел на рот Андре с темным, чуть заметным пушком над верхней губой и на скулах, делавшим его настоящим юношей?..

Но теперь Андре объяснил Волфу, что имеет в виду. Сегодня был в точности тот самый день года, то же самое число, как тогда... И каждый год Андре в тот же самый день ставил палатку на опушке леса, и всякий раз заходил к Волфу домой и спрашивал о нем...

– Но тебя никогда не было, – закончил Андре, – и никто не знал, где ты.

– Но теперь знают, – только и мог пролепетать Волф в ответ. У него голова шла кругом. Свет... Лицо Андре прямо перед его лицом... Его голос...

Андре глядел на Волфа с очень близкого расстояния. В глазах его было что-то очень

мягкое и приветливое. Но и еще нечто иное, что привело Волфа в замешательство: нечто требовательное... Словно Андре своим взглядом провоцировал его, приказывал ему сказать то, что он должен сказать, и ничего не умалчивать... не бояться...

242

Или же Волф ошибался?.. Не было ли все это волей случая... Была ли эта встреча такой же случайностью, как и первая?.. Может ли быть, что Андре просто так, без особой причины, в тот же день, как тогда, установил здесь палатку: как тогда? Нет... Нет...

– Та бумажка с твоим адресом... которую ты мне дал... – нетвердым голосом начал Волф, – она пропала... я ее потерял... Иначе бы... иначе...

Андре кивнул и продолжал пристально глядеть на Волфа, но ничего не говорил.

– Я... – вновь начал Волф. На мгновение у него закружилась голова, и прошло несколько секунд, прежде чем он собрался с силами и вновь обрел голос. Но теперь он знал, что должен сказать и высказать: взгляд Андре требовал этого... Или нет?

– Я... хотел написать тебе, что мы... – продолжил Волф. Теперь он опустил глаза, но голос его больше не дрожал. – Андре... Я хотел... чтобы мы вместе... чтобы мы... сделались братишками. Душой и телом, друг с другом, мы... братишками... всегда...

Теперь он осмелился взглянуть на Андре. Подняв голову, он поднял также и руку и, сам

не понимая, как это вышло, потерял равновесие и привалился к Андре. Тот не оттолкнул тело Волфа, но раскинул руки, чтобы подхватить его.

По лугу пронесся неожиданный ветерок, и на солнце нашло облако. Порыв ветра шевельнул палатку, тряхнул свернутое полотнище, обычно прикрывающее вход, но теперь лежащее над ним поперек колышка, и сбросил его вниз. Полотнище развернулось при падении и закрыло вход в палатку.

243

Андре откинулся на спину, не выпуская Волфа из объятий, и притянул его к себе.

– Наконец-то, Волф... Наконец-то... – прошептал он, нежно поглаживая горячими губами ухо Волфа.

**Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют**

244

ГЕРАРД РЕВЕ

КНИГА О ФИОЛЕТОВОМ И СМЕРТИ

Живописная деревня во Франции. В ожидании похорон юного соседа писатель Герард Реве вспоминает прошлое: немецкую оккупацию, пребывание в психиатрической клинике, знакомство с милыми мальчиками и старыми негодьями. «Книга о Фиолетовом и Смерти» должна сделать все остальные книги излишними, за исключением Библии.

ГЕРАРД РЕВЕ

БОГ ОЧЕНЬ ОДИНОК

«Очень часто, когда я отображаю свои отношения с Господом, Он состоит со мной в интимной, не исключаяющей сексуальный контакт связи». Фантазия Герарда Реве о совокуплении с Богом, который явился к нему в виде юного серого осла, стала поводом для «Ослиного процесса» (1966–1968), последнего дела о богохульстве, возбужденного в Нидерландах. Писатель сам защищал себя в зале суда и был оправдан. В книге «Бог очень одинок» собраны воспоминания, речи, лекции, статьи и письма Реве, открывающие тайны ревизма – сексуальных актов наказания, посвященных высшим существам и самому Богу.

**Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют**

ГЕРАРД РЕВЕ

245

ПИСЬМА К ВИМИ

Герард Реве познакомился с Вимом Шумахером в 1952 году. Они провели вместе 10 лет. В 1963 году Вим встретил молодого англичанина М. и ушел к нему. Реве не раз предлагал примирение, но разрыв стал окончательным. Письма Виму приходили из разных стран. Реве посетил Восточный Берлин и нашел его отвратительным, хотел перебраться из амстердамского холода в Испанию или Марокко, но разочарованный вернулся домой. «Письма к Вими» – свидетельство страстной любви и рождения нового литературного стиля, который писатель называл ревизмом.

Ладислав Клима

ЧЕШСКИЙ РОМАН

Три сестры – Ольга, Ина и двенадцатилетняя Сида – стремятся стать воплощением безнравственности. Они воспылали презрением к религии, морали, женской чести, обществу людей. Три сестры готовы сожительствовать со своим отцом, ницшеанцем Вольным, глумиться над матерью, замышлять зверское убийство братьев, сквернословить, высмеивать всё святое и идти на панель.

**Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют**

246

ГЕРАРД РЕВЕ

ПИСЬМА ФРАНСУ П.

«Милый, чувственный, прекрасный Джинсо-зверь», – так Герард Реве обращался к художнику Франсу Паннекуку. Несколько лет они были добрыми собутыльниками, и Реве пытался помочь Паннекуку, устраивая его выставки и продажи гравюр. У журналистов даже возникло подозрение, что Реве выдумал Паннекука и рисует сам. Однако богемный образ жизни художника, отказавшегося зарабатывать на жизнь, раздражал писателя, и в 1969 году они поссорились. От этой дружбы остался знаменитый рассказ «Искусство» и несколько десятков писем.

ЭРВЕ ГИБЕР

ЛЮБОВНАЯ ИНЪЕКЦИЯ

Незадолго до смерти Эрве Гибер сложил в папку под названием «Любовная инъекция» тексты 1979–1984 годов. Он собирался их опубликовать, но сделать этого не успел. Здесь собраны рассказы о любовных похождениях и удивительных приключениях, еще не отмеченных печатью болезни. Гибер порой предельно серьезен, а порой весел, временами слышится его саркастический смех.

Издательства Kolonna Publications и Митин Журнал представляют

МАРСЕЛЬ ЖУАНДО

247

ТРИ РИТУАЛЬНЫХ УБИЙСТВА

1954: Дениза Лаббе безумно влюбляется в Жака Альгаррона. Он подговаривает Денизу утопить ее двухлетнюю дочь, чтобы доказать свою преданность. 1956: Священник Ив Денойе стреляет в свою юную любовницу, вспарывает ей живот, крестит их нерожденного ребенка и убивает его, обезобразив ему лицо. 1957: Симона Дешам по приказу доктора Эвену надевает черную мантию на голое тело и закалывает его спящую супругу. Философ Марсель Жуандо, описавший эти три ритуальных убийства, видел в них магические акты, совершенные под воздействием непостижимых сил, повелевающих нашей судьбой.

ГАБРИЭЛЬ ВИТТКОП

НАСЛЕДСТВА

На берегу Марны возвышалась вилла, которая сперва называлась «Селена», а потом была переименована в честь богини Нут. Этот дом населяли живые, но в нем обитал мертвец: призрак первого владельца, неудовлетворенный дух удавленника, и обитатели чердака порой видели черную сумочку, которую он принес сюда в день своей смерти.

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications»
можно приобрести

в *Москве*:

«Фаланстер», ул. Тверская, д. 17
«Циолковский», Пятницкий переулок, д. 8, стр. 1
«Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5
«Индиго», Ветошный переулок, д. 9,
ТЦ «Никольский пассаж»

в *Санкт-Петербурге*:

«Порядок слов», Наб. Фонтанки, д. 15
«Свои книги», ул. Репина, д. 41
«Все свободны», ул. Некрасова, д. 23
«Подписные издания», Литейный пр., д. 57

через *Интернет*:

«Ozon» ozon.ru
«Читай-Город» chitai-gorod.ru

на *Украине*:

«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж обращаться
в ООО «Медленные книги», тел.: (495) 971-47-92

Все книги издательства можно заказать в редакции
на сайте kolonna.mitin.com

KOLONNA PUBLICATIONS

Россия, г. Тверь, улица Брагина, д. 6, офис 301